

40 # 1 2022

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 40 #1 2022

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPIC

*Media Law and Democratization:
On the 30th Anniversary of the Russian
Media Law*

*What is the Future for Intellectual
Property Law*

Privacy of Public Persons

Media Consumption in Front of Choosing

*Copyright: the Past that Gives Birth
to the Future*

Website as a Legal Mystery

Globalization and Media Law

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2022

Том 40 #1 2022

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

*Медиаправо и демократизация:
к 30-летию Закона о СМИ*

*Какое будущее ждет право
интеллектуальной собственности*

Приватность публичных персон

Медиапотребление перед выбором

*Авторское право: прошлое,
рождающее будущее*

Сайт как юридическая загадка

Глобализация и медиаправо

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2022

unesco
Chair

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on September 16, 2021 in the Federal Service of Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate of registration of mass media ФC77–81925.

The reproduction of articles and other materials against the will of the copyright holders is prohibited in accordance with paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code of the Russian Federation.

The RLS "ConsultantPlus" was used when preparing the journal.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Higher Education and Science of Russian Federation for the publication of the main research results for the degree of candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue "Russian Press" 11287

Address:
National Research University Higher School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 * 23017
e-mail: fts@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

© National Research University
Higher School of Economics, 2022

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 40 #1 2022

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ФC77–45963 dated 15/07/2011)

Publishers:

National Research University Higher School of Economics
Creativity Center for UNESCO

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

NATALIA YAKIMOVSKAYA (HSE, Russian Federation)

Editorial Council:

YURI BATURIN (S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS,
Russian Federation)

IVAN BLIZNETS (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

ELENA VOINIKANIS (HSE, Russian Federation)

ADOLF DIETZ (Max Planck Society, Germany)

EDUARD GAVRILOV (HSE, Russian Federation)

GADIS GADZHIEV (Constitutional Court of the Russian Federation)

MIKHAIL KRASNOV (HSE, Russian Federation)

PETER MAGGS (University of Illinois, USA)

OLEG NERETIN (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)

ANGELIKA NUSSBERGER (University of Cologne, Germany)

SERGEY POTAPENKO (Kuban State University, Russian Federation)

ILYA RASSOLOV (Moscow City University, Russian Federation)

ALEXANDR SERGEEV (HSE, Russian Federation)

ANTON SERGO (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)

ASTAMUR TEDEEV (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

ILYA SHABLINSKY* (HSE, Russian Federation)

SERGEY SHAKHRAI (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)

* - признан Минюстом РФ иноагентом

unesco

Кафедра

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, кор. 4, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел. +7 495 772 95 90 *15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:

Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022

Напечатано с готового оригинал-макета. ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42.

Подписано к печати 12.04.2022 г.
Формат 60×90 1/8. Усл.печ.л. 16,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 000

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 40 #1 2022

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ
№ 018878 от 28.05.1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредители:

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Автономная некоммерческая организация «Творческий центр ЮНЕСКО».

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор

ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

ЯКИМОВСКАЯ Н.Л. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:

БАТУРИН Ю.М. (Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Российская Федерация)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московская государственная юридическая академия
им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАДЖИЕВ Г.А. (Конституционный Суд Российской Федерации)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности,
Российская Федерация)

НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет,
Российская Федерация)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Российская Федерация)

ТЕДЕЕВ А.А. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация)

ШАБЛИНСКИЙ И.Г.* (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ШАХРАЙ С.М. (Шеньчженский МГУ-БИТ университет, КНР)

* - признан Минюстом РФ иноагентом

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.00. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

М.Э. ПРАЙС. Медиа и демократизация: вызовы 1990-х годов.	8
М.А. РОЖКОВА Веб-сайт: от электронной папки до составляющей Метавселенной — эволюция или инволюция?	14
А.И. ГЕРАЩЕНКО. Значение групповой приватности публичных фигур в противостоянии права на частую жизнь и свободы слова.	20
В.М. ЕЛИН. Уголовно-правовая защита прав на программы для ЭВМ	29
Г.М. МИХАЛЕВА. Буллинг и хейтерские кампании в сетях. Есть ли способы регулирования?	36
Н.Е. ПИРЯЗЕВА. Глобализация средств массовой информации и ее влияние на медийное законодательство Российской Федерации	42
М.А. ГОРДЕЕВА, А.А. НОВИКОВА, А.Л. ЗВЕРЕВ, А.Р. АКРАМОВ Конструирование общественно-политических процессов: требования морали, этики и права в интернет-среде	50

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

П.Б. МЭГГС. Будущее права интеллектуальной собственности.	60
М. ПАСКАЛИ. «Выбор активности» в Сети и производство прав интеллектуальной собственности: медиапотребление между свободной службой и бесплатной работой	70
Н.В. БУЗОВА. Некоторые аспекты гражданско-правовой защиты прав организаций вещания	73
О.В. ИСАЕВА. Распространение норм права интеллектуальной собственности на веб-сайт: границы творческой составляющей	82
О.С. КУЛАКОВА. Цифровые квазиюрисдикции: режим защиты прав интеллектуальной собственности в сети	90
Э.Р. ВАЛЬДЕС-МАРТИНЕС. Особенности использования объектов ИЗО и фотографий в СМИ, социальных сетях и иных источниках распространения информации	100
Ю.А. ПОТАПОВ. Становление основ авторского права и его влияние на развитие печати в Российской империи.	113
В.В. СОМОНОВ, К.Р. КОЛОМОЙЦЕВА, В.С. КОЛОМОЙЦЕВ. К вопросу об охране коммерческой тайны на предприятиях аддитивного производства в условиях необходимости удаленного взаимодействия подразделений компании	118

ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS	127
--	-----

TABLE OF CONTENTS

12.00.00. Juridical Sciences

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

Monroe E. PRICE. Media and Democratisation: Challenges of the 1990s.	8
Marina A. ROZHKOVA. Website: From an Electronic Folder to a Component of the Metaverse — Evolution or Involution?.	14
Alyona I. GERASHCHENKO. The Meaning of Group Privacy of Public Figures in the Confrontation of Right to Private Life and Freedom of Speech.	20
Vladimir M. ELIN. Criminal legal protection of rights to computer programs	29
Galina M. MICHALEVA. Bulling and Hate Campaigns on the Networks. Are There Ways for Regulation? . . .	36
Natalia E. PIRYAZEVA. Globalization of the Mass Media and Its Impact on the Media Legislation of the Russian Federation	42
Maria A. GORDEEVA, Anna A. NOVIKOVA, Andrey L. ZVEREV, Alexander R. AKRAMOV. Designing socio-political processes: requirements of morality, ethics and law in digital communications on the internet.	50

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Peter B. MAGGS. The Future of Intellectual Property Law	60
Michelangelo PASCALI. The “Activity of Choice” on the Web and the Production of Intellectual Property Rights: the Media Consumption Between Free Service and Unpaid Work	70
Natalia V. BUZOVA. Challenges of Civil Protection of the Rights of Broadcasting Organizations	73
Olga V. ISAEVA. Extension of Intellectual Property Law to the Website: the Limits of Creativity	82
Olga S. KULAKOVA. Digital Quasi-Jurisdictions: Intellectual Property Rights Protection Regime in the Network.	90
Erik R. VALDES-MARTINES. Features of the Use of Works of Fine Art and Photos in the Mass Media, Social Networks and Sources of Information Dissemination	100
Yuri A. POTAPOV. Formation of the Foundations of Copyright and Its Impact on the Development of Printing in the Russian Empire.	113
Vladislav V. SOMONOV, Ksenia R. KOLOMOYTSEVA, Vladimir S. KOLOMOITCEV. To the Question of Protection of Trade Secrets at Additive Manufacturing Enterprises in the Context of the Requirement for Remote Interaction of the Company’s Departments	118

ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS	127
---	-----

Научная статья

УДК 347.77, 347.78

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14211>

Original article

МЕДИА И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ: ВЫЗОВЫ 1990-Х ГОДОВ MEDIA AND DEMOCRATISATION: CHALLENGES OF THE 1990s

Монро Э. ПРАЙС

Университет Оксфорда,
St Cross Building, St Cross Road, Oxford OX1 3UL,
monroe.price@gmail.com,
Scopus ID - 23490093400

Информация об авторе

Монро Э. Прайс — старший научный сотрудник Центра социально-правовых исследований Оксфордского университета. Руководил Центром исследований глобальных коммуникаций Анненбергской школы коммуникации при Пенсильванском университете

Аннотация. 1990-е годы стали важным временем в формирующейся Российской Федерации для экспериментов и изменений в политике СМИ. Заявленной целью было информирование граждан, но оно сосуществовало с опасениями по поводу того, что чрезмерно критические меры могут поставить под угрозу демократические перспективы. Законодательство и политика в области СМИ тогда также формировались, чтобы «отшлифовать» избирательные мандаты или помочь поддержать определенные взгляды на постсоветское общество. Важными экспериментами стали создание Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ и Договор об общественном согласии.

Ключевые слова: информированный электорат, сравнение СМИ, избирательный мандат, управление, эпоха Ельцина, стабильность

Для цитирования: Прайс М.Э. Медиа и демократизация: вызовы 1990-х годов // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 8–13; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14211>

• Monroe E. PRICE

• University of Oxford,
• St Cross Building, St Cross Road, Oxford OX1 3UL,
• monroe.price@gmail.com,
• Scopus ID - 23490093400

• Information about the author

• M.E. Price — a Senior Research Associate at the Centre for Socio-legal Studies at the University of Oxford. He directed the Center for Global Communication Studies at the University of Pennsylvania's Annenberg School for Communication

• **Abstract.** The 1990s were an important time for experimentation and change in media policy in the emerging Russian Federation. Informed citizenry was a stated goal, but it coexisted with other strong currents, concerns about excessive and overly critical accounts functioning to endanger democratic prospects. Media law and policy was then also shaped to burnish electoral mandates or to help support particular visions of the post-Soviet society. Important experiments included the Presidential Judicial Chamber on Information Disputes and the Treaty of Public Accord.

• **Keywords:** informed electorate, comparative media, electoral mandate, governance, Yeltsin era, stability

• **For citation:** Price Monroe E. Media and Democratisation: Challenges of the 1990s // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 8–13; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14211>

The decade of the 1990s in the Soviet Union and then the Russian Federation was one of the most extraordinary periods in the history of media regulation. It would be a great loss were it to be forgotten. In the spirit of this conference marking 30 years of radical change and stubborn continuity, we should all want to revisit aspects of those these strange and difficult times. Many of those who lived through these dramatic years are, many of them, slipping away, and the legal artifacts of the time are increasingly ephemeral. For me, thinking about this subject led to a happy task, looking through a volume of essays, documents and decisions: **Russian Media Law and Policy in the Yeltsin Decade** [1], published two decades ago, edited by communication law scholars Andrei Richter, Peter Yu and me and heavily influenced by an environment in which Mikhail Fedotov and Yuri Baturin, who created the 1991 Russian media law, played such an important part. In that book, I wrote these words: “Looking at the development of mass media law in post-Soviet Russia is like examining the wrists of a recently freed prisoner where the marks of the chains are still present” [2, p. 31]. Those were strong words. They may continue to be applicable, but in so different a context that all implications must be revisited. Technologies have transformed; the geopolitics of information regulation have revolutionized. A period of dramatic uncertainty and weakness has been replaced with momentary projections of confidence. Altogether, the rather wild and unconventional 1990s, uncertain and often depressed, have given way to a far more controlled and stabilized Putin era. Several vital issues arise when looking back to the 1990s and forward to the next quarter-century: how to celebrate advances; how to discover new vocabularies of change; how does one understand the dramatic modifications in the strategic reshaping of media spaces in a digital age.

A few words about why the 1990s were such an important crucial time for reconceptualizing media law and policy. One reason this decade of the 1990s was so consequential was the cast of characters engaged in participating in the reshaping process. In the vortex created by the sudden end of the Soviet Union, in the time during Perestroika and after, the redefinition of freedom of expression fell to an unusual mixture of journalists, officials,

lawyers, educators, entrepreneurs and thieves, some operating at enormous scale. It would be an important contribution to chronicle the cast of characters. I would single out Yassen Zassoursky, the legendary dean of the School of Journalism at the Moscow State University (MGU), who died in 2021 and whose cavernous office at MGU was a site of religious wonder: a global archive incorporating, not just the decade, but a century of consequential transformation. Zassoursky had witnessed transformations, drastic changes in ideology, in alliances and technology. His office was benevolent and simultaneously tragic, a monument to the elegance of persistent memory and the destructive impacts of shifting winds. Everyone passed through his office, from Scientologists to fervid graduate students, foreign broadcast moguls to fly-by-night operatives, high flying diplomats, and ambitious scholars and entrepreneurs. As Andrei Richter wrote in a loving tribute, Zassoursky “managed to create an academic laboratory for free journalism while maintaining the facade of ‘forging ideological personnel’” [3]¹.

The spirit of Zassoursky was an example of why the period of the 1990s was so yeasty. There were many forces at play. To have functioned and contributed in that decade required some magical combination of idealism, realism, fatalism and cynicism, some willingness to pretend positive change was possible, while recognizing depressing limitations. It was a period of individual and collective striving for human rights and freedom of expression, and at the same time of massive privatization and alteration of institutions. Brilliant minds that had seen few opportunities to have their ideas discussed and realized now could command attention. The unconventional became the currency of the moment. I remember a conversation with Igor Malashenko, the one of the founders of NTV, about programming possibilities. In 1990s, NTV was a key national independent privately owned TV broadcaster. Experts were urging Malashenko to have more public interest programming. Spanish and Turkish soap operas were gaining popularity. It was

¹ For me, other influences include Aleksei Simonov and his Glasnost Defense Foundation, Andrei Richter’s Moscow Center for Media Law and Policy and the Carter Commission on Radio and Television Policy.

his view, however, that the Russian audience needed programs, rather, like “Miami Vice” that would, in his view, awaken the sleeping mass and increase the thirst for cutthroat competition. That way lay the future. Moscow’s hotel lobbies were filled with idea entrepreneurs, agents of charities, representatives of big brands (like McDonald’s), producers, famous academics and others. Internews, an international media support nonprofit organization, now a collection of hundreds and more of implementers around the worldwide pressing for democracy-augmenting media, was then just a struggling pioneer, defining its purpose, seeking a formula for engagement [4]. In the wake of the great institutional collapse, this was a time for the fashioning or refashioning of norms. It was a great jurisprudential void. Of course, it was hardly a total emptiness. This was a society in which almost 75 years of Soviet governance and Leninist ideologies of the function of the media was deep in the collective identity. And, as mentioned, the surrounding world, academics, businesses and those engaged in communications governance and development, were pervasively seeking to influence Russian efforts at reform. All this made the 1990s special. And this combination of forces created a heightened consciousness of alternative ways of thinking about the role of information in society, about media and democracy, about the very purpose of information flows.

Fully to capture the discourse and transformation of this period is far beyond the capacity of this short essay. Certainly, among the monuments to this time are the legislative constructs of Fedotov and Baturin. There were many steps, large and small. The new media law was certainly a major effort. But the impact of the times was larger and more pervasive. The abandonment of old models meant there was almost a *tabula rasa*, from an institutional perspective. How media should be structured in the Russian Federation became a matter of global debate. There were small cultural steps as well, including: a “school” of media law and policy informally named after Baturin and formed at the MSU School of Journalism. The school held weekly classes to recruit and train young law and journalism students who would become more familiar with international standards and approaches to media law, still novel in for the Russian Federation. These young law and media professionals could and did staff the new institutions created as tangible instruments of change.

More pervasive perhaps, were theoretical innovations. I draw heavily on the work of Professor Frances Foster, who chronicled four distinct approaches to the functions of information explored by Russia after the dissolution of the Soviet Union. These four — a foundation for thinking through theoretical perspectives were, in Foster’s telling, the informed citizenry theory, the de-

fense of democracy theory, the popular mandate theory, and the parental theory [5, p. 95–118].

INFORMED CITIZEN THEORY

A root approach — one that perceived the emerging society as stemming from its citizenry — saw a need for a very broadly functioning media, one that could yield a citizenry capable of performing the functions assigned to it in a democratic post-Soviet world. A citizenry worthy of the term should be informed (or have the means to be informed), and it could be the task of the media institutions to ensure the fulfillment of this task. This would be particularly important as the new citizen of the Russian Federation was formed. One can see the thousands of implications for media immediately. Of course, the theory was a powerful argument for official affirmative action to protect the media from economic and political extinction. Foster found in the debates of the time the emphasis on media’s role in informing Russian society as grounds for careful exemption from free market principles for specific preferences such as state subsidies, tariff reductions, and tax concessions [6, p. 97]. There is a policy implication to assure the existence of a media system that can inform the citizenry. One should also note that the informed citizenry theory was deployed to justify journalistic advocacy of media coverage of the negative as well as positive aspects of post-Soviet Russia. This included a defense for harsh and persistent media criticism and ridicule of Russian leaders, institutions, and processes. The informed citizenry theory undergirds access to information and openness of data (as the doctrine develops). Foster tied the theory to efforts to resist or protest official attempts to monitor, censor, and mandate expression. It has also been a frequent defense against government criminal, civil, and extralegal actions against individual media organs.

DEFENSE OF DEMOCRACY THEORY

Foster contrasted the informed citizen theory with the “defense of democracy theory”, which became more prominent as the decade advanced. She read the post-Soviet debates as shifting towards this “defense of democracy” emphasis, and the distinction is significant. Much of the political class, especially then president of Russia Boris Yeltsin, came to see “full” information, as described by an “informed citizen” lens, as a potential threat to the democratic system. “Too much” information or the wrong kind could have a destabilizing effect. Certain flows can alienate citizenry from government. Carpeted emphasis on official corruption and other frailties are seen (and were seen in mid-1990s Russia) to weaken gov-

ernment institutions already in a weakened state. There was an overarching point: constant delegitimization encourages popular distrust, apathy, and nonparticipation in the political process. “Irresponsible” dissemination of information can also exacerbate political and ethnic divisions. Incessant reports of even the most inconsequential disagreements between branches of power fuel political tensions and inhibit compromise [7, p. 99].

The defense of democracy theory thus came to regard the mass media, at times, as a dangerous adversary. Foster expanded this argument:

“[...] the media exalt abstract constitutional rights above the concrete interests of state and citizenry. In so doing, they jeopardize the evolving democratic process and cause serious harm to society. Under the protective banner of freedom of press, expression, and information, the media bombard the populace with a barrage of false, distorted, offensive, and negative news. They unleash “psychological war”, discredit organs of power, “torpedo” reforms, inflame an already tense atmosphere, and contribute to public dissatisfaction and despair. Under the defense of democracy theory, the notion of an independent Fourth Estate is anathema. It views the proper role of the media instead as conduit between government and citizenry. Like the informed citizenry theory, the defense of democracy theory recognizes the value of an “informing” media for democracy. Its understanding of this function is fundamentally different, however. The defense of democracy theory limits the media to “constructive”, “responsible”, “balanced”, and “objective” dissemination of information” [8, p. 100].

POPULAR MANDATE THEORY

Let me turn to the final two approaches that animated discussion in the 1990s. The “popular mandate theory” was tied to then (and now) emerging modes of legitimating governments as a consequence of the quality of an election. What are the preconditions for considering a popular mandate to be reliable and what role does the media play in achieving that goal? The popular mandate theory requires a healthy balanced flow of political information to the electorate. The popular mandate theory also has as an aspiration that voters receive a genuine comparison and choice among competing candidates and approaches. The popular mandate theory can justify various forms of intervention: opportunities for candidates, irrespective of wealth or status, to “equitable access” to mass communication and information media. Moreover, it calls for a full and fair presentation of positions and forbids any outside manipulation or distortion. Finally, the popular mandate theory demands serious, “civilized”, and constructive election campaigns and coverage. Gov-

ernment is justified in prohibiting “unethical”, “defamatory”, and “improper” criticism of opponents (or even the constitution itself). According to Foster, reviewing the debates of the 1990s, “the popular mandate theory views active media involvement in campaigns with suspicion. It emphasizes the power of journalists to skew political information, processes, and outcomes. To prevent media manipulation and interference in elections, the popular mandate theory permits only objective, nonpartisan and unfiltered reporting of campaigns. It ‘rules out’ any analysis, comparison, and criticism of candidates and positions that could unduly influence voters’ perceptions and decisions” [9, p. 102].

PARENTAL STATE THEORY

I have less to say about Foster’s last category — perhaps the most important — namely what she called the Parental Theory. She identified this theory as characterizing Yeltsin’s response to the election debacle of December 12, 1993, when post-Soviet Russia had the first parliamentary elections and a constitutional referendum. Low voter turnout, unenthusiastic popular endorsement of the Constitution, and decisive repudiation of reformist candidates, parties, and platforms were blamed in large part on a failed information policy. This experience also led, as Foster noted, to a fundamental reevaluation of the short-term prospects for democracy in Russia. Under the new view, Russia was “immature and unprepared for democracy” [10, p. 104]. According to the “parental theory”, the role of information is to nurture a particular kind of democracy. Its function is to create what could be seen as necessary conditions for future development of a democratic system — “social accord” and “political culture”. Current efforts to ensure “traditional values” may be an embodiment of a pervasive parental state approach with dramatic potential consequences for media.

As the 1990s pulsed with these various theories of information flow, policies emerged that embodied elements of these theories — sometimes empowering of individuals but often constricting and censoring speech. This interplay between changing justifications, balances of power and enforced actions gave the 1990s their precariousness. For example, consistent with the “popular mandate” theory, adopted or considered policies included:

“[...] assignment of free air time by lot in equal blocks to all registered candidates; limitations on fees and opportunities for paid political advertisement; and provision of free newspaper space for publication of candidate and party platforms. The Russian government [...] sought to reduce the distorting effects of status on the electoral process by monitoring and restricting media use by government officials, heads of television and radio

companies, and journalists who are candidates or candidates' representatives. The popular mandate theory's concern with fair and full presentation [...] translated into extensive legal and extralegal prescriptions on potentially "distorting" practices and coverage. For example, post-Soviet Russia [...] banned public opinion polls and "agitation" for or against candidates immediately prior to or during voting. It has also issued detailed directives regarding the approved format, content, and scope of election-related broadcasts" [11, p. 103].

All these policy initiatives yielded specific outcomes in administration and novel institutions for adjudicating disputes about media and elections or media and societal norms. One significant example that bears examination was a complex enterprise called the President's Judicial Chamber for Information Disputes. Yeltsin created the Chamber in December 1993 purportedly to assist in effective enforcement, interpretation, and development of norms and rules. It became a tool, as many would conclude, to protect efforts favoring Yeltsin. In terms of theories of information and society theories, almost all were in play. The Chamber could be said, ideally, to probe how information diffusion could be enhanced to create a more informed citizenry. It frequently presented itself as a defender of democracy. Its functioning was justified in terms of enhancing the legitimacy of a popular mandate. President Putin abolished the Judicial Chamber by his decree on June 3, 2000. In its brief history, the Judicial Chamber dealt with issues that are similar to those that confront or are constructed to confront societies today. The Chamber was concerned with media dissemination of information that allegedly discredited state institutions, personnel, and legislation. The Judicial Chamber examined and censured publications and broadcasts said to ridicule the federal legislature as a "farce" and its deputies as "clowns" and "buffoons" as well as broadcasts of offensive, slanderous, and inflammatory statements by candidates [12].

There is a final example of institutional creativity that bears study. Too little has been written, I think, about the effort in 1994 to fashion a Treaty of Public Accord [13], a sweeping and dramatic effort to build on a theory of free expression in society. It is interesting to see the contorted attempts to tame discourse in a world of media, not today's social media but media similarly open and seemingly unregulable. There was the desire to appear to be wholly open, yet to domesticate speech and to do so in a way that has the attributes of the consensual, the private and the self-policing. One could look back to the 1990s and the attempted Treaty of Public Accord as a precedent. It depended on the illusion of broadly organized voluntary accession, a wholesale move from individual to collective rights, and the invocation of Soviet themes. Under the

Treaty of Public Accord almost everyone was intended to be a signatory. The Treaty's "terms of service" or standards were more forceful than what one sees in some though not all of today's content moderation arrangements. Some examples (italics are mine. — M.P): The parties to the Treaty "*pledged to take all necessary measures to ensure stability within the country*". Or this: "*The organizers of rallies and demonstrations, and local bodies of power and law enforcement bodies accept moral and political, as well as legal, responsibility for ensuring that these actions are peaceful in nature and that they are conducted in strict accordance with current legislation*". The signatories stipulated that the only constitutional amendments that should be proposed and advanced should be those "*conducive to stabilizing the situation in society*". In a sweeping effort to be encompassing "the numerous parties to the treaty recognized "*the grandeur of Russian history, with its heroic and tragic pages*", and recognized as well that that grandeur "*obliges one to avoid simplified or insulting appraisals of the past and to prevent the distortion of historical fact*".

CONCLUSION

The 1990s in Russia were a period of high experimentation in the shaping of media policies. It was a period of intense drama and a shifting mixture of significant actors with widely differentiated constituencies. Media policy had its veneer of principle and its reality of competition for power. Media policy was a theater through which the new Russian Federation defined itself and a framework for oligarchs and others to create their own form of "democratic development". The 1990s were a decade in which idealism fluttered in and out of consciousness. In the effort to advance new approaches, one could see the persistence of old theories — Marxist-Leninist theories — in which openness, criticism, broad diffusion of information are instrumental and significant [14]. The impact of the 1990s on the future of the Russian Federation, on media development elsewhere in the former Soviet Union, and on theories of media and democracy — all this will be debated for decades to come. The elemental point here is that — as always — there are important opportunities to gain for the present from examining media debates and policy implementations from the past. The contemporary world — in the West, in China, in Russia — is a scene in which aspects of the crises of the 1990s have their parallels and precedents. Concerns persist about the corruption of elections and the election of the corrupt. Debates proliferate about the rising dangers of free expression to democracy itself and the need to address those dangers. Anxieties about the culture intensify with increasing conviction that social media, rather than being pure engines of freedom, can

dramatically undermine cohesion. Foreign media interventions subvert a century of media organized by state and nation. And media in conflict becomes a subject of increasing importance and complexity as new forms of conflict put in question long-accepted truths about the receipt and transmission of information “regardless of frontiers”. Fedotov and Baturin have organized perspectives on three decades of media development as a way to scrutinize pathways taken and pathways blocked. We are fortunate that they have pressed for this comparative inquiry.

REFERENCES

1. Price M.E., Richter A., Peter K.Y. (Eds.). *Russian Media Law and Policy in the Yeltsin Decade: Essays and Documents*. The Hague: Kluwer Law International, 2002.
2. Ibid. P. 31.
3. Richter A. He protected us’ Remembering Yassen Zassoursky, the journalism scholar who midwifed Russia’s post-Soviet free press // Meduza. 2021. 11 August. — URL: <https://meduza.io/en/feature/2021/08/11/he-protected-us> (date of application 31.01.2022).
4. Laskow S. How a Famed New Age Retreat Center Helped End the Cold War. 8 December, 2015 // Atlas Obscura. URL: <https://www.atlasobscura.com/articles/how-a-famed-new-age-retreat-center-helped-end-the-cold-war>, date of application 31.01.2022.
5. Foster F.H. Information and the Problem of Democracy: The Russian Experience // M.E. Price, A. Richter, K.Y. Peter (Eds.). *Russian Media Law and Policy in the Yeltsin Decade: Essays and Documents*. Op. cit. P. 95–118.
6. Ibid. P. 97.
7. Ibid. P. 99.
8. Ibid. P. 100.
9. Ibid. P. 102.
10. Ibid. P. 104.
11. Ibid. P. 103.
12. Foster H. Parental Law, Harmful Speech, and the Development of Legal Culture: Russian Judicial Chamber Discourse and Narrative // M.E. Price, A. Richter, K.Y. Peter (Eds.). *Russian Media Law and Policy in the Yeltsin Decade: Essays and Documents*. Op. cit. P. 155–187.
13. The Treaty of Public Accord. Adopted in Russia in April, 28, 1994 // M.E. Price, A. Richter, K.Y. Peter (Eds.). *Russian Media Law and Policy in the Yeltsin Decade: Essays and Documents*. Op. cit. P. 395–401.
14. Sherstoboeva E. The Evolution of a Russian Concept of Free Speech // M.E. Price, N. Stremlau (Eds.). *Speech and Society in Turbulent Times: Freedom of Expression in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 213–236.

BIBLIOGRAPHY

1. Price M.E., Richter A., Peter K.Y. (Eds.). *Russian Media Law and Policy in the Yeltsin Decade: Essays and Documents*. The Hague: Kluwer Law International, 2002. P. 31–46.
2. Richter A. He protected us’ Remembering Yassen Zassoursky, the journalism scholar who midwifed Russia’s post-Soviet free press // Meduza. 2021. 11 August. — URL: <https://meduza.io/en/feature/2021/08/11/he-protected-us>, date of application 31.01.2022.
3. Laskow S. How a Famed New Age Retreat Center Helped End the Cold War. 8 December 2015 // Atlas Obscura. — URL: <https://www.atlasobscura.com/articles/how-a-famed-new-age-retreat-center-helped-end-the-cold-war>, date of application 31.01.2022.
4. Foster F.H. Information and the Problem of Democracy: The Russian Experience // M.E. Price, A. Richter, K.Y. Peter (Eds.). *Russian Media Law and Policy in the Yeltsin Decade: Essays and Documents*. Op. cit. P. 95–118.
5. Foster H. Parental Law, Harmful Speech, and the Development of Legal Culture: Russian Judicial Chamber Discourse and Narrative // M.E. Price, A. Richter, K.Y. Peter. (Eds.). *Russian Media Law and Policy in the Yeltsin Decade: Essays and Documents*. Op. cit. P. 155–187.
6. The Treaty of Public Accord. Adopted in Russia 28 April 1994 // M.E. Price, A. Richter, K.Y. Peter (Eds.). *Russian Media Law and Policy in the Yeltsin Decade: Essays and Documents*. Op. cit. P. 395–401.
7. Sherstoboeva E. The Evolution of a Russian Concept of Free Speech // M.E. Price, N. Stremlau (Eds.). *Speech and Society in Turbulent Times: Freedom of Expression in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 213–236.

ВЕБ-САЙТ: ОТ ЭЛЕКТРОННОЙ ПАПКИ ДО СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МЕТАВСЕЛЕННОЙ — ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ ИНВОЛЮЦИЯ?

WEBSITE: FROM AN ELECTRONIC FOLDER TO A COMPONENT OF THE METAVERSE — EVOLUTION OR INVOLUTION?

Марина Александровна РОЖКОВА

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, rozhkova-ma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8071-174X>

Информация об авторе

М.А. Рожкова — главный научный сотрудник, доктор юридических наук

Аннотация. Веб-сайт достаточно часто ошибочно относят к интеллектуальной собственности, тогда как на самом деле в качестве объекта интеллектуальных прав может выступать не сам сайт, а его составляющие — творческая компоновка контента сайта (результат составительства), внешний вид сайта и дизайнерское решение его интерфейса (произведения дизайна или промышленный образец). В то же время понимание сайта как особым образом структурированной информации в виде совокупности связанных между собой веб-страниц и электронных файлов, объединенных одним доменным именем, позволяет относить его к базовым элементам сети Интернет, рассматривая через призму информационного права. В этом контексте нельзя не замечать происходящую сегодня трансформацию веб-сайта из самостоятельного информационного ресурса в один из компонентов сложного интернет-ресурса — информационную систему. В свою очередь, широкое распространение информационных систем дает основания для вывода об ослаблении позиции сайта, который все чаще из автономного интернет-ресурса превращается в составляющую информационной системы. Грядущее появление метавселенных, по всей видимости, в еще большей степени будет способствовать угасанию значимости веб-сайта в качестве базового элемента всемирной сети.

- В статье дана оценка сегодняшнего «статуса» веб-сайта как элемента сети Интернет в целях разрешения вопроса о необходимости разработки правового режима веб-сайта в качестве сложного объекта интеллектуальных прав. На основании проведенного анализа сформулированы дополнительные аргументы в обоснование ранее сделанного нами вывода об отсутствии потребности в разработке названного правового регулирования.

- **Ключевые слова:** веб-сайт, авторское право, информационная система, Метавселенная

- **Для цитирования:** Рожкова М.А. Веб-сайт: от электронной папки до составляющей Метавселенной — эволюция или инволюция? // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 14–19; <http://doi.org/10.17323/tis.2022.14212>

Marina A. ROZHKOVA

- Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, rozhkova-ma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8071-174X>

Information about the author

- M.A. Rozhkova — Chief Researcher, Doctor of Law

- **Abstract.** Website is often mistakenly referred to intellectual property, whereas in fact the object of intellectual property rights may be not the site itself, but its components — the creative content layout of the site (the result of composition), the appearance of the site and design of the site interface (design works or industrial design). At the same time the understanding of the site as a specially structured

создание ряда программ, которые будут получать информацию из одного источника и конвертировать ее для показа в другом (см., например, [3]). В связи с тем что подобная оптимизация предполагалась долгой, энергозатратной и дорогой, был избран другой подход: предоставить всем компьютерам доступ к данным, что было реализовано посредством создания веб-сайта, объединяющего несколько веб-страниц, на которых размещалась соответствующая информация. Первый сайт (который и сегодня можно найти по адресу <http://info.cern.ch>) содержал информацию о самом проекте World Wide Web, а позднее — еще и ссылки на другие сайты, став таким образом первым в мире интернет-каталогом.

<http://info.cern.ch> — home of the first website

From here you can:

- Browse the first website
- Browse the first website using the line-mode browser simulation
- Learn about the birth of the web
- Learn about CERN, the physics laboratory where the web was born

Бесспорно, современные веб-сайты визуально серьезно отличаются от первого сайта, однако по своей сущности они аналогичны — всякий веб-сайт представляет собой, по сути, некое подобие электронной «папки» с различного рода файлами (документами), размещенной в сети Интернет на одном доменном имени. Другое дело, что в одних случаях объем информации, составляющей эту «папку», небольшой и ограничивается несколькими файлами, тогда как в иных случаях — требует создания соответствующих банков (баз) данных, о чем будет говориться далее.

Таким образом, как и прежде, *сайт есть определенным образом упорядоченная и размещаемая на веб-странице (веб-страницах) совокупность информации*, но в современном «исполнении» эта информация обычно творчески подобрана, нестандартно визуализирована, креативно оформлена.

2. В актуальном российском законодательстве упоминается не только сайт, но и более широкое понятие «**информационный ресурс**», под которым по смыслу Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации) понимаются *всевозможные разновидности структурированной информации, доступ к которым осуществляется посредством сети Интернет*, включая как веб-сайты и отдельные веб-страницы, так и целые информационные системы (ч. 1 ст. 15.8). В качестве информационных ресурсов в Законе пря-

мо названы, в частности, новостной агрегатор (п. 1 ч. 4 ст. 10.4), сетевые издания (ч. 11 ст. 10.4), аудиовизуальный сервис (п. 1 ч. 3 ст. 10.5), социальная сеть (п. 1 ч. 12 ст. 10.6). Таким образом, понятие «информационный ресурс» охватывает одностраничные сайты-визитки, например, адвокатов, сайты — государственные реестры, лендинги мероприятий, платформы социальных сетей, сайты широко известных компаний и стартапов, веб-страницы-презентации образовательных программ, сайты сетевых изданий СМИ, площадки интернет-магазинов, порталы государственных информационных систем, интерактивные сайты музеев, поисковые ресурсы и пр.

Очевидно, что многие из упомянутых информационных ресурсов имеют сложное строение и оформление составляющих их веб-страниц, а кроме того, задействуют значительные объемы данных. Помимо этого большинство современных информационных ресурсов отличает *интерактивность*, обеспечивающая электронное взаимодействие с пользователями.

Все это способствовало формированию у юристов мнения, что веб-сайты нуждаются в специальном правовом регулировании в качестве самостоятельного объекта интеллектуальной собственности, ибо включают в свой состав базы данных и требуют при их создании значительных интеллектуальных, в том числе творческих, усилий. Причем чаще всего звучат предложения признать сайт сложным объектом (ст. 1240 ГК РФ), хотя обоснование тому дается явно недостаточное.

Так, А.И. Савельев, отмечая, что веб-сайт включает в себя ряд компонентов, прямо относит к ним «*программную основу («движок»), дизайн, HTML-текст веб-страниц, разнообразное информационное наполнение*» [4]. Подчеркивая, что данные компоненты обладают «особой сложной взаимосвязью», автор считает это достаточным основанием для отнесения веб-сайта к сложным объектам интеллектуальных прав, подпадающим под регламентацию ст. 1240 ГК РФ.

С такой позицией сложно согласиться, поскольку по смыслу ст. 1240 ГК РФ для отнесения объекта интеллектуальных прав к числу сложных необходимо, чтобы он включал в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Между тем названное А.И. Савельевым программное обеспечение, необходимое для создания сайта, поддержки его актуальности, оптимизации и прочего, как и HTML-код, являющийся языком гипертекстовой разметки для структурирования сетевого документа [5], не является *составляющим* сайта, а обеспечивает его работоспособность и актуальность. С учетом сомнительности отнесения к объектам интеллектуальных прав

«информационного наполнения» усмотреть за сайтом сложную структуру вовсе не получается.

На мой взгляд, вывод об усложнении именно веб-сайта абсолютно неверен: в тех случаях, когда мы говорим об информационном ресурсе, обеспечивающем доступ к большим объемам структурированной информации, речь, как правило, идет об информационной системе.

В п. 3 ст. 2 Закона об информации закреплено, что под **информационной системой** следует понимать «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств». Это легальное определение сложно назвать исчерпывающим, хотя изначально — когда информационная система, по сути, представляла собой автоматизированный банк данных — оно было достаточно точным.

Современную информационную систему (к которой относят, в частности, поисковые системы, государственные реестры и регистры, интернет-магазины, справочно-правовые системы) принято рассматривать несколько иначе — как совокупность компонентов, предназначенных для сбора, обработки, хранения и распространения информации, в том числе для принятия решений. Примечательно, что к числу таких компонентов — наряду с аппаратным и программным обеспечением, данными (разнообразными хранилищами данных), телекоммуникациями — эксперты иногда относят программистов-разработчиков этой системы, ее операторов, а то и пользователей системы (см., например, [6]). Приоритет же в рамках информационной системы признается за **банком (базой) данных**, на что обращает внимание Н.В. Бузова, подчеркивающая, что «в основе любой информационной системы лежит база данных с содержащейся в ней информацией, и такая база данных выступает основным компонентом любой информационной системы» [7].

В свою очередь, **веб-сайт**, теперь уже входящий в состав информационной системы, утрачивает значение самостоятельного информационного ресурса, становясь обязательной, но не основной составляющей информационной системы. Показательными примерами тому могут стать, в частности, официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок [8], Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (ЕПГУ) [9], Технологический портал системы межведомственного электронного взаимодействия [10] и т.п.

Изложенное позволяет акцентировать внимание на том, что основой рядового веб-сайта, как правило, становится сравнительно небольшой объем структурированной информации. В случае когда функциониру-

вание информационного ресурса предполагает задействование больших объемов информации, как правило, упорядоченной в базе (банке) данных и требующей использования различных программных и аппаратных средств, в том числе и для обеспечения интерактивности, *речь уже идет об информационной системе.*

3. В развитие сказанного следует отметить, что эксперты все чаще говорят о том, что сегодня уже нет интернета в первоначальном смысле сети, в которой можно было обмениваться некоторой информацией, — современный интернет характеризуется существованием огромных хранилищ данных, которые постоянно находятся в движении. Это и объясняет все большее распространение именно информационных систем.

Становясь компонентом информационной системы, веб-сайт призван выполнять ряд вспомогательных задач, к числу которых относятся, в частности, следующие.

Во-первых, *сайт становится «местом размещения» пользовательского веб-интерфейса* (англ. *web user interface*), который посредством соответствующих компьютерных программ (программ для ЭВМ), также являющихся компонентами информационной системы, обеспечивает возможность взаимодействия пользователя с этой системой и пользования соответствующими базами (банками) данных.

Во-вторых, *на веб-страницах сайта отображается информация (данные), которая сгенерирована информационной системой по запросу пользователя.* Именно средством отображения информации отличается получение информации в рамках компьютерной программы (офлайн) от информационной системы (онлайн): графический пользовательский интерфейс (англ. *graphical user interface*), который обеспечивает возможность взаимодействия пользователя с компьютерной программой, отображает информацию в соответствующей *панели вывода* [11], тогда как пользовательский веб-интерфейс предусматривает выгрузку полученных в информационной системе данных на *веб-страницах сайта* [12].

В-третьих, *веб-сайт*, если он является компонентом закрытой для общего доступа информационной системы, может на своей общедоступной веб-странице *содержать инструменты входа/регистрации пользователя в информационной системе* (иногда схожим образом размещается на веб-странице вход/регистрация, например, в видеоигре). В такой ситуации данные, сгенерированные по запросу зарегистрированного пользователя, отображаются на закрытых для общедоступности веб-страницах сайта (см., например, [13]).

Вследствие сказанного, по всей видимости, надо говорить не об усложнении структуры или содержа-

ния сайта, а скорее о «*растворении*» веб-сайта как самостоятельной единицы в современных информационных системах. Меняющийся ландшафт интернет-пространства опирается в большей степени уже не на веб-сайты, а именно на информационные системы: «Многие крупные компании полностью построены на информационных системах. К ним относятся: eBay, в основном торговый маркетплейс; Amazon, расширяющийся электронный торговый центр и поставщик услуг облачных вычислений; Alibaba, электронная торговая площадка для бизнеса; Google, поисковая компания, которая получает большую часть своего дохода от рекламы по ключевым словам при интернет-поиске» [14].

По всей видимости, данная тенденция получит развитие в рамках Метавселенной, идея которой получила широкую известность сравнительно недавно [15].

Раскрывая сущность Метавселенной [16], Мэтью Болл пишет, что она вовсе не призвана фундаментально заменить интернет, а основывается на нем и преобразовывает его. Так, *мобильный интернет*, представляющий собой технологию подключения к всемирной сети при помощи беспроводной сети с портативных мобильных устройств — смартфонов, мобильных телефонов и иных мобильных гаджетов — и создавший условия для доступа к интернету практически в любой точке мира, что позволяет современному человеку почти в любом месте просматривать новости, читать книги и смотреть фильмы, удаленно работать, искать необходимую информацию и прочее, стал, по мнению исследователя, *квазипреемником «обычного» интернета* (доступ к которому осуществляется через стационарные компьютеры и ноутбуки).

Подобно этому *Метавселенная* призвана стать *квазипреемником мобильного интернета*, помещая всех в виртуальную среду практически на постоянной основе. М. Болл пишет о том, что пользователи будут почти постоянно находиться «внутри» интернета, а не иметь к нему «доступ» время от времени, причем это не потребует обязательного ношения VR-гарнитуры, поскольку и сегодня нахождение в виртуальных мирах возможно без соответствующих устройств VR/AR/MR/XR [17]. Более того, как подчеркивает автор, Метавселенная — это не виртуальная реальность и не видеоигра, а сеть взаимосвязанных навыков и приложений, устройств и продуктов, инструментов и инфраструктуры, создающих виртуальные миры, в которых в реальном времени находится неограниченное число пользователей «с индивидуальным ощущением присутствия и непрерывностью данных, таких как идентификация, история, права доступа, объекты, коммуникации и платежи» [17].

С учетом сказанного можно заключить, что Метавселенная, которая должна стать следующим этапом в развитии технологии сети Интернет и, кажется, призвана «стереть границы» между приложениями, соцсетями, мессенджерами, сайтами и иными веб-составляющими, вряд ли будет окончательно избавлена от такой составляющей, как веб-сайт. Вместе с тем происходящие изменения свидетельствуют об угасании значения сайта в качестве базового элемента интернета.

Изложенное подтверждает ранее сделанный нами вывод об отсутствии потребности в разработке правового режима веб-сайта в качестве сложного объекта интеллектуальных прав. Это объясняется тем, что нет никаких оснований говорить об усложнении самого сайта — напротив, из автономного информационного ресурса он, утрачивая самостоятельность, все чаще превращается в компонент сложного интернет-ресурса — информационной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рожкова М.А., Исаева О.В. Понятие сайта (веб-сайта) для целей права [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 32 (июнь). С. 46–54 — URL: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/the-concept-of-a-site-website-for-the-purposes-of-law>
2. Berners-Lee Tim. Information Management: A Proposal. World Wide Web Consortium (March 1989). — URL: <https://www.w3.org/History/1989/proposal.html>
3. Марков Д. Кто придумал первый сайт в интернете // URL: <https://www.iphones.ru/iNotes/kto-sozdal-pervyy-sayt-v-mire-10-25-2019>
4. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2020. С. 441.
5. URL: <https://www.w3.org/standards/webdesign/htmlcss>
6. Bourgeois D. Information Systems for Business and Beyond (2019). — URL: <https://opentextbook.site/informationssystem2019/>
7. Бузова Н.В. Государственные реестры — базы данных, охраняемые как объекты смежных прав? // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 72.
8. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>
9. URL: <https://www.gosuslugi.ru/>
10. URL: <https://smev3.gosuslugi.ru/portal/>
11. Пункт 8.27.1 Национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р ИСО 9241-161-2016 «Эргономика взаимодействия человек — система. Часть 161. Элементы графического пользовательского интерфейса».

12. Пункт 3.31 Национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р ИСО 9241-151-2014 «Эргономика взаимодействия человек — система. Часть 151. Руководство по проектированию пользовательских интерфейсов сети Интернет».
13. Сайт PRO.Культура.РФ (ранее АИС «Единое информационное пространство в сфере культуры», АИС ЕИПСК). — URL: <https://pro.culture.ru/new/auth/login>; <https://pro.culture.ru/intro#events>
14. Zwass Vladimir. Information system // Encyclopedia Britannica, 2 Nov. 2020. — URL: <https://www.britannica.com/topic/information-system>
15. Рожкова М.А. Виртуальная реальность и Мета- вселенная: предмет правового исследования // Virtual reality and Metaverse: subject of legal research [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2022. 12 января. — URL: https://zakon.ru/blog/2022/01/12/virtualnaya_realnost_i_metavselennaya_predmet_pravovogo_issledovaniya_virtual_reality_and_metaverse
16. The Metaverse Primer. — URL: <https://www.matthewball.vc/the-metaverse-primer>
17. Ball M. Framework for the Metaverse. — URL: <https://www.matthewball.vc/all/forwardtothemetaverseprimer>
11. Punkt 8.27.1 Nacionalnogo standarta Rossiiskoi Federacii GOST R ISO 9241_161_2016 “Ergonomika vzaimodeistviya chelovek — sistema. Chast 161. Elementi graficheskogo polzovatel'skogo interfeisa”.
12. Punkt 3.31 Nacionalnogo standarta Rossiiskoi Federacii GOST R ISO 9241_151_2014 “Ergonomika vzaimodeistviya chelovek — sistema. Chast 151. Rukovodstvo po proektirovaniyu polzovatel'skih interfeisov seti Internet”.
13. Sait PRO.Kultura.RF (ranee AIS «Edinoe informacionnoe prostranstvo v sfere kulturi», AIS EIPSK). — URL: <https://pro.culture.ru/new/auth/login>; <https://pro.culture.ru/intro#events>
14. Zwass Vladimir. Information system // Encyclopedia Britannica, 2 Nov. 2020. — URL: <https://www.britannica.com/topic/information-system>
15. Rozhkova M.A. Virtualnaya realnost I Metavselennaya: predmet pravovogo issledovaniya. Virtual reality and Metaverse: subject of legal research [Elektronnii resurs] // Zakon.ru. 2022. 12 yanvarya. — URL: https://zakon.ru/blog/2022/01/12/virtualnaya_realnost_i_metavselennaya_predmet_pravovogo_issledovaniya_virtual_reality_and_metaverse
16. The Metaverse Primer. — URL: <https://www.matthewball.vc/the-metaverse-primer>
17. Ball M. Framework for the Metaverse. — URL: <https://www.matthewball.vc/all/forwardtothemetaverseprimer>

REFERENCES

1. Rozhkova M.A., Isaeva O.V. Ponyatie saitа (web-saitа) dlya celei prava [Elektronnii resurs] // Jurnal Suda po intellektualnim pravam. 2021. № 32 (iyun). S. 46-54 // URL: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/the-concept-of-a-site-website-for-the-purposes-of-law>
2. Berners-Lee Tim. Information Management: A Proposal. World Wide Web Consortium (March 1989). — URL: <https://www.w3.org/History/1989/proposal.html>
3. Markov D. Kto pridumal pervii sait v internete. — URL: <https://www.iphones.ru/iNotes/kto-sozdal-pervyy-sayt-v-mire-10-25-2019>
4. Savelev A.I. Elektronnaya kommerciya v Rossii i za rubejom: pravovoe regulirovanie. M.: Statut, 2020. S. 441.
5. URL: <https://www.w3.org/standards/webdesign/htmlcss>
6. Bourgeois D. Information Systems for Business and Beyond (2019). — URL: <https://opentextbook.site/informationssystem2019/>
7. Buzova N.V. Gosudarstvennie reestri — bazi dannih ohranyaemie kak obekti smejnih prav // Jurnal rossiiskogo prava. 2019. № 10. S. 72
8. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>
9. URL: <https://www.gosuslugi.ru/>
10. URL: <https://smev3.gosuslugi.ru/portal/>

ЗНАЧЕНИЕ ГРУППОВОЙ ПРИВАТНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ФИГУР В ПРОТИВОСТОЯНИИ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ И СВОБОДЫ СЛОВА¹

THE MEANING OF GROUP PRIVACY OF PUBLIC FIGURES IN THE CONFRONTATION OF RIGHT TO PRIVATE LIFE AND FREEDOM OF SPEECH²

Алёна Игоревна ГЕРАЩЕНКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, Москва, Россия; «Ай-Теко», Москва, Россия, alena_gerashchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-1890>

Информация об авторе

А.И. Герашенко — аспирантка, преподаватель Департамента права цифровых технологий и биоправа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», юрист, эксперт в области приватности и информационной безопасности АО «Ай-Теко», член RPPA

Аннотация. В эпоху развития цифровой среды конфликт между правом на частную жизнь и свободой слова становится более ярким. Данное противостояние бросает вызов юристу в части определения более значимого в каждом кейсе права и порождает немало неясностей в законотворческой деятельности и правоприменительной практике. Проблема, освещаемая в статье, заключается в отсутствии четкого правового регулирования в сфере выделения категорий субъектов персональных данных и в добровольно принятой на себя уязвимости публичных фигур. Автор указывает на значимость явления «групповая приватность» и на непроработанность подхо-

- дов в регулировании защиты персональных данных групп лиц, чья частная жизнь стала наиболее уязвимой в силу социальных, объективных фактов. К таким группам в том числе относится группа публичных фигур.

- Чтобы внести ясность в сферу обработки персональных данных таких субъектов, автор предлагает ввести в законодательство о защите персональных данных категорию «группа субъектов персональных данных, подлежащих особой защите». В эту группу предлагается включить публичных фигур, а также инвалидов, пенсионеров — лиц преклонного возраста. Автор ставит следующие задачи: 1) исследовать явление «групповой приватности», 2) определить категорию «публичные фигуры», 3) предпринять попытку примирить право на защиту персональных данных и свободу слова. Автор использует формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод и философский подход.

- Автор предлагает обязать операторов разрабатывать и публиковать особые политики обработки персональных данных групп субъектов, подлежащих особой защите. Такой подход будет способствовать большей прозрачности обработки персональных данных, осведомленности операторов персональных данных о сложностях, связанных с обработкой данных таких групп субъектов, и рисках работы с ними, а также повышению осведомленности общества о значимости защиты частной жизни.

- **Ключевые слова:** публичная фигура, групповая приватность, право на частную жизнь, свобода слова, персональные данные

Для цитирования: Герашенко А.И. Значение групповой приватности публичных фигур в противостоянии

¹ Автор выражает огромную благодарность научному руководителю Аните Карловне Соболевой, коллегам и, конечно же, родным и близким за вдохновение для этого исследования и поддержку.

² The author expresses her deep gratitude to the supervisor Anita Karlovna Soboleva, colleagues and, of course, dearest persons for the inspiration for this study and support.

права на частную жизнь и свободы слова // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 20–28;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14213>

Alyona I. GERASHCHENKO

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia; I-Teco, Moscow, Russia,
alena_gerashchenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2246-1890>

Information about the author

A.I. Gerashchenko — post-graduate student, lecturer of the Department of Cyber-law and Bio-law at National Research University "Higher School of Economics", lawyer in the field of cyber security, privacy-expert at JSC I-Teco, member of RPPA

Abstract. In the context of constant development of the digital environment, the conflict between the right to privacy and freedom of speech becomes more and more obvious. This confrontation challenges the lawyer in terms of determining the more significant right on case by case basis and gives rise to many ambiguities in law-making and law enforcement practice. The problem raised in the article is the lack of clear legal regulation in the sphere of categorization of personal data subjects and in the voluntary assumed vulnerability of public figures. Within the article, the author points out the importance of the phenomenon of "group privacy" and the lack of elaboration of approaches in regulating the protection of personal data of groups of persons whose private life has become the most vulnerable due to societal, objective facts. Such groups include, among other things, a group of public figures.

In order to clarify the scope of the processing of personal data of such subjects, the author proposes to introduce the category "a group of personal subjects subject to special protection" into the legislation on the protection of personal data. This group shall include public figures, as well as the disabled, elderly pensioners. The author sets the aims 1) to investigate the phenomenon of "group privacy", 2) to define the category of "public figures", 3) to make an attempt to reconcile the right to protection of personal data and freedom of speech. Methods used by the author include formal legal method, comparative legal method and philosophical approach.

The result of the article is the author's proposal to oblige operators to develop and publish special policies for the processing of personal data of groups of personal subjects subject to special protection. The author concludes that this approach will contribute to greater transparency in

- the processing of personal data, to the increase of greater
- awareness of personal data operators about the difficulties
- associated with the processing of data of such groups of
- subjects and the risks of working with them, and also, to the
- increase of general public awareness of the importance of
- protecting privacy.

- **Keywords:** public figure, group privacy, right to private life, freedom of speech, personal data, defamation

- **For citation:** Gerashchenko A.I. The meaning of group privacy of public figures in the confrontation of right to private life and freedom of speech // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 20–28;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14213>

ВВЕДЕНИЕ

В статьях и монографиях все чаще пишут о том, что люди и их персональные данные — это «новая нефть» [1], а также о том, что «право на частную жизнь мертво» [2, 3]. Эти высказывания не противоречат друг другу: источником дохода субъектов предпринимательства в эпоху цифровизации является информация о потребителях, для СМИ — информация о героях репортажей и расследований (например, о публичных фигурах) и потребителях (читателях, целевой аудитории).

Право на частную жизнь, например на защиту персональных данных, не является абсолютным, как и право на свободу слова. Так, когда СМИ публикует материал с персональными данными, собранными в рамках журналистского исследования, сталкиваются два неабсолютных права: право на частную жизнь и право на свободу слова. Между этими конкурирующими правами всегда ищут баланс суды [4].

Выскажу гипотезу, что приватность носит зачастую групповой характер, поэтому необходимо выделить публичные фигуры в отдельную категорию субъектов персональных данных, обладающую групповой приватностью.

Проблема заключается в отсутствии четкого правового регулирования в сфере выделения категорий субъектов персональных данных и в добровольно принятой на себя уязвимости публичных фигур. Уязвимость данной группы заключается в согласии с сужением границ частной жизни в пользу удовлетворения публичных интересов.

Представляется необходимым разработать для операторов персональных данных рекомендации по составлению отдельных политик обработки персональных данных субъектов, уязвимых в силу правового статуса, например публичных фигур, а также иных групп субъектов, чья частная жизнь подвержена большим угрозам.

КТО ТАКИЕ «ПУБЛИЧНЫЕ ФИГУРЫ»?

Публичная фигура, как закреплено в § 7 Resolution 1165 (1998) Right to Privacy [10], — это «лицо, которое занимает государственную должность и/или пользуется государственными ресурсами, а также то лицо,

которое играет определенную роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, в социальной сфере, спорте или в любой иной области». В судебной доктрине США [см. дела *Barr v. Matteo*, 360 U.S. 564 (1959); *New York Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254 (1964); *Rosenblatt v. Baer*, 383 U.S. 75 (1966); *Curtis Publishing v. Butts*, 388 U.S. 130 (1967); *Gertz v. Robert Welch*, 418 U.S. 323 (1974); *Time, Inc. v. Firestone*, 424 U.S. 448 (1976)] и в Словении [5, с. 4] выделяют «публичные фигуры абсолютного (универсального) значения» и «публичные фигуры ограниченного значения».

В *Black's Law Dictionary* «универсальная публичная фигура» определяется как лицо, достигшее славы или печальной известности и ставшее публичной фигурой в любых средах для достижения любых целей, а также участвующее в любых дискуссиях. В *Cogrus Juris Secundum* «публичная фигура ограниченного значения» представлена как «лицо, вовлеченное в обсуждение определенного публичного вопроса и достигшее славы или ставшее печально известным только в среде, в которой обсуждение данного вопроса имело значение».

Проблема заключается в том, что в XXI в. с развитием цифровой экономики, предоставлением каждому субъекту доступа к интернету категория публичных фигур становится настолько широкой, что ее трудно определить [6, с. 72-73]. Представляется, чтобы стать для начала «публичной фигурой ограниченного значения», лицу достаточно развить свой блог на тысячи подписчиков, набрать несколько тысяч лайков за комментарий или стать активно цитируемым пользователем с тысячами репостов публикации в Сети. Следующим этапом может быть приобретение статуса «универсальной публичной фигуры» — для этого субъекту нужно будет постараться привлечь больше внимания к своей персоне. Впрочем, доступность приобретения статуса публичной фигуры лишь служит подтверждением фактов расширения группы публичных фигур, учащения случаев судебных разбирательств, связанных с защитой персональных данных и репутации таких лиц и, следовательно, подтверждением необходимости разработки правового регулирования в отношении частной жизни публичных фигур.

ЧТО ТАКОЕ «ГРУППОВАЯ ПРИВАТНОСТЬ»?

С развитием использования больших данных (Big Data) частная жизнь субъекта обесценивается. Персональные данные одного субъекта — частной фигуры — в общем массиве мириад и мириад чисел сами по себе не представляют особой ценности. Однако вместе с другими идентичными данными других субъектов они могут обретать большую значимость. Во-первых, на основе данных схожих между собой субъектов легче изучать поведение группы лиц. Во-вторых, систематизированные данные похожих друг на друга субъектов легче обрабатывать.

Одно дело, когда мошенник, представившийся сотрудником Сбербанка, успешно крадет денежные средства с банковского счета 80-летней доверчивой женщины, и другое дело, когда этот же мошенник или группа мошенников совершают подобные операции в отношении тысячи пожилых граждан, не осведомленных о тонкостях информационной безопасности. В случаях подобного мошенничества нарушается право на частную жизнь и право на неприкосновенность собственности каждого из таких клиентов Сбербанка, но для злоумышленников важен не один субъект, а группа субъектов. Злоумышленники с помощью аналитических инструментов и искусственного интеллекта (ИИ) отфильтровывают среди большого массива данных персональные данные субъектов, входящих в ту или иную группу незащищенных граждан, более других подверженных негативному влиянию.

Негативному влиянию могут быть подвержены и публичные фигуры, потому что их данные ценнее, а пределы частной жизни уже. Злоумышленнику будет интересно стать «коллекционером» данных политических деятелей, звезд кино и сцены, спортсменов и общественных деятелей — может быть, их число меньше, но ценность таких данных как поодиночке, так и в совокупности значительно выше. В таком контексте можно говорить о важности групповой приватности.

В действующем законодательстве Российской Федерации — в ч. 3 ст. 22 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» — есть требование к оператору указывать в уведомлении об обработке персональных данных «категории субъектов, персональные данные которых обрабатываются». В актах «мягкого права» содержатся рекомендации по определению категорий субъектов персональных данных. Например, в Рекомендациях по составлению документа, определяющего политику оператора в отношении обработки персональных данных, в порядке, установленном Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных тех-

нологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) постановила, что в Политике нужно указывать категории субъектов персональных данных [17].

Роскомнадзор в п. 3.1 Рекомендаций предлагает выделять такие категории субъектов персональных данных, как «1) работники оператора, бывшие работники, кандидаты на замещение вакантных должностей, а также родственники работников; 2) клиенты и контрагенты оператора (физические лица); 3) представители/работники клиентов и контрагентов оператора (юридических лиц)». Думается, это базовый пример групповой приватности. Классифицируя субъектов по категориям в Политике (и в уведомлении), оператор тем самым ставит Регулятора в известность о том, чьи данные и на каких правовых основаниях он обрабатывает.

При этом редкий оператор выделяет группы субъектов персональных данных по критерию обработки особо чувствительных персональных данных. Он может выделять специальные категории персональных данных, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни. Их обработка регламентирована ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [18]. Категориям субъектов персональных данных законодатель уделяет мало внимания.

При этом возникает потребность в защите персональных данных разных групп населения — детей, пожилых людей, потребителей автопрома, посетителей кофеен, пользователей услугами частных медицинских клиник — как со стороны самих субъектов, так и со стороны юридических лиц, для которых базы персональных данных становятся активами, отражаются на бухгалтерском учете, подлежат проверкам со стороны регуляторов. Одни группы выделить в глобальных национальных масштабах сложно (например, владельцев автомобилей определенного производителя), другие уже подвергаются особой защите со стороны законодателя (например, дети), а некоторые группы субъектов персональных данных с особым правовым статусом требуют особого же отношения к себе, но при этом защита их частной жизни отдается на усмотрение суда.

В число таких субъектов персональных данных входят и публичные фигуры (президенты, звезды эстрады, театра и кино, именитые ученые, выдающиеся спортсмены, политические и общественные деятели). Они тоже вовлечены в цифровой мир, пьют кофе по утрам в любимых кофейнях, пользуются IT-сервисами или предпочитают определенные марки автомобилей. Только границы вмешательства в частную

жизнь публичных фигур — способы использования их данных — шире, если информация представляет публичный интерес. Частная жизнь публичных фигур в силу добровольно приобретенного ими социального статуса уязвима.

В случае с группами пенсионеров или инвалидов, ограниченно дееспособных и правоспособных уязвимость возникает из-за независимых от них юридических фактов — достижения определенного возраста, получения травм, сказавшихся на ограничении возможностей субъекта защищать границы своей частной жизни.

Для лиц, частная жизнь которых наиболее уязвима и которые обладают особым правовым статусом, по нашему мнению, необходима наивысшая степень прозрачности документов, регламентирующих обработку их персональных данных. Такие специальные политики обработки персональных данных, по мнению Л. Камофри, Т. Баара, Дж. Беренса, Э. Лету, Дж. Мански, Дж. Паллмера, Д. Сангокойя и П. Винка, должны разъяснять общественности, когда и как используются данные определенных категорий групп, как контролируются эти процессы [7, с. 237]. Одно дело отражать уязвимость данных в моделях угроз, издаваемых для локального использования оператором в соответствии с Методическим документом, утвержденным ФСТЭК России 5 февраля 2021 г. «Методика оценки угроз безопасности информации» и ориентированным на оценку антропогенных угроз безопасности информации, возникновение которых обусловлено действиями нарушителей [16], другое — доводить до сведения особых субъектов персональных данных, как ведется обработка, где гарантируется большая защита частной жизни, а где меньшая.

Выделение «групповой приватности» — это шаг навстречу большей ясности и прозрачности законодательства о защите информации и о персональных данных. Сам объект правового регулирования — персональные данные — неоднозначен. Определение персональных данных как «любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)», как это представлено в ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», кажется расплывчатым, поскольку юристы, политики и обыватели не могут в итоге понять, какие виды информации представляют собой персональные данные, а какие нет — для этого нужно погружаться в контекст обработки такой информации.

Приведем пример: когда человек приобретает автомобиль, он также становится обладателем его VIN — идентификационного номера транспортного

средства. В Российской Федерации VIN сам по себе не признается персональными данными субъекта. Это абстрактный уникальный идентификационный номер транспортного средства из 17 символов, который используется для маркировки автомобиля производителем. При смене владельца машины VIN остается неизменным, так как принадлежит автомобилю, является технической информацией, идентифицирующей конкретное транспортное средство. Однако техническая информация об автомобиле вместе с персональными данными его владельца (лица, которому принадлежит автомобиль с момента передачи ему машины по договору купли-продажи) может считаться персональными данными. Так, номера транспортных средств могут квалифицироваться как персональные данные, а могут и не квалифицироваться как таковые при работе с ними в РФ: регуляторы и практики сохраняют спокойствие и просто констатируют, что всякая техническая информация, относящаяся к лицу, может квалифицироваться как личные данные. Любой случай такой ссылки должен оцениваться на индивидуальной основе.

СВОБОДА СЛОВА И ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПУБЛИЧНЫХ ФИГУР

Право на свободу слова и выражения мнений гарантируется множеством международно-правовых и региональных нормативных актов. Его значимость признается в каждом демократическом государстве. Тем не менее оно по-прежнему остается в списке самых уязвимых прав: в соответствии со статистикой ЕСПЧ за период с 1959 по 2017 г. было выявлено 700 случаев нарушения права на свободу выражения (хотя это число значительно уступает количеству нарушений ст. 6 ЕКПЧ, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство).

Статистика обеспокоенности несоблюдением права на частную жизнь тоже неутешительна. В соответствии с исследованием PWC от 2018 г. «Защити меня: “Кибербезопасность, защита данных, конфиденциальность информации, доверие и регулирование. Всестороннее исследование предпочтений российских потребителей, их опасений, а также способов завоевать их доверие и привлечь на сторону компаний”» «85% потребителей считают, что риски, связанные с кибербезопасностью и защитой <их> данных, входят в число самых серьезных угроз, с которыми сталкивается современное общество».

Свобода слова и выражения мнений гарантируется Всеобщей декларацией прав человека, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. В ст. 19 Декларации закреплено право на сво-

боду убеждений, их свободное выражение [12]. Также в этой статье провозглашается, что каждый человек имеет право получать и распространять информацию любыми средствами без каких-либо территориальных ограничений.

3 сентября 1953 г. в силу вступила Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция, ЕКПЧ), в которой также провозглашено право на свободу выражения (ст. 10) и право на защиту частной и семейной жизни (ст. 8). Сегодня репутация признается Европейским судом по правам человека одной из составляющих частной жизни лица. Диффамация, умаление чести и достоинства лица, как и распространение не представляющих публичный интерес персональных данных публичных фигур, могут рассматриваться на фоне ст. 10 в качестве нарушения ст. 8 ЕКПЧ [14]. Подобное вмешательство, несомненно, бросает тень на добрые имена, репутации общественных, государственных деятелей.

На антагонизм частной жизни и права на свободу слова указал в 1967 г. судья Харлан в деле *Curtis Publishing Co. v. Butts*: «между свободой слова и СМИ и исками о клевете существует некоторая антитеза — клевета основывается на содержании речи и, таким образом, ограничивает свободу выражения мнения редактора, по крайней мере не позволяет ему публиковать материалы без достаточных правовых оснований и точного знания фактов» (388 U.S. 152).

Толкуя ст. 10 Конвенции, ЕСПЧ отмечает, что общество имеет право быть информированным о личных аспектах жизни публичной фигуры (через использование публично значимых персональных данных и оценочных суждений в отношении таких данных). Однако условия, оправдывающие вмешательство в частную жизнь такого лица, должны оцениваться в конкретном контексте каждого дела. Стоя на страже и частной жизни, и свободы слова, Европейский суд постоянно ищет между ними баланс, учитывая следующие факторы: 1) воздействие публикации на состояние дел, жизнь публичной фигуры и общественное мнение, 2) осведомленность общества об информации (или фотографии), если она уже была ранее раскрыта, 3) степень влияния на чувства лиц, имеющих отношение к публикации.

ЕСПЧ отмечает, что право на свободу выражения должно реализовываться умеренно: целью выражений должна быть критика, а не оскорбление. Хотя, безусловно, в политике грань между критикой и оскорблением становится размытой. Для того чтобы высказывания воспринимались как критические и защищались ст. 10 Конвенции, ЕСПЧ в деле Андрушко против Российской Федерации (№ 4260/04)

[11] отметил, что они должны сопровождаться объективными пояснениями, комментариями.

Особо значимым актом по теме защиты свободы слова и политической дискуссии является Декларация о свободе политической дискуссии СМИ, принятая 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета министров Совета Европы. Декларация провозглашает свободу выражения мнений и распространения информации посредством СМИ, свободу критики государства и его институтов, свободу контроля за деятельностью политических деятелей и государственных должностных лиц, свободу сатирических выступлений [13]. В Декларации отмечается, что указанные публичные фигуры имеют право на частную жизнь, но ее аспекты могут раскрываться, если существует общественная обеспокоенность относительно того, как политики и государственные служащие исполняли или исполняют свои обязанности. В Декларации запрещается применение суровых мер наказания (вроде ареста) в отношении журналистов, даже если они причинили вред репутации публичной фигуры.

В Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом в 1966 г. и вступившем в силу в 1976-м., в п. 2 и 3 ст. 19 также закреплено право каждого человека на свободное выражение своего мнения, поиск и распространение информации законными способами [15]. Пакт устанавливает необходимость ограничения этого права в целях уважения прав и репутации других лиц, охраны публичных интересов, государственной безопасности, общественного порядка, здоровья, нравственности населения.

Обратимся к американскому законодательству: первая из десяти поправок, составивших Билль о правах, была ратифицирована 15 декабря 1791 г. Она гласит, что «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб».

Право на свободу слова борется с правом на частную жизнь, и чем активнее развивается цифровая среда и расширяются возможности выражения мнения, тем яростнее отстаиваются разные аспекты частной жизни — персональные данные, вопросы здоровья субъекта, репутационные интересы и пр. Противостояние этих прав рассматривается чаще в делах о диффамации.

Узкая и специфичная отрасль диффамационного права начала формироваться в США с 60-х гг. XX в. Профессор Гарвардской школы права Д.В. Ноэль писал, что к 1949 г. исков о диффамации было крайне мало. Однако, предвосхищая громогласные политические дискуссии, быстрое развитие медиасферы и по-

следующее увеличение числа исков о защите чести и достоинства, он критически оценивал высказывания ученых о том, что диффамационное право является собой «музей антиквариата, свойственный для стран общего права и неизвестный цивилизованному миру» [9, с. 875].

Подтвердило слова профессора Д.В. Ноэля решение по делу *Afro-American Publishing Co. v. Jaffe* (1965), где подчеркивалось, что «институт компенсации по делам о защите чести, достоинства — не историческая реликвия, но цивилизованное правовое средство, заменяющее собой акты насилия при разрешении споров о защите репутации». Годом позже в кейсе *Rosenblatt v. Baer* (1966) истец заявил, что «основу диффамационного права формируют общественно значимые ценности». В еще одном прецедентном решении (*Curtis Publishing v. Butts*, 1967) было отмечено, что «предотвращение диффамационных действий и необходимость денежной компенсации в случае диффамации полностью соответствуют общественным интересам».

Можно полагать, что предотвращение незаконного распространения персональных данных публичных фигур (их фотоизображений, потребительских предпочтений и пр.), т.е. распространение данных, не представляющих публичного интереса, и данных, не разрешенных субъектом для распространения с помощью специального согласия, также соответствует общественным интересам в части защиты института частной жизни.

Необходимость получения такого согласия возникла сравнительно недавно: Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 519-ФЗ были внесены поправки в Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», благодаря которым появились:

1) новый вид персональных данных — персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения. Это персональные данные, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен субъектом персональных данных путем дачи согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения в порядке, предусмотренном Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных»;

2) новые требования по работе с такими данными;

3) обязанность оператора персональных данных разрабатывать дополнительную форму согласия субъекта персональных данных на обработку персональных данных, разрешенных для распространения.

Предотвращение незаконного распространения персональных данных публичных фигур способно снизить количество судебных диффамационных исков — чем более осведомлены СМИ и операторы пер-

сональных данных в том, кто такие публичные фигуры и в каких случаях можно распространять данные без согласия или только с согласия субъектов, тем меньше вероятность нарушения и обращения публичной персоны за защитой своих репутационных интересов.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Учитывая изложенное и признавая значимую роль публичных фигур в обществе, расширение этой группы лиц, уязвимость их частной жизни, а также увеличение рисков нарушений частной жизни публичных фигур в связи с развитием цифровой среды и зависимость определения персональных данных от контекста, автор считает обоснованным выделение в законодательстве о защите персональных данных категории «групповая приватность» или «группы субъектов персональных данных, подлежащих особой защите». Представляется, что в отношении таких групп, чья частная жизнь наиболее уязвима в силу социетальных, объективных факторов (групп публичных фигур, инвалидов, пенсионеров — лиц преклонного возраста), но при этом право- и дееспособных (что позволяет исключить детей), оператора персональных данных можно обязать издавать наряду с общей политикой обработки персональных данных особые политики, ориентированные на защиту подобных лиц.

Такой подход, как было указано выше, способен 1) обеспечить прозрачность обработки данных категорий субъектов персональных данных, чья частная жизнь отличается особой хрупкостью; 2) обратить внимание операторов на необходимость более тщательного анализа кейсов, связанных с обработкой таких данных, и обязать их принимать необходимые дополнительные организационные и технические меры для их защиты в целях нахождения баланса между правом на частную жизнь и свободой слова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Toonders J. Data is the new oil of the Digital Economy [Electronic Source]. — URL: <https://www.wired.com/insights/2014/07/data-new-oil-digital-economy/>
2. Froomkin A.M. The Death of Privacy? // Stanford Law Review. 2000. Vol. 52. P. 1461–1543.
3. Douzinas C. The End of Human Rights. Oxford: Hart Publishing, 2000.
4. Ovey C, White R. Jacobs and White: European Convention on Human Rights: 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 241–298.
5. Musar N.P. Personal Data Protection in View of the Freedom of Expression and Protection of Privacy [Electronic Source]. — URL: <https://www.ip-rs.si/>

- fileadmin/user_upload/Pdf/clanki/Personal_data_protection_in_view_of_the_freedom_of_expression_and_protection_of_privacy.pdf
6. Hughes K. The Public Figure Doctrine and the Right to Privacy // Cambridge Law Journal. 2019. Vol. 78 (1).
  7. Kammourieh L, Baar T., Berens J. e.a. Group Privacy in the Age of Big Data // Group Privacy. New Challenges of Data Technologies, Springer International Publishing AG, 2017.
  8. Защити меня: Кибербезопасность, защита данных, конфиденциальность информации, доверие и регулирование. Всестороннее исследование предпочтений российских потребителей, их опасений, а также способов завоевать их доверие и привлечь на сторону компаний. 2018. С. 4.
  9. Noel D.W. Defamation of Public Officers and Candidates // Columbia Law Review. 1949. Vol. 49, No 7.
  10. Resolution 1165 (1998) — Right to Privacy // Assembly debate on 26 June 1998 (24th Sitting) (see Doc. 8130, report of the Committee on Legal Affairs and Human Rights, rapporteur: Mr Schwimmer; Doc. 8147, opinion of the Committee on Culture and Education, rapporteur: Mr Staes; and Doc. 8146, opinion of the Social, Health and Family Affairs Committee, rapporteur: Mr Mitterrand), § 7.
  11. Андрушко против Российской Федерации, жалоба № 4260/04, 14 октября 2010 г.
  12. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/>
  13. Декларация о свободе политической дискуссии в СМИ (принята 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета министров Совета Европы на уровне постоянных представителей) // Законодательство и практика масс-медиа. 2004. № 7.
  14. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf, дата обращения: 20.04.2018.
  15. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
  16. Методический документ, утвержденный ФСТЭК России 5 февраля 2021 г. «Методика оценки угроз безопасности информации» [Электронный ресурс]. — URL: <https://fstec.ru/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii/dokumenty/114-spetsialnye-normativnye-dokumenty/2170-metodicheskij-dokument-utverzhden-fstek-rossii-5-fevralya-2021-g>
  17. Рекомендации по составлению документа, определяющего политику оператора в отношении обработки персональных данных, в порядке, установленном Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. — URL: <https://rkn.gov.ru/personal-data/p908/>
  18. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

REFERENCES

1. Toonders J. Data is the new oil of the Digital Economy [Electronic Source]. — URL: <https://www.wired.com/insights/2014/07/data-new-oil-digital-economy/>
2. Froomkin A.M. The Death of Privacy? // Stanford Law Review. 2000. Vol. 52. P. 1461–1543.
3. Douzinas C. The End of Human Rights. Oxford: Hart Publishing, 2000.
4. Ovey C, White R. Jacobs and White: European Convention on Human Rights: 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 241–298.
5. Musar N.P. Personal Data Protection in View of the Freedom of Expression and Protection of Privacy [Electronic Source]. — URL: https://www.ip-rs.si/fileadmin/user_upload/Pdf/clanki/Personal_data_protection_in_view_of_the_freedom_of_expression_and_protection_of_privacy.pdf
6. Hughes K. The Public Figure Doctrine and the Right to Privacy // Cambridge Law Journal. 2019. Vol. 78 (1).
7. Kammourieh L, Baar T., Berens J. e.a. Group Privacy in the Age of Big Data // Group Privacy. New Challenges of Data Technologies, Springer International Publishing AG, 2017.
8. “Zashchiti menya!”: Kiberbezopasnost', zashchita dannyh, konfidencial'nost' informacii, doverie i regulirovanie. Vsestonnee issledovanie predpochtenij rossijskih potrebitelej, ih opasenij, a takzhe sposobov zavoevat' ih doverie i privlech' na storonu kompanij. 2018 g., S. 4. [Elektronnyj resurs]. — URL: [protect-me.ru.pdf \(pwc.ru\)](https://protect-me.ru/pdf/pwc.ru)
9. Noel D.W. Defamation of Public Officers and Candidates // Columbia Law Review. 1949. Vol. 49, No 7.
10. Resolution 1165 (1998) — Right to Privacy // Assembly debate on 26 June 1998 (24th Sitting) (see Doc. 8130, report of the Committee on Legal Affairs and Human Rights, rapporteur: Mr Schwimmer; Doc. 8147, opinion of the Committee on Culture and Education, rapporteur: Mr Staes; and Doc. 8146, opinion of the Social, Health and Family Affairs Committee, rapporteur: Mr Mitterrand), § 7.

11. Andrushko protiv Rossijskoj Federacii, zhaloba No 4260/04, 14 oktyabrya 2010.
12. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/>
13. Deklaraciya o svobode politicheskoy diskussii v SMI (prinyata 12 fevralya 2004 g. na 872-m zasedanii Komiteta Ministrov Soveta Evropy na urovne postoyannykh predstavitelej) // Zakonodatel'stvo i praktika mass-media. 2004. № 7.
14. Evropejskaya Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) [Elektronnyj resurs]: — URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf, data obrashcheniya: 20.04.2018.
15. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (Prinyat rezolyuciej 2200 A (XXI) General'noj Assamblei ot 16 dekabrya 1966 goda) [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
16. Metodicheskij dokument, utverzhdenyj FSTEK Rossii 5 fevralya 2021 g. "Metodika ocenki ugroz bezopasnosti informacii" [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://fstec.ru/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii/dokumenty/114-spetsialnye-normativnye-dokumenty/2170-metodicheskij-dokument-utverzhden-fstek-rossii-5-fevralya-2021-g>
17. Rekomendacii po sostavleniyu dokumenta, opredelyayushchego politiku operatora v otnoshenii obrabotki personal'nyh dannyh, v poryadke, ustanovlennom Federal'nym zakonom ot 27 iyulya 2006 g. No 152-FZ "O personal'nyh dannyh" [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rkn.gov.ru/personal-data/p908/>
18. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 No 152-FZ "O personal'nyh dannyh".

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ

НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ

CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF RIGHTS TO COMPUTER PROGRAMS

Владимир Михайлович ЕЛИН

Департамент информационной безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; кафедра государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия,
Elin_vm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7860-0300>

Информация об авторе

В.М. Елин — кандидат педагогических наук, доцент, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Аннотация. В статье раскрывается значение программ для ЭВМ в условиях применения современных информационных технологий. На основании представленной статистики МВД РФ по состоянию преступности сделан вывод о снижении количества выявленных и направленных в суд дел данной категории. Сделан также вывод о том, что инструменты уголовного права не помогают в защите прав авторов и правообладателей программ для ЭВМ в силу наличия системных проблем. Дана характеристика программы для ЭВМ как объекта права, ее правового статуса.

Автор раскрывает диспозицию ст. 146 УК РФ, характеризует преступные деяния в отношении программ для ЭВМ: плагиат, контрафакт, незаконное использование. В работе сделан вывод о необходимости включения в Уголовный кодекс специальной нормы в целях привлечения инструментов уголовного права для защиты прав авторов и правообладателей программ для ЭВМ.

Ключевые слова: программы для ЭВМ, контрафакт, плагиат, нарушение авторских прав, регистрация программ для ЭВМ, модификация программ для ЭВМ, декомпиляция программ для ЭВМ

- Для цитирования: Елин В.М. Уголовно-правовая защита прав на программы для ЭВМ // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 29–35; <http://dx.doi.org/10.17323/tis.2022.14215>
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14215>

Vladimir M. ELIN

- Department of Information Security of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Department of State-Legal and Criminal Law Disciplines of G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,
- Elin_vm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7860-0300>

Information about the author

- V.M. Elin — Candidate of Pedagogy, Associate Professor, associate fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights of the National Research University Higher School of Economics

- **Abstract.** The article reveals the importance of computer programs in the conditions of application of modern information technologies. The characteristic of the computer program as an object of law, its legal status is given.
- Based on the presented statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the state of crime, a conclusion was made about a decrease in the number of cases identified and sent to court in this category. The author concludes that the tools of criminal law do not assist in protecting the rights of authors and copyright holders of computer programs due to the presence of systemic problems.

- The author reveals the disposition of Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation. Characterizes criminal acts in relation to computer programs: plagiarism, counterfeit, illegal use. The paper concludes that it is necessary to include a special rule in the Criminal Code to

attract criminal law tools to protect the rights of authors and copyright holders of computer programs.

Keywords: computer programs, counterfeit, plagiarism, copyright infringement, registration of computer programs, modification of computer programs, decompilation of computer programs

For citation: Elin V.M. Criminal legal protection of rights to computer programs // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 29–35; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14215>

Современные информационные технологии занимают все более значительное место в жизни современного общества.

В нашей стране разработаны концепции применения современных цифровых [1] и информационных [2] технологий, принят ряд программных документов, определяющих основные направления использования сквозных цифровых технологий [3]. К сквозным цифровым технологиям относятся: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности.

Отличительная особенность представленных технологий — наличие информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления. При этом возрастают значение, сложность и стоимость программного обеспечения, лежащего в основе функционирования технологий [4].

При этом закономерным представляется вопрос о готовности уголовного права защищать права и законные интересы лиц, осуществляющих деятельность в сферах разработки и применения программ для ЭВМ.

Здесь следует учесть, что в нашей стране отсутствуют специальные инструменты уголовного преследования за нарушения в сфере программ для ЭВМ в частности и крайне слабо отражены инструменты уголовного преследования за нарушения в сфере оборота результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации — в целом. Так, для защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в УК РФ включены составы, предусматривающие уголовную ответственность: за нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), за нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ), за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ). При этом ст. 146 и ст. 147 УК РФ относятся к гл. 19 УК РФ и имеют своей основной задачей защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина. Основная задача ст. 180 УК РФ — охрана общественных отношений в сфере

экономической деятельности. Дополнительно следует иметь в виду, что уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст. 146 и 147 УК РФ, возбуждаются в порядке частно-публичного обвинения, в связи с чем сотрудники правоохранительных органов не заинтересованы в увеличении количественных показателей по данной категории дел.

Следует также учитывать, что диспозиция ст. 146 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю, либо за незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а также приобретение, хранение, перевозку контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере. Часть 3 указанной статьи предусматривает квалифицированный состав по признакам группы лиц, особо крупного размера либо использования служебного положения.

Анализ статистики МВД РФ по состоянию преступности в области нарушения авторских и смежных прав демонстрирует, что за последние годы произошло катастрофическое снижение количества выявленных и направленных в суд дел данной категории (табл. 1). При этом можно предполагать, что количество возбужденных уголовных дел не отражает полной картины, поскольку в общественном сознании использование объектов авторского права не может быть противоправным, что создает необходимость учета образа жизни населения при формировании системы профилактики правонарушений и обеспечении охраны общественного порядка в данной сфере [5].

Помимо очевидного системного снижения количественных показателей представленная информация позволяет сделать вывод о снижении качества расследования уголовных дел данной категории (табл. 2).

Представленная динамика возбужденных и законченных расследованием уголовных дел данной катего-

Таблица 1. Статистические показатели уголовных дел в сфере нарушения авторских и смежных прав

Показатели за год	2016 ¹	2017 ²	2018 ³	2019 ⁴	2020 ⁵	2021 ⁶
Количество выявленных преступлений	1294	1046	672	522	423	317
Количество выявленных преступлений по сравнению с предыдущим годом	-27,3	-19,2	-35,8	-22,3	-19,0	-23,8
Количество направленных в суд уголовных дел,	806	671	399	293	222	174
Количество дел, направленных в суд, по сравнению с предыдущим годом	-23,3	-20,1	-40,5	-26,6	-24,2	-20,5

Примечания

¹ Состояние преступности за январь — декабрь 2016 г. см.: URL: <https://мвд.рф/reports/item/9338947/>

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2017 г. см.: URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/>

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 г. см.: URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/>

⁴ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2019 г. см.: URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>

⁵ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 г. см.: URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>

⁶ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — ноябрь 2021 г. см.: URL: <https://мвд.рф/reports/item/27566319/>

Таблица 2. Процентное соотношение законченных расследованием и направленных в суд дел

Показатели преступности за год	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Количество выявленных преступлений	1294	1046	672	522	423	317
Количество направленных в суд уголовных дел	806	671	399	293	222	174
Процентное соотношение законченных расследованием и направленных в суд дел данной категории, %	62	63	59	56	52	54

Таким образом, возникает вопрос о возможности отнесения программ для ЭВМ к категории непосредственного объекта или предмета преступления¹.

¹ Автор обращает внимание на то, что вопрос о неопределенности места и роли программ для ЭВМ в составе преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ (объект, предмет, орудие, средство), представляется сложным и вынесен за рамки настоящей статьи.

рии свидетельствует о наличии системных проблем в области материального и процессуального права. К числу проблем, несомненно, следует отнести сложность программ для ЭВМ как объекта правового регулирования и неоднозначность правовых институтов, осуществляющих защиту прав на программы.

Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что ст. 146 УК РФ относится к преступлениям против личности, конкретно — против конституци-

онных прав и свобод человека и гражданина. В статистике МВД РФ данная группа преступлений отнесена к категории экономических, что влечет за собой подмену родового и видового объектов данного состава и в итоге неблагоприятно сказывается на борьбе с данной категорией преступлений.

Системное падение количественных и качественных показателей свидетельствует о совокупной проблематике данного состава преступлений, которые следует рассмотреть подробнее. Таким образом, можно сделать вывод, что инструменты уголовного права не помогают в защите прав авторов и правообладателей программ для ЭВМ.

Сложность программы для ЭВМ как правового объекта состоит еще и в ее правовом статусе, в котором тесно переплетаются положения гражданского, информационного и уголовного права.

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОГРАММ ДЛЯ ЭВМ

Программа для ЭВМ включена в перечень результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, установленный ст. 1225 ГК РФ. Согласно положениям ст. 1259 ГК, программы для ЭВМ относятся в России к объектам авторских прав и охраняются как литературные произведения [6]. Законом установлено, что программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, зарегистрированные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Программу как объект правовой охраны можно определить в качестве совокупности данных и команд, записанных на одном из языков программирования. Программа может быть зафиксирована на носителях. При этом правовая охрана не распространяется на идеи и принципы, лежащие в основе программы для ЭВМ или какого-либо их элемента, в том числе на идеи и принципы организации интерфейса (взаимодействие программы и самого компьютера) и алгоритма (математическое обеспечение программы), а также на языки программирования [7].

Программы для ЭВМ (в том числе на операционные системы и программные комплексы) могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код. При этом Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS) [8] к программам приравниваются компиляции данных и иная информация (в ма-

шиночитаемой или в другой форме), которые по причине отбора или классификации своего содержания составляют результат творчества.

Поскольку программа для ЭВМ законом отнесена к объектам авторского права, указанный результат интеллектуальной деятельности создается творческим трудом человека (автора), который, с одной стороны, всегда сохраняет личные неимущественные права на созданную им программу, с другой стороны, изначально может не приобретать имущественных прав на нее. Возникновение у автора или иных лиц исключительных прав на программу для ЭВМ Гражданский кодекс связывает с особенностями создания программ для ЭВМ: в инициативном порядке, в качестве служебного произведения, по договору заказа или авторского заказа и т.д. При этом между автором и заказчиками возникают сложные правоотношения, в которых в ряде случаев не могут разобраться сами цивилисты [9].

В нашей стране автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Причем Верховный Суд РФ вслед за ГК РФ устанавливает, что на идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия авторское право не распространяется [10, п. 3].

ДИСПОЗИЦИЯ СТ. 146 УК РФ

В качестве уголовно наказуемого деяния ч. 1 ст. 146 УК РФ предусматривает присвоение авторства (плагиат). Материальным последствием указанного деяния выступает причинение крупного ущерба автору или иному правообладателю. Абсолютный размер крупного ущерба в Законе не указан, однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 [10] предлагает исходить из обстоятельств каждого конкретного дела (из наличия и размера реального ущерба, размера упущенной выгоды, размера доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации).

Часть 2 ст. 146 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное использование объектов авторского права, совершенное в крупном размере, а также за приобретение, хранение, перевозку контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта в крупном размере. Деяния признаются совершенными в крупном размере, если стоимость прав на использование объектов авторского права превышает 100 тыс. рублей. При этом следует исходить из розничной стоимости оригинальных (лицензионных) экземпляров произведений на момент совершения преступления и их количества (включая

копии произведений, принадлежащих различным правообладателям).

Квалифицирующими признаками выступают: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения; совершение преступления в особо крупном размере (свыше 1 млн рублей).

Таким образом, ст. 146 УК РФ в ч. 1 обеспечивает уголовно-правовую охрану личных неимущественных прав автора; ч. 2 направлена на охрану имущественных (исключительных) прав правообладателя, а также предусматривает ответственность за оборот контрафактных экземпляров произведения. Упомянутое выше постановление Пленума Верховного Суда РФ определяет, что «...незаконным следует считать умышленное использование объектов авторских прав, осуществляемое в нарушение положений действующего законодательства Российской Федерации, которым регулируются отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства... Суду требуется выяснить и указать в приговоре, какими именно действиями были нарушены права авторов... а также иных обладателей этих прав» [10].

Поскольку уголовное законодательство не раскрывает в полном объеме основные понятия, применяемые в данной статье, следует обратиться к положениям гражданского права, изучающим данные правовые институты в течение длительного времени.

ПЛАГИАТ ПРОГРАММ ДЛЯ ЭВМ

Особенностью личных неимущественных прав выступают неотчуждаемость и непередаваемость, в том числе при передаче другому лицу или при переходе к нему исключительного права на произведение и при предоставлении другому лицу права использования произведения. Отказ от этих прав ничтожен. Авторство, имя автора и неприкосновенность произведения охраняются бессрочно.

Верховный Суд Российской Федерации раскрывает понятие «плагиат» как «объявление себя автором чужого произведения, выпуск чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем либо издание под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имен». При этом Конституционный Суд РФ дополнительно указывает, что «авторское право, обеспечивая охрану оригинального творческого результата, не охраняет результаты, которые могут быть достигнуты параллельно, то есть лицами, работающими независимо друг от друга» [11]. Определяя плагиат как присво-

ение авторства, российское уголовное право основывается на одном из подходов ученых-цивилистов [12], отраженных в работах И.А. Зенина [13], А.П. Сергеева [14], Н.Г. Толочковой [15], В.П. Мозолина [16] и др.

Подобное разнообразие подходов к решению вопроса о правообладателе исключительных прав на программу для ЭВМ порождает ряд сложностей при решении вопроса о том, какими именно действиями были нарушены права авторов, а также иных правообладателей.

ПРОГРАММА ДЛЯ ЭВМ КАК КОНТРАФАКТ

В российском гражданском праве не существует четко сформулированного определения контрафакта, однако ч. 4 ст. 1252 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что контрафактными могут считаться материальные носители, в которых выражены результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации и изготовление, распространение или иное использование, а также те материальные носители, импорт, перевозка или хранение которых приводят к нарушению исключительного права на такой результат или на такое средство.

В случае если при использовании программ для ЭВМ имело место несоблюдение требований законодательства, наступают определенные гражданским законодательством правовые последствия: признание носителей контрафактными, изъятие материальных носителей из оборота, возмещение убытков и т.д.

При этом отмечается, что «отсутствует единая, понятная и прозрачная методика определения уровня контрафактности на основе объективных показателей как на национальном, так и на международном уровнях. Поэтому к различного рода рейтингам и коэффициентам, показателям, публикуемым в этой области, следует относиться с достаточной степенью допуска и условности» [17].

Исключительную сложность представляет вопрос о допустимости внесения изменений в коды программ. При этом следует иметь в виду, что под переработкой (модификацией) программы для ЭВМ закон понимает любые изменения, в том числе перевод такой программы с одного языка на другой. О модификации программы для ЭВМ может свидетельствовать использование значительной части ее кода в программе ответчика при неслучайности такого совпадения. Согласованная позиция судов и прокуратуры заключается в предложении рассматривать в качестве легальной модификации исправление явных ошибок; внесение изменений в программы для их функционирования на технических средствах пользователя; модификацию в виде частичной декомпиляции програм-

мы для достижения способности к взаимодействию с другими программами.

Изменения могут вноситься исключительно в целях функционирования программ на технических средствах пользователя, а также для осуществления действий, необходимых для функционирования таких программ в соответствии с их назначением.

Нарушение авторского права усматривается в случае осуществления действий за пределами полномочий, предоставленных правообладателем. Экземпляры произведений и фонограмм, изготовленные и (или) распространенные с нарушением существенных условий договора о передаче исключительных прав, являются контрафактными, что влечет определенные законом последствия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на кажущуюся простоту состава ст. 146 УК РФ, в случае нарушений при использовании программы для ЭВМ возникает множество вопросов: о программе как объекте правового регулирования, о месте программы для ЭВМ в структуре ст. 146 УК РФ, о возможности определения программы для ЭВМ как предмета преступления, о возможности использования в качестве бланкетных норм целых разделов гражданского права и о возможностях копирования, изменения и декомпиляции программ для ЭВМ как составной части их использования.

Изложенные обстоятельства, несомненно, затрудняют применение мер уголовного преследования в отношении лиц, нарушающих общественные отношения в сфере использования программ для ЭВМ.

С учетом изложенного предлагается дополнить гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» ст. 273.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за следующие нарушения:

- нарушения в сфере личных неимущественных прав автора программ для ЭВМ;
- нарушение исключительных прав на программы для ЭВМ;
- незаконное использование (переработка, модификация, декомпиляция) программ для ЭВМ;
- незаконное использование контрафактных экземпляров программ для ЭВМ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р / СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс»; Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
3. План мероприятий («дорожная карта») Национальной технологической инициативы. Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 № 317 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Жарова А.К. Правовое обеспечение информационной безопасности в «умных городах» // Юрист. 2019. № 12. С. 69–76.
5. Борбат А.В. Проблемы формирования системы профилактики правонарушений и обеспечения правопорядка в муниципальных образованиях с учетом особенностей образа жизни населения // Российский следователь. 2016. № 18. С. 33–37.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ, п. 1 ст. 1263 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ, п. 5 ст. 1259 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS). Статья 10. Заключено в г. Марракеше 15.04.1994 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Жарова А.К. Правовая защита интеллектуальной собственности: учебное пособие для магистратуры. М.: Юрайт, 2011.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.
11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. № 537-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хавкина Александра Яковлевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 6 и 7 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах»».
12. Российское гражданское право: учебник в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М.: Статут, 2016. С. 774 (автор главы — Н.В. Щербак).

13. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для магистров, 8-е изд. М.: Юрайт, 2013. С. 384.
14. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2005. С. 200.
15. Толочкова Н.Г. Гражданско-правовая охрана авторских прав от контрафакции и плагиата: Дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2004. С. 9.
16. Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 109.
17. Лопатин В.Н. Государство и интеллектуальная собственность: переход к инновационной экономике // Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики: сборник научных трудов. Т. 1 / Под ред. В.Н. Лопатина. М.: Юрайт, 2008. С. 17–50.
9. Zharova A.K. Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti: uchebnoe posobie dlya magistratury. M.: Yurajt, 2011.
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26.04.2007 No 14 "O praktike rassmotreniya sudami ugovolnyh del o narushenii avtorskih, smezhnyh, izobretatel'skih i patentnyh prav, a takzhe o nezakonnom ispol'zovanii tovarnogo znaka" // BVS. 2007. No 7.
11. Opredelenie Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 20 dekabrya 2005 g. No 537-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Havkina Aleksandra YAKovlevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav polozheniyami statej 6 i 7 Zakona Rossijskoj Federacii "Ob avtorskom prave i smezhnyh pravah"".
12. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2 t. T. 1: Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava / Otv. red. E.A. Suhanov. 4-e izd., stereotip. M.: Statut, 2016. S. 774 (avtor glavy — N.V. Shcherbak).

REFERENCES

1. Gosudarstvennaya programma "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii" // Utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 iyulya 2017 g. No 1632-r // SPS "Konsul'tant plyus".
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2018 g. No 204 "O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda" // SPS "Konsul'tant Plyus"; Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21.07.2020. No 474 "O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 g." // SPS "Konsul'tant Plyus".
3. Plan meropriyatij ("dorozhnaya karta") Nacional'noj tekhnologicheskoy iniciativy. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.04.2016 No 317 // SPS "Konsul'tantPlyus".
4. Zharova A.K. Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti v "umnyh gorodah" // Yurist. 2019. No 12. S. 69–76.
5. Borbat A.V. Problemy formirovaniya sistemy profilaktiki pravonarushenij i obespecheniya pravoporyadka v municipal'nyh obrazovaniyah s uchetom osobennostej obraza zhizni naseleniya // Rossijskij sledovatel'. 2016. No 18. S. 33–37.
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 No 230-FZ. S. 1 st. 1263 // SPS "Konsul'tantPlyus".
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 No 230-FZ. S. 5 st. 1259 // SPS "Konsul'tantPlyus".
8. Soglashenie po togovym aspektam prav intellektual'noj sobstvennosti (TRIPS/TRIPS). St. 10. Zaklyucheno v g. Marrakeshe 15.04.1994 // SPS "Konsul'tant plyus".
13. Zenin I.A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: Uchebnik dlya magistrrov. 8-e izd. M.: Yurajt, 2013. S. 384.
14. Sergeev A.P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M.: TK "Velbi"; Prospekt, 2005. S. 200.
15. Tolochkova N.G. Grazhdansko-pravovaya ohrana avtorskih prav ot kontrafakcii i plagiata: Dis. ... kand. jur. nauk. Volgograd, 2004. S. 9.
16. Mozolin V.P. O koncepcii intellektual'nyh prav // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. No 12. S. 109.
17. Lopatin V.N. Gosudarstvo i intellektual'naya sobstvennost': perekhod k innovacionnoj ekonomike // Intellektual'naya sobstvennost'. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: Sbornik nauchnyh trudov. T. 1 / pod red. V.N. Lopatina. M.: Yurajt, 2008. S. 17–50.

Научная статья

Original article

УДК 32.019.5

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14216>

БУЛЛИНГ И ХЕЙТЕРСКИЕ КАМПАНИИ В СЕТЯХ.

ЕСТЬ ЛИ СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ?

BULLING AND HATE CAMPAIGNS ON THE NETWORKS. ARE THERE WAYS FOR REGULATION?

Галина Михайловна МИХАЛЕВА

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
gmmichaleva@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-2226-7374>

Информация об авторе

Г.М. Михалева — доктор политических наук, профессор кафедры мира и демократии (Кафедры ЮНЕСКО) Российского государственного гуманитарного университета

Аннотация. В статье рассмотрены особенности травли (буллинга), в особенности кибербуллинга. Перечислены и расшифрованы его характеристики, субъекты и объекты травли. Рассмотрены конкретные примеры организации хейтерских кампаний в отношении конкретных социальных групп, компаний и индивидов. Проанализированы формы травли, следствия кибербуллинга. Перечислены формы борьбы с травлей в сетях — от правовой до регуляции самими сетями и индивидуальных методов.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, субъекты травли, жертвы, методы борьбы с кибербуллингом

Для цитирования: Михалева Г.М. Буллинг и хейтерские кампании в сетях. Есть ли способы регулирования? // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 36–41; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14216>

Galina M. MICHALEVA

Russian State University for Humanity, Moscow, Russia,
gmmichaleva@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-2226-7374>

Information about the author

G.M. Michaleva — Doctor of Political Science, professor of Department of Peace and Democracy (UNESCO Chair) of Russian State University for Humanity

Abstract. The article discusses the features of bullying and, in particular, cyberbullying. Its specific characteristics, subjects and objects of harassment are listed and deciphered. Specific examples of organizing hate campaigns against specific social groups, campaigns and individuals are considered. The forms of bullying, the consequences of cyberbullying are analyzed. The forms of combating bullying in networks are listed — from legal to regulation by the networks themselves and individual methods.

Keywords: bullying, cyberbullying, subjects of bullying, victims, methods of combating cyberbullying

For citation: Michaleva G.M. Bullying and hate campaigns in networks. Are there ways for regulation? // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 36–41; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14216>

ОСОБЕННОСТИ БУЛЛИНГА И КИБЕРБУЛЛИНГА

Травля (буллинг — англ. *bullying*) — агрессивное преследование одного из членов коллектива со стороны другого, часто — со стороны группы лиц. Травлю организует один (лидер), иногда с сообщниками, а большинство остаются свидетелями. Травля может быть в физической и в психологической формах. Проявляется во всех возрастных и социальных группах. В сложных случаях может принять некоторые черты групповой преступности.

В качестве особой формы травли выделяют групповую травлю («травлю толпы»), большинством или всеми членами коллектива (микросообщества), часто начальником, работодателем (жаргонное выражение — «моббинг»).

Чаще всего анализ этого феномена связывают со школьными классами [1], и проявляется он как в оскорблениях, так и в прямых действиях. Но травля развивается почти в любом закрытом обществе: в армейских группах, в тюрьме и т.п. Одно из самых известных определений травли дал Д. Ольвеус, психолог из Норвегии (правда, в отношении детской и подростковой среды): буллинг — это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы [2].

Новый феномен, связанный с развитием социальных сетей, — кибербуллинг — травля в сетях, часто анонимная. В ней могут участвовать как знакомые, так и неизвестные жертве люди. Травля может быть с участием троллей — лиц, получивших задание или из мотивов ненависти и вражды добровольно занимающихся отслеживанием записей в сетях и комментариями. Могут быть задействованы и боты — специальные программы, выполняющие автоматически или по заданному расписанию какие-либо действия через интерфейсы, предназначенные для людей и отличающиеся обычно большей скоростью реакции, чем тролли.

Кампании травли в сети характерны в первую очередь для подростков, но встречаются и в других группах. Н.Р. Шевко и И.И. Исхаков отмечают следующие особенности коммуникаций в сети, которые накладывают отпечаток на кибербуллинг [3]:

- неограниченность во времени;
- доступность различных способов коммуникации: тексты, графики, фото, аудио- и видеоматериалы;
- анонимность и вследствие этого отсутствие ответственности за комментарии и записи;
- опосредованность, невозможность использовать невербальные средства коммуникации.

Алан Купер выделяет три аспекта интернет-коммуникации: анонимность, доступность и дешевизну [4], что приводит к сконцентрированности на себе и росте агрессии в отношении жертв, отсутствию эмпатии и жалости.

Журналистка Анара Абдуллаева пишет, что кибербуллинг можно отличить по следующим признакам [5]:

- 1) угрозы в сети;
- 2) подделка профиля и фотографий;
- 3) сообщения порочащего характера в мессенджерах и комментариях.

Главная цель кибербуллинга — запугать, разозлить или опозорить свою жертву.

Такие кампании травли позволяют говорить о феномене «впадения в детство», воспроизводстве алгоритмов поведения школьного класса или группы детей, где осуществляется травля. Особенности кибербуллинга связаны в первую очередь с анонимностью и безнаказанностью, его отличительные черты — примитивизм, грубость аргументов, стремление оскорбить.

ХЕЙТЕРСКИЕ КАМПАНИИ

Помимо индивидуальных комментариев, которые можно отнести к кибербуллингу, практикуются различные типы хейтерских кампаний — последовательная продолжительная травля с многочисленными участниками. Зачастую сочетаются онлайн- и офлайн-акции.

Такие кампании могут быть организованы разными акторами.

Во-первых, это близкие к государственным органам организации. Известна, например, так называемая Ольгинская фабрика троллей (фирма «Интернет-исследования»), связанная в сообщениях СМИ

с именем Евгения Пригожина, получившего от журналистов прозвище «повар Путина». У сотрудников были задания публиковать комментарии к российским новостям, формировать перепосты и копирайты текстов с размещением их на различных сайтах [6].

Во-вторых, такой тип активности проявляют консервативные представители и активисты РПЦ или других традиционных конфессий.

В-третьих, это национал-патриотические группы, такие как движение SERB, которое, судя по сообщениям СМИ, курируют МВД и ФСБ [7], и НОД (Национально-освободительное движение) [8], которые работают как провокаторы на акциях, мероприятиях и в сетях — онлайн и офлайн.

Стоит отметить формы работы организации «Божья воля» Дмитрия Цорионова (Энтео), также занимавшейся как травлей на акциях и мероприятиях феминистских организаций и сообщества ЛГБТ, так и кибербуллингом. Чрезвычайной активностью отличалась в сетях группа «Мужское государство» Вячеслава Позднякова, не только оскорблявшая феминисток и представителей ЛГБТ, но и угрожавшая им преследованиями, насилием и убийствами, практиковавшая также открыто расистские высказывания. После многочисленных обращений различных организаций, включая гендерную фракцию партии «Яблоко», в Следственный комитет 18 октября 2021 г. Нижегородский областной суд признал «Мужское государство» экстремистской организацией и запретил его деятельность на территории Российской Федерации. Впрочем, сам Поздняков находится за границей и наказания не понес [9].

Пролайферы (антиабортное движение), например межрегиональная организация «Жизнь» [10], близкая к РПЦ, и другие православные группы объектом своей травли выбрали группы феминисток и отдельных фем-активисток, врачей, выступающих за аборт, открыто провозглашающих свои позиции людей, отказывающихся от рождения детей (движение чайлд-фри).

Кто, как правило, становится объектом травли?

- Отдельные известные люди — оппозиционеры, критики существующего режима, регулярно выступающие в СМИ. В особую категорию выделяются те, кого государство признает иностранными агентами (как организации, так и отдельные персоны) или нежелательными организациями.
- Представители определенных групп:
  - партий, зарегистрированных или незарегистрированных оппозиционных прозападных либеральных партий («Яблоко», либертарианцы, «Демократический выбор» и др.);
  - феминистки: как некоммерческие организации, так и фем-группы, в том числе сетевые, и отдель-

ные активистки, вне зависимости от позиций [11]. Например, феминистка Белла Рапопорт пишет: «Большое количество комментариев связано с моим гендером. Если мужчина кому-то не нравится, ему не желают быть изнасилованным, не пишут, что он уродливый, что он слишком много говорит, что он неаккуратно ест»; - ЛГБТ (ЛГБТК)-сообщество, которое оказывается под ударом из-за позиции государства (закона о запрете пропаганды ЛГБТ среди несовершеннолетних) и негативного отношения силовиков, политиков и значительной части общества.

Коммерческие компании также могут стать жертвами травли из-за выражения неконвенциональных позиций, например компания Reebok [12], которая выпустила рекламную кампанию #нивкакиерамки, посвященную сильным женщинам. В ней участвовала Залина Маршенкулова, представившая слоган «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо», что вызвало вспышку хейтерской кампании. Убрать рекламу с ЛГБТ-парой и извиниться после интенсивного кибербуллинга была вынуждена компания «Вкусвилл» через пять дней после размещения рекламы [13].

ФОРМЫ ТРАВЛИ

Нэнси Виллард, специалист в области дефектологии и права (США), называет такие формы кибербуллинга [14]:

- 1) оскорбление — агрессор оставляет оскорбительные комментарии;
- 2) домогательство — целенаправленные кибератаки сексуального характера от незнакомых людей, пользователей социальных сетей, людей из ближайшего реального социального окружения;
- 3) очернение и распространение слухов. Может происходить с помощью публикации фото- или видеоматериалов на интернет-страницах, в форумах, в новостных группах, через электронную почту;
- 4) использование фиктивного имени, когда намеренно выдают себя за другого человека;
- 5) публичное разглашение личной информации;
- 6) распространение личной информации, например фотографий, данных о финансовом положении, роде деятельности;
- 7) stalking — продолжительное домогательство и преследование;
- 8) открытая угроза физической расправы.

Практикуются оскорбления, касающиеся позиций, внешнего вида, возраста, национальности, расы,

пола, интеллекта. Угрозы касаются применения насилия, изнасилования, убийства. Обвинения в предательстве и продажности, работе «на Запад» становятся следствием высказываний особых, отличающихся от государственных и доминирующих в СМИ позиций, связанных с внешней и внутренней политикой, с оценкой высказываний и действия отдельных политиков, лидеров общественного мнения, деятелей культуры. Используется организованная травля участников публичных выступлений в СМИ в комментариях в сетях и на сайтах СМИ.

Индивидуальная травля бывших партнеров и супругов или отвергнутых почитателей и почитательниц — также распространенное явление.

СЛЕДСТВИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА

Следствием кибербуллинга являются психологические травмы у людей, подвергшихся травле; они могут привести к тревожным симптомам, психическому расстройству и (в экстремальных случаях) даже к самоубийству. Особенно часто это затрагивает подростков с неустоявшейся психикой, а также людей со слабой нервной системой.

Еще одно следствие — создание токсичной среды: атмосфера ненависти становится заразной, комментарии все более агрессивными. Распространение употребления ненормативной лексики.

Третье следствие — «засорение» информационного поля: содержательные обсуждения заменяются взаимными оскорблениями и потоком негативных комментариев, происходит отказ от содержательных обсуждений в пользу взаимных оскорблений с переходом на личности.

КАК БОРОТЬСЯ?

Есть два способа.

Во-первых, правовой путь: заявление в полицию, Следственный комитет. Однако пользователи сетей далеко не всегда решаются на этот сложный и затратный по времени правовой путь.

Во-вторых, игнорирование:

- закрыть свой профиль или открыть его только для друзей;
- не отвечать на запросы на переписку;
- игнорировать и блокировать сообщения агрессора.

Проблема заключается в том, что в этом случае круг общения сильно сокращается и нивелируются достоинства сетей, к которым относятся не только широчайшие возможности потребления информации, но и неограниченный круг общения по различным темам.

Facebook и Instagram предлагают следующие действия (правда, они касаются только подростков) [15]:

- 1) игнорировать все сообщения от хулигана или использовать инструмент «Ограничить» для скрытой защиты вашей учетной записи без уведомления этого лица;
- 2) модерировать комментарии на свои собственные сообщения;
- 3) изменить настройки так, чтобы лишь те люди, на которых вы подписаны, могли отправлять вам личные сообщения;
- 4) перед тем как что-то опубликовать, еще раз пересмотреть публикуемую информацию.

Большие социальные сети предлагают перечисленные ниже методы, опять же — для детей [15], но с тем же успехом они могут быть использованы и взрослыми.

Facebook/Instagram

«...мы рекомендуем Вам поговорить с родителем, учителем или кем-то еще, кому Вы можете доверять, — у Вас есть право на безопасность. Вы также можете отправить сообщение о любых издевательствах прямо в Facebook или Instagram.

Вы всегда можете отправить нашей команде анонимный отчет из поста, комментария или рассказа в Facebook или Instagram.

У нас есть команда, которая круглосуточно просматривает эти отчеты по всему миру на более чем 50 языках, и мы удалим все оскорбительные или запугивающие сообщения. Эти сообщения всегда анонимны».

Twitter

«... самое важное — убедиться, что Вы в безопасности. Очень важно, чтобы Вы с кем-то поговорили о том, через что Вы проходите. Это может быть учитель, другой взрослый, которому доверяют, или родитель. Поговорите со своими родителями и друзьями о том, что делать, если Вы или Ваш друг подверглись кибербуллингу.

Мы призываем сообщать нам о тех людях, которые могут нарушать наши правила. Вы можете сделать это на страницах поддержки в нашем Справочном центре или с помощью механизма отчетов в Twitter, нажав на опцию “Сообщить о твите”.

Узнайте о настройках конфиденциальности ваших любимых приложений для социальных сетей. Вот некоторые действия, которые Вы можете предпринять на многих из них:

- *изменив настройки конфиденциальности Вашей учетной записи, вы сумеете решить, кто может видеть Ваш профиль, отправлять Вам прямые сообщения или комментировать ваши посты;*
- *Вы можете сообщить об оскорбительных комментариях, сообщениях и фотографиях и запросить их удаление;*

- Вы можете полностью блокировать людей, чтобы они не могли видеть ваш профиль или связываться с Вами;
- Вы также можете блокировать комментарии определенных людей, но не блокировать их полностью;
- Вы можете удалять сообщения в своем профиле или скрывать их от определенных людей.

В большинстве Ваших любимых социальных платформ люди не узнают, если Вы их заблокируете или ограничите их доступ к вашему профилю».

В статье о новых информационных технологиях в защите прав человека И.Г. Шаблинский* [16] пишет о том, что уполномоченные государственные органы предпринимают усилия по контролю активности в сетях за интернет-платформами, блогерами и т.д. Это встречает понимание судов. Но заметим: случаи таких исков встречаются нечасто. Проблема Российской Федерации заключается в том, что нормы, связанные с регулированием этой сферы, ограничительные и запретительные (как и в других сферах).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как верно заметили А. Бочавер и К. Хломов [1] «Дискурс принуждения и насилия не рождается в конкретной семье или школе, за ним стоят пласты политической культуры... эти уровни взаимосвязаны». Чем агрессивнее информационная среда: выступления политических лидеров, новости, ток-шоу на телевидении, тем чаще проявления кибербуллинга в сетях. Но в этом есть экзистенциальное противоречие: чем больше ненависть к внешним и внутренним врагам, которая зачастую культивируется государством и близкими к органам власти организациями и транслируется большинством средств массовой информации, тем меньше можно ожидать от государственных органов противодействия кибербуллингу. В то же время методы борьбы общества и индивидов с этим феноменом очень ограничены. Остаются надежды на регулирование самими сетями.

Стремительное развитие новых информационных технологий заставляет серьезно и вдумчиво подходить к регулированию новых форм коммуникации и разрабатывать формы противодействия кибербуллингу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 149–159.
2. Olweus D. *Bulling at school: What we know what we can do*. N.Y.: Wiley-Blackwell, 1993.
3. Шевко Н.Р., Исхаков И.И. Особенности проявления кибербуллинга в социальных сетях // Юридические науки, 2017. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-kiberbullinga-v-sotsialnyh-setyah/viewer>, Дата обращения: 21.01.2022.
4. Cooper A. *Sexuality and the Internet: Surfing into the new millennium* // *CyberPsychology and Behavior*. 1998. No 1(2). P. 187–193.
5. Абдуллаева А. Кибербуллинг или травля в интернете: Разбираемся и советуем. как от него защититься. — URL: <https://cabar.asia/ru/kiberbulling-ili-travlya-v-internete-razbiraemsa-i-sovetuem-kak-ot-nego-zashhititsya>, дата обращения: 22.01.2022.
6. Плотникова А., Гальперович Е. Фабрика троллей Евгения Пригожина. — URL: <https://www.golosameriki.com/a/ai-prigozhin/4263958.html>, дата обращения: 23.01.2022.
7. Идиоты на страже ФСБ: как движение СЕРБ «спасает Россию» — URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/10/29/idioty-na-strazhe-fsb-kak-dvizhenie-serb-spasaet-rossiyu.html>, дата обращения: 21.01.2022.
8. Сайт НОД. — URL: <https://rusnod.ru/index/o-dvizhenii/> Дата обращения: 21.01.2022.
9. Хроники Гендерной фракции // Знак равенства: Альманах. 2021. № 12. С. 4.
10. Сайт межрегионального движения «Жизнь». — URL: http://sm.cnsr.ru/ru/organization/Mezhregionalnaya_obshestvennaya_organizatsiya_%C2%ABZHizn_%C2%BB/, дата обращения: 22.01.2022.
11. URL: <https://cabar.asia/ru/kiberbulling-ili-travlya-v-internete-razbiraemsa-i-sovetuem-kak-ot-nego-zashhititsya>, дата обращения: 22.01.2022.
12. Сафонова К., Шатурова Л., Благова Д. Присесть — нормальный совет. Так удобнее: феминистки рассуждают о дерзкой рекламе Reebok. — URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/11247-prisest-normalnyy-sovet-tak-udobnee-feministki-rassuzhdayut-o-derzkoj-reklame-reebok/>, дата обращения: 22.01.2022.
13. URL: <https://vc.ru/marketing/266426-hronologiya-vkusvill-sdelal-reklamu-s-lgbt-paroy-a-potom-udalil-i-izvinilsya-za-neprofessionalizm-sotrudnikov>, дата обращения: 23.01.2022.
14. Willard Nancy. *Cyberbullying and Cyberthreats Effectively Managing Internet Use Risks in Schools*. — URL: https://www.cforks.org/downloads/cyber_bullying.pdf/ Дата обращения: 22.01.2022.
15. Травля в интернете. Что это и как с этим бороться. Юнисеф для каждого ребенка. — URL: <https://www.unicef.org/tajikistan/ru/%D1%82%D1%80%D0%B>

* - признан Минюстом РФ иноагентом

0%D0%B2%D0%BB%D1%8F-%D0%B2-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%B5-%D1%87%D1%82%D0%BE-%D1%8D%D1%82%D0%BE-%D0%B-8-%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D1%81-%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BC-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8, дата обращения: 22.01.2022.

16. Шаблинский И.Г. * О некоторых информационных технологиях в контексте защиты прав человека // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 39, № 4. С. 14.

REFERENCES

1. Bochaver A.A., Holmov K.D. Bulling kak object issledovaniy I kulturnyj fenomen // Psihologija. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki. 2013. T. 10, No 3. S. 149–159.
2. Olweus D. Bulling at school: What we know what we can do. N.Y.: Wiley-Blackwell, 1993.
3. Shevko, N.R., Ishakov I.I. Osobennosti proyavleniya kiberbullinga v socialnyh setyah // Yuridicheskie nauki, 2017. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-kiberbullinga-v-sotsialnyh-setyah/viewer>, date of the application: 21.01.2022.
4. Cooper A. Sexuality and the Internet: Surfing into the new millennium // CyberPsychology and Behavior. 1998. No 1(2). P. 187–193.
5. Abdullaeva A. Kiberbulling i travlya v internete. Rasbiraemysya i sovetuem kak ot nego zashititsya. — URL: <https://cabar.asia/ru/kiberbulling-ili-travlya-v-internete-razbiraemysya-i-sovetuem-kak-ot-nego-zashhititsya>, date of the application: 22.01.2022.
6. Plotnikova A., Galperovich E. Fabrika trollei Evgeniya Prigoshina. — URL: <https://www.golosameriki.com/a/ai-prigozhin/4263958.html>, date of the application: 23.01.2022.
7. Idiots na sluzhbe FSB: kak dvizhenie SERB “spasaet Rossiyu” // <https://www.mk.ru/politics/2018/10/29/idioty-na-strazhe-fsb-kak-dvizhenie-serb-spasaet-rossiyu.html>, date of the application: 21.01.2022.
8. Sait NOD. — URL: <https://rusnod.ru/index/o-dvizhenii>, date of the application: 21.01.2022.
9. Hroniki gendernoy frakcii // Znak ravenstva. 2021. No 12. S. 4.
10. Sait meshregionalnogo dvizheniya shizn. — URL: http://sm.cnsr.ru/ru/organization/Mezhregional_naya_obshestvennaya_organizatsiya_%C2%ABZHizn_%C2%BB/, date of the application: 22.01.2022.
11. URL: <https://cabar.asia/ru/kiberbulling-ili-travlya-v-internete-razbiraemysya-i-sovetuem-kak-ot-nego-zashhititsya>, date of the application: 22.01.2022.
12. Safonova K., Shaturova L., Blagova D. Prigest — normalnyi sovet. Tak udobnee: feministki rassuzhdayut o derskoy reklame Reebok. — URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/11247-prigest-o-lehpriq-htrkfv-normalnyy-sovet-tak-udobnee-feministki-rassuzhdayut-o-derzkoy-reklame-reebok>, date of the application: 22.01.2022.
13. URL: <https://vc.ru/marketing/266426-hronologiya-vkusvill-sdelal-reklamu-s-lgbt-paroy-a-potom-udalil-izvinilsya-za-neprofessionalizm-sotrudnikov>, date of the application: 23.01.2022.
14. Willard Nancy. Cyberbullying and Cyberthreats Effectively Managing Internet Use Risks in Schools. — URL: https://www.cforks.org/downloads/cyber_bullying.pdf/, дата обращения: 22.01.2022.
15. Travlya v internete. Chto eto I kak s etim borotsya. Yunisef dly kashdogo rebenka. — URL: <https://www.unicef.org/tajikistan/ru/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D1%8F-%D0%B2-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%B5-%D1%87%D1%82%D0%BE-%D1%8D%D1%82%D0%BE-%D0%B-8-%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D1%81-%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BC-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F/>, date of the application: 22.01.2022.
16. Shablinski I.G.* О некотoryh informacionnyh tehnologiyah v kontekste zashity prav cheloveka // Trudy po intellektualnoi sobstvennosti. T. 39, No 4. 2021. S. 14.

* - признан Минюстом РФ иноагентом

Научная статья

УДК: 342.951

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14218>

Original article

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕДИЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

GLOBALIZATION OF THE MASS MEDIA AND ITS IMPACT ON THE MEDIA LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Наталья Евгеньевна ПИРЯЗЕВА

Тульский государственный университет, Тула, Россия,
natalieko97@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-6930-5636>

Информация об авторе

Н.Е. Пирязева — преподаватель кафедры государственного и административного права Института права и управления Тульского государственного университета

Аннотация. Глобализация сегодня стала общемировой тенденцией. Нацеленность государств на экономическое и социальное развитие обуславливает наращивание темпов интеграции. Глобализация оказывает заметное воздействие на повсеместное расширение масштабов деятельности средств массовой информации. В статье представлены мнения отдельных специалистов в области массмедиа как о положительном, так и об отрицательном воздействии глобализации средств массовой информации, а также об их консолидации, при которой все большим их числом владеет все меньшее количество медиакомпаний.

Заинтересованность медиагигантов в получении большего объема доходов, а также возможность корпораций контролировать глобальный контент в ряде случаев приводят к распространению односторонней или противоречивой информации о тех или иных явлениях общественной, политической или социальной жизни. Проблема влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения приводила и продолжает приводить к видоизменению медийного законодательства в области регулирования работы средств массовой информации, получающих зарубежное финансирование. Объектом данного исследования выступает российское и зарубежное законодательство, регламентирующее деятельность средств массовой информации в эпоху глобализации.

- Целью работы является выявление особенностей влияния глобализации на медийное законодательство Российской Федерации. Для достижения поставленной цели в рамках исследования осуществлен историко-правовой и сравнительно-правовой анализ подходов к глобализации средств массовой информации законодателей СССР, США, Китая и Российской Федерации.
- Проанализировано российское и зарубежное законодательство о средствах массовой информации — иностранных агентах. Рассмотрены перспективы отдельных направлений совершенствования действующего российского медийного законодательства.

- **Ключевые слова:** средства массовой информации, глобализация, коммуникация, информационные технологии

- **Для цитирования:** Пирязева Н.Е. Глобализация средств массовой информации и ее влияние на медийное законодательство Российской Федерации // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 42–49; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14218>

Natalia E. PIRYAZEVA

Tula State University, Tula, Russian Federation,
natalieko97@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-6930-5636>

Information about the author

N.E. Pirязeva — lecturer at the Department of State and Administrative Law Tula State University

- **Abstract.** Globalization is a global trend today. The focus of states on economic and social development causes an increase in the pace of integration. Globalization is having a marked effect on the widespread expansion

ной среды, в частности на деятельность средств массовой информации.

Под средством массовой информации в соответствии с Законом РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием). К массовой информации относятся предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. В России, согласно ст. 29 Конституции РФ, гарантируется свобода средств массовой информации.

Процесс медиаглобализации происходил постепенно, линейно развиваясь от изобретения телеграфа в 1837 г. и появления первых информационных агентств в XIX в. до запуска геостационарной спутниковой связи, который позволил говорить о реальной глобализации коммуникативных процессов и средств массовой информации.

Особую роль в распространении информации играет интернет. По данным глобального отчета Digital-2020, интернетом в Российской Федерации пользуются около 80% ее граждан, и для девяти из десяти россиян интернет сегодня становится базовой услугой. Увеличение количества пользователей интернета стало общемировой тенденцией. Так, число пользователей интернета за два года пандемии коронавирусной инфекции увеличилось на 17%. Увеличение количества средств массовой информации, их активизация в интернете и повсеместное увеличение числа его пользователей приводят к расширению масштабов глобализации средств массовой информации.

Американский футуролог Элвин Тоффлер определял глобализацию средств массовой информации как преодоление географических границ для распространения текстовой, аудио- и видеoinформации посредством трех технологических инноваций: спутниковой связи, компьютерных сетей, цифрового кодирования текста, звука, изображения [3, с. 302]. Для глобализации средств массовой информации характерно распространение информации на неограниченный круг людей не только в собственной стране, но и во всем мире. Данное явление имеет важное значение для молниеносного распространения самой разнообразной информации почти в любой точке мира.

Выход средств массовой информации на широкий рынок приносит современным медиакомпаниям огромную прибыль, что предопределяет их стремление к развитию индустрии за пределами своей страны. Нацеленность на массовую аудиторию создает

позитивный эффект за счет возможности каждого человека, имеющего доступ к интернету или печатным изданиям, свободно получать фактически любую информацию.

Особенно это актуально для жителей Российской Федерации. Это объясняется тем, что отнюдь не всегда свобода средств массовой информации, а также их глобализация были характерными явлениями для России. Несмотря на то что в СССР признавали роль средств массовой информации как важного фактора коммуникации [4, с. 3], деятельность зарубежных средств массовой информации, идущая вразрез с позицией официальных властей, воспринималась как враждебная и как следствие ограничивалась. Так, средства массовой информации в СССР воспринимались в качестве «орудия идеологического противоборства», а западные идеи о несовместимости свободы информации с ограничениями, налагаемыми нормами права, — как чуждые для социалистических стран [5, с. 133].

В СССР отсутствие контроля за средствами массовой информации, в том числе зарубежными, воспринималось как реальная угроза в рамках идеологической борьбы. Несмотря на провозглашение разного рода лозунгов о сотрудничестве в сфере распространения информации между СССР и европейскими странами, развитие данного направления было затруднено. Так, в рамках Общеввропейского совещания «Основные направления развития культурного сотрудничества, контактов и обмена информацией» в 1973 г. предлагалось достичь договоренности о содействии более свободному и широкому распространению всех форм информации путем заключения соглашений между государствами [6, с. 33]. В то же время это не означало отказа от идеологической борьбы и противодействия распространению результатов деятельности западных средств массовой информации.

Например, в докладе Л.И. Брежнева на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 4 октября 1977 г. затрагивалась тема распространения зарубежной пропаганды и недостоверной информации в целях искажения содержания проекта новой Конституции СССР [6, с. 33]. В условиях существенной разницы в подходах к деятельности средств массовой информации было невозможно достижение целей сотрудничества, в то время как в капиталистических странах процесс глобализации СМИ заметно наращивал темпы.

Данное явление сказалось на позиции СССР, который всеми силами пытался ограничить или запретить распространение в стране сведений, сообщаемых зарубежными СМИ. Это выражалось в глушении зарубежных радиостанций, которое было прекраще-

но только с 30 ноября 1988 г., в ограничении на распространение иностранных печатных изданий и т.д. Таким образом, в XX в. за счет достижения технологических успехов глобализация средств массовой информации и возможность повсеместного распространения информации оказали значительное влияние на формирование официальной позиции СССР по вопросу международного сотрудничества в данной области, а также на нормативную базу, регламентирующую ограничение распространения в стране материалов западных журналистов, представляющих негативную оценку действий официальных властей СССР.

В современных условиях средства массовой информации выступают в качестве генератора общественного мнения. Медиаглобализация привела к тому, что при изучении распространяемой информации у ее потребителя формируется определенная позиция относительно того или иного явления. На этом основывалась советская доктрина массовой информации, в соответствии с которой любая информация может оказать воздействие на человека и видоизменить его позицию. Как отмечает Н.П. Попов, в процессе президентской гонки 1984 г. в США именно средства массовой информации, которые контролировались монополистами, сыграли определяющую роль [7, с. 3].

Отрицательное отношение к проблеме монополизации средств массовой информации было характерно не только для СССР, но и, как ни странно, для стран Запада. Иностранные специалисты в сфере медиатехнологий осознавали не только положительное влияние средств массовой информации на степень распространенности информации для фактически неограниченной аудитории, но и на их возможность непосредственно влиять на общественное мнение. Еще в 1960-х годах Уилбур Шрамм заявил о возможности использования средств массовой информации для переноса политико-экономической модели стран Запада в целях развития у жителей развивающихся стран желания саморазвития [8, с. 2]. Разумеется, в цели западных средств массовой информации входило не только укрепление потенциала развивающихся стран, но и расширение границ своей деятельности, закономерно влекущее за собой увеличение прибыли.

Как отметил Джеффри К. Лайонс, многонациональные корпорации являются основным субъектом глобализации СМИ, и именно они контролируют глобальный контент [9]. В 1974 г., согласно исследованию ЮНЕСКО, несколько западных стран контролировали огромный международный поток телевизионных передач. США, Великобритания, Франция и Федеративная Республика Германия играли в этом процессе ключевую роль [9]. Фактически можно го-

ворить не только о таком явлении, как глобализация СМИ, но и об их консолидации как о процессе, при котором все большим количеством СМИ владеет все меньшее число компаний. Так, можно выделить несколько монополистов в данной сфере, например компании Comcast, Disney Corporation, Time Warner, CBS и Viacom и другие [10].

В целом, можно сказать, что взгляды ученых, критикующих транснациональные компании, которые контролируют средства массовой информации, очень схожи с риторикой советских политиков и ученых. Например, Роберт Макчесни говорил о возможности культурного протекционизма западных стран через средства массовой информации [11]. Он пришел к выводу, что фактически несколько крупных компаний могут оказывать воздействие на СМИ и осуществлять контроль за средствами массовой информации, которые освещают различные события, формируют общественное мнение и развивают дискуссии о прошлом, настоящем и будущем. Таким образом, глобализация СМИ представляет собой крайне сложный и противоречивый процесс, отражающий возможность отдельных медиакомпаний оказывать влияние на потребителей информации.

Глобализацию СМИ можно обозначить также в качестве причины появления в нормативной базе ряда стран специальных законов об иностранных агентах. Одним из первых государств, которые осознали опасность влияния на общественное мнение собственных граждан средств массовой информации, в том числе и зарубежных, стали Соединенные Штаты Америки. В 1938 г. Конгресс США принял Foreign Agents Registration Act, сокращенно обозначаемый как FARA. Этот закон устанавливал необходимость иностранных организаций, представляющих интересы других государств, проходить регистрацию в Государственном департаменте (с 1942 г. — в Министерстве юстиции), предоставлять сведения о местонахождении, регистрации, объемах и источниках финансирования и т.д. Принятие столь специфичного закона было обусловлено политическими событиями 1930-х гг. В 1935 г. был создан Комитет Палаты представителей по антиамериканской деятельности для расследования случаев подрывной пропаганды со стороны СССР и фашистской Германии.

Распространение фашизма, стремление коммунистических стран к мировому лидерству, а также экономические проблемы в США в межвоенный период вызвали у Конгресса обеспокоенность относительно иностранного влияния на американцев и американское правительство [12]. В дальнейшем в данный закон вносилось множество поправок. Например, с 1941 г. было введено требование о маркировке «по-

литической пропаганды». С 1996 г. акцент поправок сместился на политическое лоббирование и т.п.

Первые три судебных разбирательства на основании закона FARA в 1939 и 1940 гг. были связаны с пропагандисткой деятельностью СССР [12]. Борьба с иностранными агентами, в том числе и со средствами массовой информации, осуществляется и сегодня, что обуславливает принятие дополнительных законов. Так, Закон 2019 г. о разрешении на национальную оборону (NDAA) установил требование о том, чтобы отдельные иностранные средства массовой информации, работающие в США, каждые шесть месяцев представляли в специальную комиссию отчеты об отношениях этих СМИ с иностранным руководством [13].

Еще при принятии FARA законодатели осознавали трудность выявления степени вмешательства иностранных агентов и их влияния на осуществление антиамериканской деятельности. Это повлекло неопределенность при разработке и закреплении в Законе критериев для отнесения организации к иностранным агентам [12]. Сегодня данная проблема остается одной из наиболее актуальных, и по Закону FARA иностранными агентами признаны такие крупные международные средства массовой информации, как RT, CGTN и т.д.

При этом в американском обществе осознают, что Закон FARA может привести к дискриминации в отношении иностранных СМИ и нарушению принципа их свободы. Так, организации гражданского общества в Соединенных Штатах в конце 2021 г. выступили с резким осуждением принимаемого в Сальвадоре Закона об иностранных агентах [14].

На сегодняшний день законы, в соответствии с которыми СМИ могут быть признаны иностранными агентами, существуют в ряде зарубежных стран, например в Австралии, Венгрии, Израиле и т.д. В Российской Федерации также действует специальное законодательство об иностранных агентах, которыми могут быть признаны и средства массовой информации.

С 2012 г. в России ведется реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. В соответствии с действующим законодательством иностранные агенты должны пройти процедуру регистрации в Министерстве юстиции Российской Федерации. В 2017 г. в ответ на антироссийскую пропаганду и риторику, распространяемую зарубежными средствами массовой информации, Федеральный закон от 25.11.2017 № 327-ФЗ «О внесении изменений в ст. 10.4 и 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»» установил,

что юридическое лицо, зарегистрированное в иностранном государстве, или иностранная структура без образования юридического лица, распространяющая предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы (иностранное средство массовой информации), могут быть признаны иностранными средствами массовой информации, выполняющими функции иностранного агента, независимо от их организационно-правовой формы, если они получают денежные средства и (или) иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства.

В Российской Федерации появление специального закона об иностранных агентах можно признать следствием такого явления, как глобализация СМИ. Действительно, сегодня любой пользователь интернета может ознакомиться с информацией, которую предоставляют зарубежные средства массовой информации. При этом далеко не всегда данная информация отвечает требованиям достоверности и полноты. Продолжают вызывать опасения также культурные и идеологические предубеждения в отношении стран или народов, о которых публикуют информацию монополисты в сфере медиа. Маркировка, а именно указание на то, что сообщения и материалы созданы и (или) распространены иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, в данном случае призвана лишь предупреждать потребителя информации о возможной заинтересованности СМИ в распространении тех или иных сведений.

Стоит отметить также и то, что ст. 13.15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации предусматривает возможность привлечения редакции и редакторов средств массовой информации к ответственности за распространение информации о некоммерческой организации, включенной в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, без указания на то, что соответствующая организация является некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента. Таким образом, регулирующее воздействие российского законодательства направлено на минимизацию недоброжелательного зарубежного влияния на общественное мнение в России.

Разумеется, вызывают беспокойство отдельные положения российского законодательства о СМИ-иноагентах: например, недостаточно четко определен объем иностранного финансирования, которого будет достаточно для включения Министерством юстиции РФ средства массовой информации

в соответствующий реестр. Также актуальны идеи отдельных представителей журналистского сообщества о том, что решение о присвоении средству массовой информации статуса иностранного агента должен принимать суд. Кроме того, необходима дальнейшая проработка вопросов, связанных с необходимостью в каждом конкретном случае устанавливать источник иностранного финансирования.

Проблемы, связанные с правовым регулированием процедуры присвоения статуса иностранного агента, неоднократно обсуждались в рамках Московского юридического форума, на заседаниях региональных законодательных собраний и т.д. Как отметил на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека президент Российской Федерации В.В. Путин, нормы законодательства о СМИ — иностранных агентах необходимо обсудить и проработать с профессиональным сообществом [15]. Таким образом, Закону требуется дальнейшее развитие в целях преодоления случаев нарушения принципа свободы массовой информации.

Помимо законодательства о СМИ-иноагентах в Российской Федерации нормативно закреплен порядок признания средства массовой информации в качестве нежелательной организации на основании ст. 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». В соответствии с данной статьей деятельность иностранной или международной неправительственной организации, представляющая угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства, может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации. Отсутствие конкретизации на законодательном уровне, какие именно действия могут быть признаны в качестве угрозы основам конституционного строя, может привести к неопределенности оснований прекращения деятельности иностранных или международных средств массовой информации.

Отметим и тот факт, что в отличие от признания иностранными агентами средство массовой информации, деятельность которого признается в установленном порядке нежелательной, означает прекращение его работы в Российской Федерации. В 2021 г. был первый случай признания иностранного средства массовой информации нежелательной организации. Данное решение было принято Генеральной прокуратурой. В то же время представляется, что для достижения целей правовой определенности можно говорить о возможности внесения поправок в Закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям осно-

вополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», устанавливающих, что подобное решение может быть принято только судом. Прекращение деятельности средства массовой информации является очень значимым правовым последствием, а суд как специально уполномоченный орган может беспристрастно провести анализ всех обстоятельств каждого конкретного дела в целях принятия наиболее справедливого и отвечающего требованиям законодательства решения.

Еще одним аспектом глобализации СМИ и ее влияния на нормативно-правовое регулирование является фактическое использование международных средств массовой информации преступниками, осуществляющими противозаконную деятельность, например экстремистскую, террористическую, по распространению запрещенного контента. Освещение в СМИ террористических актов, публикация интервью с преступниками приводят к формированию мнения о допустимости таких действий за счет популярности подобных публикаций [16, с. 104].

Повсеместное использование интернета в целях доступа к сайтам с незаконными азартными играми, со сведениями об изготовлении оружия или о приобретении наркотических средств приводит в ряде стран к тотальному ограничению информации. Например, в Китае заблокированы привычные нам Twitter, Facebook и YouTube, но работают местные медиакомпании. В Российской Федерации, в свою очередь, система противодействия распространению запрещенной информации, в том числе и в средствах массовой информации, работает по-иному.

В Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции контроля и надзора в сфере средств массовой информации, является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Этот орган уполномочен в соответствии Постановлением Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» [17] на принятие мер по ограничению доступа к информационным ресурсам в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в интернете. Таким образом, правовое регулирование в Российской Федерации построено так, что на основании решения уполномоченного органа может быть ограничен доступ к противоправной информации, распространяемой в том числе и средствами массовой информации.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что глобализация средств массовой информации и как следствие угрозы, вызванные данным зако-

номерным социальным явлением, оказали заметное влияние на нормативную базу Российской Федерации. Распространение отдельными зарубежными или российскими средствами массовой информации недостоверной, неполной или политизированной информации в целях нанесения ущерба национальным интересам привело к расширению масштабов их признания в качестве иностранных агентов. Несмотря на то, что развитие законодательства об иностранных агентах отвечает требованиям времени и зарубежному опыту, требуется дальнейшее его совершенствование для минимизации случаев произвольного ограничения деятельности средств массовой информации и обеспечения принципа свободы их деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gao Shangquan. Economic Globalization: Trends, Risks and Risk Prevention. — URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/cdp/cdp_background_papers/bp2000_1.pdf, дата обращения: 11.01.2021.
2. Denver Rebecca. Does globalisation lead to good health outcomes? — URL: <https://georoutesuk.files.wordpress.com/2020/12/r2025-171-181.pdf>, дата обращения: 11.01.2021.
3. Санакоева С.С. Тенденции развития СМИ в XXI веке // Медиареальность России: вчера, сегодня, завтра: сборник научных статей. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 300–308.
4. Кряжков В.А. Советы и средства массовой информации // Советское государство и право. 1984. № 8. С. 3–11.
5. Цепов Б.А. «Психологическая война», массовая информация и международное право // Советское государство и право. 1984. № 11. С. 131–138.
6. Колосов Ю.М. Международное сотрудничество в области массовой информации // Советское государство и право. 1978. № 2 (февраль). С. 31–39.
7. Попов Н.П. Индустрия образов: Идеологические функции средств массовой информации в США. М.: Политиздат, 1986. 144 с.
8. Matos C. Globalization and the mass media. In: Encyclopedia of Globalization. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. — URL: https://www.researchgate.net/publication/276025402_Mass_media_and_globalization, дата обращения: 11.01.2021.
9. Jeffrey K. Lyons. Media Globalization and its Effect upon International Communities: Seeking a Communication Theory Perspective. — URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/media-globalization-and-its-effect-upon-international-communities-seeking-a-communication-theory-perspective.php?aid=35155>, дата обращения: 11.01.2021.
10. Reading: Media Globalization. — URL: <https://courses.lumenlearning.com/atd-bhcc-introsoc/chapter/reading-global-implications-of-media-and-technology/#:~:text=As%20the%20names%20suggest%2C%20media,development%20and%20exchange%20of%20technology>, дата обращения: 12.01.2021.
11. McChesney R.W. Communication revolution: critical junctures and the future of media. XVIII. N.Y.: New Press, 2007. — URL: <https://personal.lse.ac.uk/larcines/mcchesneyreview.pdf>, дата обращения: 12.01.2021.
12. Joshua R. Fattal, FARA on Facebook: Modernizing the Foreign Agents Registration Act to Address Propagandists on Social Media // 21 N.Y.U. J. Legis. & Pub. Pol’y 903 (2019). P.909. — URL: <https://nyujlpp.org/wp-content/uploads/2019/10/Fattal-FARA-On-Facebook-21-NYU-JLPP-903.pdf>, дата обращения: 12.01.2021.
13. United States-Based Foreign Media Outlets URL: <https://www.fcc.gov/united-states-based-foreign-media-outlets>, дата обращения: 12.01.2021.
14. U.S. Groups Condemn Proposed Foreign Agents Law in El Salvador. — URL: <https://www.wola.org/2021/11/foreign-agents-law-el-salvador-condemn/>, дата обращения: 13.01.2021.
15. Путин: Закон о СМИ-иноагентах надо обсудить с сообществом журналистов [Электронный ресурс] // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2021/12/09/putin-zakon-o-smi-inoagentah-nado-obsudit-s-soobshchestvom-zhurnalistov.html>, дата обращения: 13.01.2021.
16. Мельникова А.А. Терроризм в эпоху глобализации: опасности медиакоммуникаций // Век глобализации. 2020. № 1. С. 102–108.
17. Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 (ред. от 29.12.2021) «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // Собрание законодательства РФ. 23.03.2009. № 12. Ст. 1431.

REFERENCES

1. Gao Shangquan. Economic Globalization: Trends, Risks and Risk Prevention. — URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/cdp/cdp_background_papers/bp2000_1.pdf, data obrashcheniya: 11.01.2021.
2. Denver Rebecca. Does globalisation lead to good health outcomes? — URL: <https://georoutesuk.files.wordpress.com/2020/12/r2025-171-181.pdf>, data obrashcheniya: 11.01.2021.

3. Sanakoeva S.S. Tendencii razvitiya SMI v XXI v. // *Mediareal'nost' Rossii: vchera, segodnya, zavtra: sbornik nauchnyh statej*. M., 18 aprelya 2019 g. M.: Rossijskij universitet druzhby narodov (RUDN), 2019. S. 300–308.
4. Kryazhkov V.A. Sovety i sredstva massovoj informacii // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1984. № 8. S. 3–11.
5. Cepov B.A. "Psihologicheskaya vojna", massovaya informaciya I mezhdunarodnoe pravo // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1984. No 11. S. 131–138.
6. Kolosov Yu.M. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti massovoj informacii // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1978. No 2 (fevral'). S. 31–39.
7. Popov N.P. Industriya obrazov: Ideologicheskie funkicii sredstv massovoj informacii v SSHA. M.: Politizdat, 1986. 144 s.
8. Matos C. Globalization and the mass media. In: *Encyclopedia of Globalization*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. — URL: https://www.researchgate.net/publication/276025402_Mass_media_and_globalization, data obrashcheniya: 11.01.2021.
9. Jeffrey K. Lyons. Media Globalization and its Effect upon International Communities: Seeking a Communication Theory Perspective. — URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/media-globalization-and-its-effect-upon-international-communities-seeking-a-communication-theory-perspective.php?aid=35155>, data obrashcheniya: 11.01.2021.
10. Reading: Media Globalization. — URL: <https://courses.lumenlearning.com/atd-bhcc-introsoc/chapter/reading-global-implications-of-media-and-technology/#:~:text=As%20the%20names%20suggest%2C%20media,development%20and%20exchange%20of%20technology>, data obrashcheniya: 12.01.2021.
11. McChesney R.W. *Communication revolution: critical junctures and the future of media*. XVIII. N.Y.: New Press, 2007. 320 p. — URL: <https://personal.lse.ac.uk/larcines/mcchesneyreview.pdf>, data obrashcheniya: 12.01.2021.
12. Joshua R. Fattal, FARA on Facebook: Modernizing the Foreign Agents Registration Act to Address Propagandists on Social Media // 21 N.Y.U. J. Legis & Pub. Pol'y. 2019. Vol. 903. P. 909. — URL: <https://nyujlpp.org/wp-content/uploads/2019/10/Fattal-FARA-On-Facebook-21-NYU-JLPP-903.pdf>, data obrashcheniya: 12.01.2021.
13. United States-Based Foreign Media Outlets. — URL: <https://www.fcc.gov/united-states-based-foreign-media-outlets>, data obrashcheniya: 12.01.2021.
14. U.S. Groups Condemn Proposed Foreign Agents Law in El Salvador. — URL: <https://www.wola.org/2021/11/foreign-agents-law-el-salvador-condemn/>, data obrashcheniya: 13.01.2021.
15. Putin: Zakon o SMI-inoagentah nado obsudit' s soobshchestvom zhurnalistov [Elektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta. — URL: <https://rg.ru/2021/12/09/putin-zakon-o-smi-inoagentah-nado-obsudit-s-soobshchestvom-zhurnalistov.html>, data obrashcheniya: 13.01.2021.
16. Mel'nikova A.A. Terrorizm v epohu globalizacii: opasnosti mediakommunikacij // *Vek globalizacii*. 2020. № 1. S. 102–108.
17. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16.03.2009 № 228 (red. ot 29.12.2021) "O Federal'noj sluzhbe po nadzoru v sfere svyazi, informacionnyh tekhnologij I massovyh kommunikacij" // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 23.03.2009. № 12. St. 1431.

Научная статья

УДК 347.77, 347.78

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14219>

Original article

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ТРЕБОВАНИЯ МОРАЛИ, ЭТИКИ И ПРАВА В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

DESIGNING SOCIO-POLITICAL PROCESSES: REQUIREMENTS OF MORALITY, ETHICS AND LAW IN DIGITAL COMMUNICATIONS ON THE INTERNET

Мария Александровна ГОРДЕЕВА

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
gordeevamaria@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2624-0307>

Анна Александровна НОВИКОВА

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, novikova.a@rggu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4950-0802>

Андрей Леонидович ЗВЕРЕВ

Российский государственный гуманитарный университет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, zveandr@mail.ru,
<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-5694-245X>

Александр Рустамович АКРАМОВ

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, akramov.a@rggu.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6962-7555>

Информация об авторах

М.А. Гордеева — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой культуры мира и демократии (Кафедра ЮНЕСКО) Российского государственного гуманитарного университета

А.А. Новикова — кандидат исторических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии (Кафедра ЮНЕСКО) Российского государственного гуманитарного университета

А.Л. Зверев — кандидат политических наук, доцент кафедры общественных связей, туризма и гостеприимства Российского государственного гуманитарного университета

- А.Р. Акрамов — преподаватель кафедры общественных связей, туризма и гостеприимства Российского государственного гуманитарного университета
- **Аннотация.** Современная сфера медиа требует комплексного правового регулирования в связи с появлением и распространением большого количества недостоверной информации. Статья посвящена анализу феномена *fake news*, их выявлению и нейтрализации, а также законодательству и ответственности за распространение подобных материалов и сообщений. В результате проведенного исследования формулируются новые «правила игры» по отношению к информации, которая циркулирует в публичной среде общественных интернет-коммуникаций, рассматриваются допустимые форматы и технологии ее распространения.

Ключевые слова: fake news, фейк ньюс, фейковые новости, медиаграмотность, правовое регулирование СМИ, цифровые коммуникации

- **Для цитирования:** Гордеева М.А., Новикова А.А., Зверев А.Л., Акрамов А.Р. Конструирование общественно-политических процессов: требования морали, этики и права в интернет-среде // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 50–59; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14219>

Maria A. GORDEYEVA

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gordeevamaria@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2624-0307>

не новы — еще в 1993 г. нынешний премьер-министр Великобритании Борис Джонсон начал свою кампанию против Европейского союза с публикации ряда заведомо ложных материалов в британских газетах, которые должны были настроить британцев против европейской бюрократии. Он распространял фейки о грядущем запрете картофельных чипсов, о запрете на эксплуатацию двухэтажных автобусов, а также о попытках ЕС вывозить некачественные и бракованные товары в развивающиеся страны для их реализации [2]. Эта кампания, продолжавшаяся более 20 лет, в итоге увенчалась успехом — брекзитом.

Алекс Джонс, бывший ведущий интернет-шоу «InfoWars» по праву считается одним из самых ярких популистов-националистов, утилизировавшим фейковые новости как метод формирования гражданских и общественных движений. После массового убийства в школе Сэнди Хук в 2012 г. в США Алекс Джонс распространял через свое шоу информацию о том, что погибшие дети были подставными актерами, стрелок — агентом спецслужб, а заказчиком трагедии выступал президент Барак Обама, таким образом пытавшийся добиться общественного согласия на ограничение Второй поправки к Конституции США (свобода на владение оружием) [3]. Действия Джонса вызвали массовую травлю семей погибших поклонниками его шоу, а сам Алекс Джонс был признан судом виновным в клевете [4].

В современной интернет-среде фейковые новости могут быть произведены для влияния на одну целевую аудиторию, но в итоге также распространиться на совершенно иную. В 2021 г. в результате многолетней борьбы за расследование подозрительных смертей детей в школе-интернате Кемлупс (Kamloops Indian Residential School), куда вывозили детей коренного населения Канады, было обнаружено 200 могил с останками. Американское консервативное сообщество отвергает эту информацию, ссылаясь на слова доктора исторических наук Жака Руэра и подвергая критике экспертизу военного антрополога Сары Больё [5].

В русскоязычной части интернета эта информация, как и большой объем другой гиперкритичной к общественно-политическим процессам в Северной Америке информации, появилась на сайте интернет-газеты «Континент» [6], формирующей образ Канады и США как умирающих государств, не имеющих моральных, этических или логических устоев. Читатели и пользователи интернета, оказавшиеся на данном сайте, могут начать путь с ознакомления с информацией о «махинациях» на выборах президента США в 2020 г., продолжить его через материалы о вреде феминизма и о положительных пунктах программы кандидата в президенты Франции нацио-

налиста Эрика Земмура и в итоге оказаться в круговороте интенсивной медицинской дезинформации, касающейся как каждодневных вопросов здоровья, так и пандемии коронавируса SARS-CoV-2. Подобная публикация привлекает внимание в первую очередь читательскими комментариями, которые показывают, что авторы этих материалов добились желаемого эффекта — агрессии, злобы и дальнейшего распространения дезинформации.

По своей психологической сути фейки очень близки к слухам, которые распространяются по неформальным каналам межличностного общения. Для возникновения слуха, а сегодня и многих фейков в интернет-среде, должно сложиться три основных условия в текущем состоянии информационного медиапространства [7]:

- интерес общественности к актуальной для них в данный период проблеме;
- дефицит достоверной информации по теме слуха (фейка);
- состояние эмоционального напряжения в социуме вследствие неведения истинной сути того, что в реальности происходит в развитии темы, по которой возникает слух (фейк).

Иными словами, слухи (фейки) рождаются там и тогда, где и когда есть большие затруднения в предоставлении достоверной информации о происходящем по актуальным для населения темам и волнующим его проблемам, а также вследствие отсутствия доверия к официальной информации. Чаще это проявляется в общественно-политических коммуникациях, в которых затруднена обратная связь с реципиентами, когда последние не всегда получают ответ на актуальные для них запросы, остаются в неведении по значимым для них проблемам либо ответ сформулирован так, что его можно трактовать по-разному.

Так, при помощи слухов (фейков) можно осуществлять:

- зондаж общественного мнения в каком-либо резонансном для социума вопросе;
- внушение общественности, что уже ничего нельзя изменить по принимаемому важному для нее властному или общественно значимому решению;
- дискредитацию оппонентов в информационных войнах и в других агрессивных коммуникативных практиках, которые сегодня перенесены в социальные сети.

Во-вторых, итогом этой замещающей коммуникативной практики, рождающей массовое появление *fake news*, стало стихийное их использование для сопровождения таких актуальных для современного общества вызовов, как несколько волн пандемии

COVID-19. Вследствие этого даже возник термин, обозначающий информационную угрозу от фейка в сфере профилактики, лечения COVID-19 и реабилитации после него, — *инфодемия*. По разрушительной силе инфодемия для психики населения планеты стала в один ряд с самой этой болезнью. 2 февраля 2020 г. Всемирная организация здравоохранения назвала инфодемии вторым опасным для мира врагом после самой пандемии COVID-19.

В нашей стране стихийная волна инфодемии возникла до появления первой волны пандемии COVID-19, и именно она в отсутствие у населения объективной информации со стороны официальных властных и научно-экспертных сторон о реальной угрозе COVID-19 создавала установки (как правило, на эмоциональном уровне) у обывателей, боявшихся заразиться новой болезнью, угрожающей всему человечеству. А у тех, кто не верил в серьезность новой болезни, возникало желание рассказывать анекдоты о ней, смеяться над эмоциями тех, у кого пандемия COVID-19 вызывала страх. В социальных сетях возникло эмоциональное напряжение. В одном случае — негативная, вызывающая страх у других пользователей сети информация в постах о массовой гибели людей, заболевших новой страшной болезнью. В другом случае — пренебрежительная реакция, перепост анекдотов, высмеивающих массовые страхи населения перед новой угрозой обществу, при этом снижается роль одного из базовых инстинктов человека — страха смерти, и человек перестает адекватно оценивать последующую объективную информацию об этой болезни.

Среди абсолютных лидеров по распространению коронавирусной дезинформации можно назвать два конкретных ресурса — блог в «Живом Журнале» под ником «AMANTONIO», публикующий систематизированную медицинскую дезинформацию в течение последних нескольких лет [8], и Telegram-канал «Теория Большого Шока», совмещающий распространение антимедицинской пропаганды с разнообразными конспирологическими теориями [9].

«AMANTONIO» недавно стал главным героем журналистских расследований и разоблачений на фоне борьбы с ковид-диссидентством. В РФ в последние десять лет наблюдается рост антимедицинских настроений, подогреваемых ложной информацией, распространяемой в интернете недобросовестными акторами. Данный блог подвергает жизни людей, в том числе детей, опасности — например, предлагая людям самостоятельно устанавливать режим и дозу вакцинаций для новорожденных. Именно автор этого блога распространяет среди российских читателей популярные в западном интернете теории возможности исцеления случаев коронавируса путем повышения pH

в организме человека, предотвращения заражения при полоскании горла йодом, ивермектином и прочими комбинациями лекарств и витаминов, что не имеет никакой доказательной базы. При этом «AMANTONIO» параллельно с рекомендацией сомнительных или вредоносных медицинских манипуляций жестко критикует профилактическую медицину и многократно призывает читателей отказаться от нее и отойти от «традиционных» методов лечения болезней.

Российский Telegram-канал «Теория Большого Шока» давно известен как платформа распространения максимально негативной и вредоносной информации. Главным отличием данного ресурса является то, что на нем обмениваются информацией и перекрестно распространяются фейки, созданные пользователями мессенджера. «ТБШ» наполняется исключительно самими пользователями, объединенными общими интересами и разделяющими одни и те же взгляды. В определенном смысле «ТБШ» может служить иллюстрацией идеальной эхо-комнаты, где пользователи являются одновременно и производителями и потребителями материалов.

«ТБШ» объединяет ковид-диссидентство и быстро прогрессирует в достижении антисемитских, антиазиатских, антидемократических и антигуманистических целей. Через данный канал распространяются вредоносные материалы, балансирующие на грани фашизма, евгеники, физиогномики и базовой дезинформации. Пользователи активно делятся постами из данного канала, которые попадают на страницы социальных сетей самих пользователей, а также на другие платформы и мессенджеры. Таким образом, аудитория канала в 89 тыс. человек имеет охват до нескольких сотен тысяч в русскоязычной части интернета.

В-третьих, массовое распространение фейковой массовой информации в современной интернет-среде вызвано следующими причинами [10]:

- увеличением объема актуальной для пользователей информации и многоканальностью ее передачи;
- увеличением скорости трафика распространения и потребления информации;
- скроллинговым характером восприятия информации в социальных сетях, когда внимание пользователя концентрируется на заголовке поста и большее внимание привлекает негативная эмоциональная окраска или сенсационность заголовка;
- сокращением и ослаблением существующих информационных фильтров в потреблении медиаконтента в социальных сетях;
- невозможностью фактчекинга в условиях большого количества потребляемого объема массо-

вой информации в социальных сетях и получении основного контента от виртуальных друзей, к которым высокий уровень доверия.

В-четвертых, нужно понимать, что нельзя относить к *fake news* часто публикуемые инфлюенсерами или другими пользователями в социальной сети свои оценочные суждения, которые формально можно будет отнести к новостям как цитаты, содержащие что-то очень необычное и из ряда вон выходящее, особенно если их опубликовал инфлюенсер, имеющий высокий социальный статус в обществе.

В-пятых, чаще всего *fake news* распространяются на сетевых онлайн-платформах, где присутствуют три вида акторов: создатели фейкового контента, потребители такого контента и, наконец, онлайн-платформы как медиа между первыми и вторыми. Создатели фейковых историй стремятся с их помощью оказывать влияние на текущую общественно-политическую ситуацию в регионах их распространения, выполняют чей-то заказ в информационной войне, повышают собственный социальный статус, утверждая, что обладают якобы недоступной для остальных, инсайдерской информацией.

Потребители фейкового контента, как правило, читают их из собственного природного любопытства, особенно в закрытых для широкой общественности сферах общественно-политического сегмента и частной жизни очень популярных его персон, страха перед неизвестностью будущего (самые актуализированные — «страх конца света» и иные апокалиптические прогнозы на будущее, прежде всего в сфере экономики), желания подтвердить собственную правоту, когда *fake news* становится для них собственной фактологической базой. Они используют репосты и лайки, что сильно расширяет распространение таких фейков. Сами интернет-платформы при помощи скандальных и сенсационных фейков увеличивают через потребительский трафик прибыль платформы, так как возрастают стоимость клика пользователя таких фейк-постов и время пребывания пользователя на этой интернет-платформе, что влияет на общий показатель вовлеченности пользователей в обсуждение этого поста в сетевом сообществе (*engagement*).

Другой проблемой является использование анонимной информации в целях создания вышеупомянутого кликбейта. В частности, издание Lenta.Ru регулярно перепечатывает в формате новостей анонимные посты из микроблогового форума Reddit, размещая их в разделе «Интернет и СМИ». Эти материалы особенно активно продвигаются алгоритмами «предлагаемых новостей» в мобильных браузерах Opera, Chrome, «Яндекс», что ставит их наравне с легитимными новостями.

Современное российское медиаправо представляет собой инструмент комплексного регулирования и правовой режим, устанавливающий требования к содержанию массовой информации с точки зрения ее полноты и достоверности. Требования определены соответствующими положениями таких нормативных правовых актов, как Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс, а также специальными законами, такими как закон РФ «О средствах массовой информации» [11], Федеральный закон «О рекламе» [12], Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и праве на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [13] и рядом иных законов и подзаконных нормативных правовых актов.

Правовое регулирование массмедиа и *fake news* как части этой сферы в современной России осуществляется на основании диспозитивного принципа; иными словами, действует лишь небольшое количество ограничений, в соответствии с которыми и должно формироваться содержание. Современное российское медиаправо представляет собой реакцию на возникающие вопросы. Такой вывод можно сделать, обратив внимание на нововведения в законодательстве 2019 г., которые были направлены на пресечение фейковой информации, связанной с пандемией COVID-19.

Данные нововведения выражаются в принятии пакета федеральных законов о недостоверной информации. В состав данного законодательства входят два федеральных закона: Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в ст. 15 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» [14] и Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [15].

В этих нормативных правовых актах дается определение понятию *fake news* или же, согласно российскому законодательству, «недостоверной общественно значимой информации». В соответствии с Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в ст. 15 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и защите информации”» фейковой новостью является дезинформация, которая создает угрозу причинения вреда жизни или здоровью гражданина, его имуществу, а также угрозу массового нарушения общественного порядка или общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или угрозу прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной

инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Если говорить об ответственности за распространение фейковых новостей, то она определяется Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», а также вышеупомянутым Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ. В соответствии с ними в случае попадания фейковой новости на какой-либо информационный ресурс она подлежит незамедлительному удалению, в противном случае ресурс, на котором новость подобного вида была опубликована, подлежит незамедлительной блокировке.

Данная система ликвидации фейковых новостей реализуется следующим путем: в случае обнаружения правоохранительными органами Российской Федерации фейковой информации, которая может представлять собой общественную опасность, производится формирование обращения в Роскомнадзор, который наделен функциями ограничения доступа к информационным ресурсам, распространяющим подобную информацию. Роскомнадзор, в свою очередь, формирует обращение к руководству интернет-ресурса, который опубликовал данную новость, с требованием удалить ее с сайта. В случае если редакция данного сайта не удалила ложную информацию, Роскомнадзор на основании ст. 15.3 Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ предпринимает ряд мер по ограничению доступа к сетевому изданию. В обстоятельствах, при которых интернет-издание все же удаляет новость и уведомляет об этом Роскомнадзор, федеральный исполнительный орган после предварительного проведенной проверки осуществляет действия по восстановлению доступа к сетевому изданию.

Нормативные правовые акты также определяют размер административного штрафа за распространение фейковых новостей: от 30 тыс. до 100 тыс. рублей для граждан, от 60 тыс. до 200 тыс. для должностных лиц, от 200 тыс. до 500 тыс. для юридических лиц.

Помимо перечисленного стоит сказать, что, если публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации повлекло за собой тяжкие последствия, ее распространение становится уголовно наказуемым деянием, подпадающим под действие ст. 207.2 и 207.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [16].

Изучение фейковых новостей и лучшее понимание алгоритмов их распространения и влияния находятся на пересечении нескольких научных подходов. В целом, механизмы распространения фейковых новостей достаточно просты, потому что опираются на эмоциональный отклик пользователей, их реакцию на

провокационное по содержанию сообщение, способствующую вирусному распространению и основанную на эффекте эмоционального заражения.

Первый подход, позволяющий аналитически работать с фейковой информацией, связан с комплексом теорий новостей. Он позволяет выявлять особые стилевые характеристики сообщений в фейковых новостях, следуя теории информационной манипуляции С. МакКорнака [17], фейковые сообщения отличаются большим размером и чрезмерной детализацией информации.

Второй подход связан с выявлением тех, кто потенциально может быть задействован в размещении, распространении и комментировании заведомо недостоверной информации. Распространение фейковой информации может осуществляться за вознаграждение, Д. Канеман и Е. Тверски [18] называют таких пользователей недобросовестными (*malicious users*). Вместе с тем в распространение фейковой информации очень часто оказываются вовлечены обычные пользователи, которые и не подозревают, что распространяют фейки.

Вовлеченность в процесс распространения фейков может быть проанализирована через применение классической теории влияния М. Дойча и Г. Джералда [19], теории социальной идентичности, подходов, объясняющих механизмы социального влияния, таких как теории эхо в закрытом пространстве К.Х. Джеймсон и Д. Капеллы [20], когда многократное повторение информации значительно увеличивает ее правдоподобность в глазах пользователей, а также теории каскада доступной информации Т. Куран и К. Санштейн [21], когда пользователи верят наиболее популярным мнениям.

Доверие к информации выстраивается и через собственные когнитивные процессы — если информация, по Р. Фишеру [22], в принципе соответствует уже существующим убеждениям, субъективному восприятию и эмоциональному состоянию. Весьма значимым фактором является эксклюзивность новости, формирующая иллюзию асимметричного информационного превосходства пользователя [23].

Ярким примером подобного эффекта являются «новостные» ресурсы, производящие материалы идеологической пропаганды, отредактированные под «авторскую» аналитику и экспертизу [24]. В публикации «Во всем виноваты белые, или что такое “критическая расовая теория”» [25] содержится потрясающее количество фактических ошибок, которые автор-«историк» делает, используя некорректную идентификацию политических, социологических и юридических направлений и движений. Автор данной статьи опубликовал за девять месяцев более

200 материалов, охватывающих темы от европейской исламизации до все той же ковид-дезинформации, а его материалы читают в среднем 10–15 тыс. человек.

Обозначенная многогранность феномена *fake news* в современных практиках сетевой массовой коммуникации в интернет-среде и неоднозначность подходов в интерпретациях, что является фейком, а что оценочным суждением инфлюенсера в своем блоге, актуализируют потребность в правовом регулировании текущего информационного контента в интернет-коммуникациях. В этой связи ясен посыл президента РФ В.В. Путина, который поручил к 1 июля 2022 г. рассмотреть идею о практическом воплощении того, что в этом потоке информации не должны потреблять дети, путем создания реестра токсичного интернет-контента для защиты несовершеннолетних. Это касается и поиска логики выстраивания правового регулирования информационных потоков в сетях современной интернет-среды в целях защиты ее пользователей от недостоверного распространяемого контента. Этот поиск также должен учитывать следующие особенности.

Во-первых, в правовой сфере *fake news* определяется как «недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений и создающая угрозу» обществу. Такой подход сформулирован в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и подкреплен соответствующими санкциями за распространение фейков в Кодексе РФ об административных правонарушениях (КоАП). Что понимается под угрозой безопасности обществу? Массовое распространение недостоверной общественно значимой информации может создать угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан, а также массового нарушения общественного порядка или безопасности.

В правовых актах, регулирующих текущие информационно-коммуникативные потоки в медийном российском пространстве, содержится запрет на распространение фейков в информационно-телекоммуникационных сетях, для того чтобы противодействовать экстремизму, например призывам в социальных сетях к осуществлению массовых беспорядков в городских пространствах проживания пользователей, и защищать социальную инфраструктуру, обеспечивающую текущую жизнедеятельность населения (например, массовые беспорядки могут нарушить функционирование объектов транспортной и/или социальной инфраструктуры, что может повлиять на жизнь местных жителей).

Примером, когда массовое распространение *fake news* в социальной сети создало угрозу нарушения общественного порядка или безопасности, стала тра-

гедия в марте 2018 г. в Кемерово. Тогда результатами массового вброса недостоверной информации об огромном количестве жертв и о «подтвержденном» числе погибших во время пожара в ТЦ «Зимняя вишня» стали паника среди местных жителей и массовый несогласованный в соответствии с законом выход граждан на протестные митинги, на которых люди требовали у региональных властей раскрыть истинный масштаб случившейся трагедии и наказать виновных. Ситуация в Кемерово тогда резко дестабилизировалась, и только после того, как власти пошли на диалог с активистами и показали им, сколько действительно погибших было в моргах города, протестная активность людей стала спадать.

Во-вторых, кто и как определяет в правовом поле, является тот или иной контент *fake news* или нет? Здесь есть, как мы уже писали выше, ряд нюансов. В современной массовой коммуникации есть технология создания контента путем задействования так называемой полуправды, когда в сообщении много и подробно рассказывается об одних фактах и деталях, а другие при этом замалчиваются. Поэтому, если новость содержит «достаточное» количество достоверного контента и в ней напрямую нет «недостоверной общественно значимой информации», то такую новость сложно признать фейком.

Кроме того, как мы отмечали выше, к фейкам нельзя отнести и оценочные суждения инфлюенсеров в собственных блогах, хотя в них может содержаться недобросовестное информирование подписчиков при трансляции нативной рекламы. Более того, формат той же недобросовестной рекламы может значительно затруднить поиск субъекта, который ее разместил в современной интернет-среде.

Так, при мониторинге мест, куда можно поехать на зимний тур в один из дальневосточных регионов, был обнаружен сайт горнолыжного комплекса, где помимо услуг самого комплекса рекламировались услуги проституток, за что предусмотрена административная ответственность по ст. 6.11 КоАП РФ. Оказалось, что этот сайт фейковый, что стало предметом обсуждения жителей данного региона в социальных сетях и в местных СМИ. Здесь возникает с правовой точки зрения вопрос: кто создал этот фейковый сайт — недобросовестные конкуренты, которые подобным образом пытаются переориентировать клиентский поток; сами владельцы этого горнолыжного комплекса, которые таким образом через нативную рекламу привлекают к себе дополнительное внимание потенциальных потребителей, либо региональное учреждение по туризму, в чьем ведении находится этот комплекс, пропустившее сроки оплаты доменного имени, после чего оно ушло к «пиратам»? В правовом поле

выявить истинного субъекта, который разместил такой фейковый сайт, будет затруднительно.

В-третьих, во многом арбитром в делах по определению в текущем новостном контенте *fake news* должен выступать Роскомнадзор, поэтому в собственном штате он должен иметь опытных медиаюристов, которые могли бы справиться с нынешней инфодемией в ситуации пандемии COVID-19.

Примером успешного досудебного урегулирования спора о возможном фейке одним из региональных подразделений Роскомнадзора стал следующий случай: депутат из оппозиционной партии legislatures на странице в социальной сети опубликовал информацию о том, что врачи в одном из российских регионов уходят в неоплачиваемые отпуска в период обострения пандемии COVID-19. На основе этого поста один из местных новостных онлайн-ресурсов опубликовал свой информационный материал. На другой день от министра регионального здравоохранения поступило разъяснение по ситуации с отпусками врачей, ранее опубликованная статья на этом новостном онлайн-ресурсе была удалена как неактуальная и был опубликован новый материал с комментариями представителей регионального министерства здравоохранения.

По поводу появления первого информационного материала на новостном онлайн-ресурсе поступило заявление о публикации им недостоверной информации в местный Роскомнадзор. Рассмотрев это заявление, Управление Роскомнадзора в регионе прекратило производство по административному делу в отношении главного редактора этого новостного онлайн-ресурса о публикации фейка, мотивировав свое решение тем, что этот новостной онлайн-ресурс добровольно удалил опубликованный фейк и вместо него разместил официальную информацию по возникшему информационному поводу от лица, уполномоченного на предоставление такой информации. Местный Роскомнадзор не нашел в ранее опубликованном на этом новостном онлайн-ресурсе материале ни злого умысла, ни негативных последствий от его размещения, ни даже недостоверности, за что и применяются штрафные санкции и иные правовые воздействия на нарушителя.

В-четвертых, законодательному регулированию медийного контента в современной интернет-среде, в том числе и в вопросе выявления *fake news*, не нужно идти по пути «политической юриспруденции», прежде всего в сфере избирательного права, которое каждый раз сильно меняется перед началом очередного электорального цикла. Прямой запрет на размещение негативной информации о конкуренте в предвыборной борьбе в избирательном законодательстве приводит к увеличению числа случаев выявления фак-

тов «черного» PR, когда негатив на конкурентов не озвучивают сами оппоненты, так как в таком случае они могут быть в правовом поле наказаны, а подготавливаются фейковые материалы от лица якобы оппонентов.

В-пятых, тем не менее виртуальный мир сетевых массовых коммуникаций в интернет-среде расширяется и усложняется, потому требует постоянного правового регулирования. В связи с этим в Атласе новых профессий 3.0, подготовленном Агентством стратегических инициатив в 2020 г., выделяется новая профессия, которая будет очень актуальна в скором будущем — **медиаполицейский** [26]. Он будет поддерживать правовой порядок в меняющейся онлайн-медиасреде. В его функционал будет входить поиск возможных нарушений в актуальной онлайн-медиасреде путем осуществления мониторинга медиаресурсов им самим или при помощи сетевых алгоритмов специальных компьютерных программ. В целом, он сможет отчасти выполнять тот функционал, который сейчас закреплен за Роскомнадзором и Лигой безопасного интернета, имея профессиональный ориентир на медийного правоведа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Распопова С.С., Богдан Е.Н. Фейковые новости: Информационная мистификация. М., 2018. С. 5–25.
2. Rusbridger A. News and How to Use It: What to Believe in a Fake News World. Canongate Books, UK. P. 81–85.
3. Van den Bulck H., Hyzen A. Of Lizards and Ideological Entrepreneurs: Alex Jones and Infowards in the Relationship Between Populist Nationalism and the Post-Global Media Ecology // SAGE Journals, 2019. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1748048519880726>, дата обращения: 27 января 2022 г.
4. Sandy Hook: Alex Jones Liable in Defamation Lawsuit, BBC News. — URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-59298320>, дата обращения: 27 января 2022 г.
5. Davidson J.D. Not One Corpse Has Been Found In the “Mass Grave” of Indigenous Children Canada. — URL: <https://thefederalist.com/2022/01/19/not-one-corpse-has-been-found-in-the-mass-grave-of-indigenous-children-in-canada/>, дата обращения: 27 января 2022 г.
6. Van den Bulck H., Hyzen A. Of Lizards and Ideological Entrepreneurs: Alex Jones and Infowards in the Relationship Between Populist Nationalism and the Post-Global Media Ecology // SAGE Journals, 2019. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1748048519880726>, дата обращения: 27 января 2022 г.

7. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Психология массовой политической коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 156–164.
8. URL: https://amantonio.livejournal.com/?utm_medium=endless_scroll
9. URL: <https://t.me/s/bigshocktheory>
10. Бон А. Фейк! Все, что надо знать о пропаганде, фальшивых новостях и теориях заговора. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. С. 85–103.
11. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021) // СПС «Консультант плюс».
12. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
13. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
14. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и защите информации”» от 18.03.2019 № 31-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
15. Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 24.02.2021 № 18-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
17. McCornack S.A., Morrison K., Paik J. e.a. Information manipulation theory: A propositional theory of deceptive discourse production // Journal of Language and Social Psychology. 2014. № 33. P. 348–377.
18. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk: Handbook of the fundamentals of financial decision making: Part I. World Scientific. 2013. P. 99–127.
19. Deutsch M., Gerard H.B. A study of normative and informational social influences upon individual judgment // The journal of abnormal and social psychology. 1955. № 51. P. 629.
20. Jamieson K.H., Cappella J.N. Echo chamber: Rush Limbaugh and the conservative media establishment. Oxford: Oxford University Press, 2008.
21. Kuran T., Sunstein C.R. Availability cascades and risk regulation // Stanford Law Review. 1999. P. 683–768.
22. Fisher R.J. Social desirability bias and the validity of indirect questioning // Journal of consumer research. 1993. № 20. P. 303–315.
23. Pronin E., Kruger J., Savtisky K., Ross L. You don't know me, but I know you: The illusion of asymmetric insight // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. № 81. P. 639.
24. URL: <https://www.ridus.ru>
25. Домущий С. Во всем виноваты белые, или что такое «критическая рассовая теория». — URL: <https://www.ridus.ru/news/358233>
26. Атлас новых профессий 3.0 / Под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина Пабlishер, 2020. С. 75.

REFERENCES

1. Raspopova S.S., Bogdan E.N. Feikovyе novosti: Infomatsionnaya mistifikatsiya. M., 2018. S. 5–25.
2. Rusbridger A. News and How to Use It: What to Believe in a Fake News World. Edinburgh: Canongate Books, UK. P. 81–85.
3. Van den Bulck H., Hyzen A. Of Lizards and Ideological Entrepreneurs: Alex Jones and Infowards in the Relationship Between Populist Nationalism and the Post-Global Media Ecology // SAGE Journals, 2019. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1748048519880726>, дата обращения: 27 января 2022 г.
4. Sandy Hook: Alex Jones Liable in Defamation Lawsuit, BBC News. — URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-59298320>, дата обращения: 27 января 2022 г.
5. Davidson J.D. Not One Corpse Has Been Found In the “Mass Grave of Indigenous Children In Canada”. — URL: <https://thefederalist.com/2022/01/19/not-one-corpse-has-been-found-in-the-mass-grave-of-indigenous-children-in-canada/>, дата обращения: 27 января 2022 г.
6. Van den Bulck H., Hyzen A. Of Lizards and Ideological Entrepreneurs: Alex Jones and Infowards in the Relationship Between Populist Nationalism and the Post-Global Media Ecology // SAGE Journals. 2019. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1748048519880726>, дата обращения: 27 января 2022 г.
7. Evgenieva T.V., Selezneva A.V. Psikhologiya massovoy politicheskoy kommunikatsii. M.: MSU, 2013. S. 156–164.
8. URL: https://amantonio.livejournal.com/?utm_medium=endless_scroll
9. URL: <https://t.me/s/bigshocktheory>
10. Bon A. Fake! Vse, chto nado znat' o propagande, fal'shivyykh novostyakh i teoriyakh zagovora. M.: Mann, Ivanov and Ferber Publishing, 2020. С. 85–103.
11. Zakon RF ot 27.12.1991 No 2124-1 (red. ot 01.07.2021) “O sredstvakh massovoy informatsii” (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.08.2021) // SPS “Konsultant plus”.
12. Federal'nyy zakon “O reklame” ot 13.03.2006 No 38-FZ // SPS “Konsultant plus”.

13. Federal'nyy zakon "Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastiye v referendumе grazhdan Rossiyskoy Federatsii" ot 12.06.2002 No 67-FZ // SPS "Konsultant plus".
14. Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 15.3 Federal'nogo zakona "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i zashchite informatsii" ot 18.03.2019 No 31-FZ // SPS "Konsultant plus".
15. Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh" ot 24.02.2021 No 18-FZ // SPS "Konsultant plus".
16. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 No 63-Φ3 // SPS "Konsultant plus".
17. *McCornack S.A., Morrison K., Paik J.E. e.a.* Information manipulation theory: A propositional theory of deceptive discourse production // *Journal of Language and Social Psychology*. 2014. № 33. P. 348–377.
18. *Kahneman D., Tversky A.* Prospect theory: An analysis of decision under risk / *Handbook of the fundamentals of financial decision making: Part I*. World Scientific. 2013. P. 99–127.
19. *Deutsch M., Gerard H.B.* A study of normative and informational social influences upon individual judgment // *The journal of abnormal and social psychology*. 1955. № 51. P. 629.
20. *Jamieson K.H., Cappella J.N.* Echo chamber: Rush Limbaugh and the conservative media establishment. Oxford: Oxford University Press, 2008.
21. *Kuran T., Sunstein C.R.* Availability cascades and risk regulation // *Stanford Law Review*. 1999. P. 683–768.
22. *Fisher R.J.* Social desirability bias and the validity of indirect questioning // *Journal of consumer research*. 1993. № 20. P. 303–315.
23. *Pronin E., Kruger J., Savtisky K., Ross L.* You don't know me, but I know you: The illusion of asymmetric insight // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. № 81. P. 639.
24. URL <https://www.ridus.ru>
24. *Domuschy S.* Vo vsem vinovaty belye», ili chto takoe "kriticheskaya rassovaya teoriya". — URL: <https://www.ridus.ru/news/358233>
26. Atlas novykh professiy 3.0 / Ed. D. Varlamova, D. Sudakova M.: Alpina Publisher, 2020. P. 75.

Научная статья

УДК 347.77, 347.78

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14220>

Original article

БУДУЩЕЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ THE FUTURE OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Питер Б. МЭГГС

Университет Иллинойса,
Шампейн, Иллинойс США,

p-maggs@illinois.edu,

<https://orcid.org/0000-0001-6621-6785>

Информация об авторе

Питер Б. Мэггс — профессор-исследователь в области права, Университет Иллинойса, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ, Москва

Аннотация. Право интеллектуальной собственности медленно и часто плохо адаптировалось к быстрому развитию науки и техники, а также к распространению Интернета и высокоскоростных коммуникаций. Данная статья обозначает некоторые возникшие проблемные зоны и подчеркивает необходимость модернизации и реформирования применимого права.

Ключевые слова: авторское право, защита дизайна, доменное имя, интеллектуальная собственность, NFT, невзаимозаменяемый токен, патент, защита растений, право на публичное использование, товарный знак, коммерческая тайна, полезные модели

Для цитирования: Мэггс П.Б. Будущее права интеллектуальной собственности // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022.

Т. 40, № 1. С. 60–69;

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14220>

• **Peter B. MAGGS**

• University of Illinois,

• Champaign, Illinois USA,

• p-maggs@illinois.edu,

• <https://orcid.org/0000-0001-6621-6785>

• Information about the author

• P.B. Maggs — Research Professor of Law, University of Illinois, Associate Fellow of the UNESCO Chair at the HSE University, Moscow

• **Abstract.** Intellectual property law has adapted slowly and often poorly to the rapid advances in science and technology and the spread of the Internet and high-speed communications. This article identifies some of the problem areas that have appeared and emphasizes the urgency of modernization and reform of the governing law.

Keywords: Copyright, Design Protection, Domain Name, Intellectual Property, NFT, Non-Fungible Token, Patent, Plant Protection, Right of Publicity, Trademark, Trade Secret, Utility Models

For citation: Maggs P.B. The Future of Intellectual Property Law // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 60–69; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14220>

INTRODUCTION

The famous American baseball player and popular philosopher Yogi Berra is known for his remark, “It’s tough to make predictions, especially about the future”. Thus, this article ventures into dangerous territory.

Intellectual property is like a zoo, full of different types of animals. In the nineteenth century, Charles Darwin succeeded in developing a general theory of evolution by “survival of the fittest” explaining both the common elements and the differences among these animals. Darwin, however, clearly saw the limits to his theory, and added a second theory, that of sexual selection, involving not the survival of the fittest, but the success in the market for reproduction, explaining the development of bird plumage as a way of signaling to the opposite sex.

Intellectual property, like evolution, has two separate theoretical explanations. The first is that of providing an incentive for creative activity. The United States Constitution explicitly provided for the enactment by the federal government of patent and copyright legislation effective through the states, “to promote the progress of science and the useful arts”. Translated from eighteenth-century English to modern, this phrase would mean “to promote the progress of knowledge and useful technology”. Just as evolution has enriched the world through the survival of the fittest and most beautiful, patents have led to highly beneficial inventions and copyrights have led to a world ever richer in the arts. Trademarks, have served quite different functions by signaling quality and facilitating consumer search. Given the very different nature of the basic types of intellectual property, it is no surprising that the United States Supreme Court decided, almost a century and half ago, that the patent and copyright clause of the Constitution did not grant Congress the power to regulate trademarks, but left the way open for Congress to use its power to regulate commerce to create nationwide trademark protection [1].

James Madison, one of the drafters of the Constitution (and later the fourth president of the United States), in urging the adoption of the Constitution, had argued, “The states cannot separately make effectual provision for either” copyright or patent [2]. The issue of unification of intellectual property law raised by Madison has now moved from an issue for a single country’s legal system to

the issue of intellectual property law at the international level. The nineteenth and twentieth centuries saw partial unification of intellectual property law by multilateral treaties and new international institutions. Intellectual property in the twenty-first century faces serious challenges from rapid advances in science and technology and widening conflicts between information-exporting and information-importing countries. I’d now like to turn to discussion of various areas of intellectual property in two groups, first, those encouraging creative activity and investment, and second those encouraging product quality and facilitating consumer search.

As I mentioned, some branches of intellectual property law, for instance patent and copyright, have as their purpose the creating of incentives for creativity through the grant of exclusive rights. However, because the incentives are based upon the creation of monopoly rights, which result in decreased production, it is important that there be a proper balance between the benefits of incentives and the negative effects of monopoly.

Other branches of intellectual property law, such as trademarks and marks of geographic origin, have as the purpose the insurance of quality and the facilitation of customer choice. However, in these branches of intellectual property, it is necessary to maintain a balance between exclusive rights on the one hand and the benefits of competition and free speech on the other. In this article, I would like to discuss the imbalances that have emerged and are emerging in intellectual property law along with some measures that are being taken or could be taken to deal with them.

PATENT

When the United States patent system was created over two-hundred years ago, inventions were simple; few businesses held more than one or two patents; and expired patents put important technologies into the public domain. Today the situation is very different in two respects, the emergence of huge patent portfolios and the rapid obsolescence of technology. In the early years of the United States patent system, no businesses owned large patent portfolios. The most serious problem facing patent law in the twenty-first century is continued rap-

id growth of huge patent portfolios by giant corporate groups. IFI Patent Claims Services publishes a highly useful list of the 250 largest patent portfolios [3]. The list shows that, as of 2021, fifty-one corporate groups each owned over 10,000 unexpired patents. Samsung led the list with over 80,000 unexpired patents. The rapid obsolescence of technology has made largely irrelevant the idea embodied in the United States Constitution that a patent owner should receive a monopoly for a limited time in return for the disclosure of the invention and its eventual passage into the public domain. The current pace of advance of science and technology means that a large portion of inventions are obsolete by the time the patents expire, so their entry into the public domain is of little use. Meanwhile patent portfolios continue to grow. Apple currently has about 18,000 patents [3]. In 17 years nearly all of these will have expired. But Apple is adding about 2700 patents a year, so that in 17 years at this pace it may have accumulated about 46,000 new patents. The ever-increasing number of patent applications makes it more and more difficult for patent offices to ensure that patents are only issued for really new and creative inventions.

Such huge patent portfolios create a serious barrier to entry for the kind of small startup company that has often led in technological advances. Startups will need to spend large amounts of initial capital paying expensive lawyers to guide them through the patent minefield. Further, they will need more cash to pay for licenses to patents that block their way. Meanwhile large established companies with extensive patent portfolios and large legal staffs are in a much better position to overcome these obstacles to innovation. In particular, they can use their patent portfolios as bargaining chips to obtain needed licenses and use their expert legal staffs to challenge dubious patents.

Developments in some countries have mitigated the negative effects of the huge portfolios, but much more needs to be done at the international level. In the United States, the Supreme Court has eliminated the doctrine that an injunction should be issued for every patent infringement. In the 2006 case of *eBay v. MercExchange*, the Supreme Court overturned prior judicial practice by holding that injunctions should not be available automatically for all infringements [4]. This decision was of great importance for prospective entrants into fields such as the design and manufacture of mobile phones and self-driving vehicles, because of the existence of thousands of patents on the relevant technologies.

The denial of injunctions would be of little use to new entrants if they faced royalties based upon the total value of their entire product, for instance, if the patent-holder of a single patent related to mobile phone technology

could seek a royalty as a substantial percentage of the typical \$400 cost of a modern mobile phone. However, the courts have developed a number of limiting doctrines. In *Samsung Electronics Co. v. Apple Inc.*, the United States Supreme Court held that an award of profits for infringement of a design patent on the design of a mobile phone display, would be based not on the profits from the sale of the phone as a whole, but rather on that portion of the profits that was attributable to the display [5].

Another major limitation relates to FRAND (Fair, Reasonable, and Non-Discriminatory) licensing of SEPs (Standard Essential Patents). International standards have become of every greater importance during the twenty-first century, particularly in the area of the Internet of things, in which interoperability is essential. A good example is the ability of mobile phones to roam worldwide and to connect with WiFi routers and Bluetooth devices anywhere. Several decades ago it was realized that the best technical approach to a standard often was protected by one or more patents, called "Standard Essential Patents". Further it was understood that requiring use of a patented technology to meet a standard would give undue bargaining power to patentees [6]. A related problem was that of patent stacking, the situation in which compliance with a standard would require licenses from a number of different holders of Standard Essential Patents. Leading SDOs (Standard Developing Organizations) have adopted a policy of refusing to create standards requiring the use of a particular patent unless the patent-holder would agree to contract to license the patent at fair, reasonable, non-discriminatory terms. The European Union has issued a directive dealing with this issue [7]. Approaches have varied in the courts in the United States. Some courts have intervened to set royalties, using the standards for awarding reasonable royalties adopted in the *Georgia Pacific* case in 1970 [8]. A very different approach was taken in a recent case involving mobile phone patents, *HTC v. Ericsson* [9]. In this case, Ericsson had signed a FRAND contract governed by French law with the relevant standards setting organization. The court analysed the case not as an intellectual property case but rather as a case of application of the French law of contract interpretation. The court essentially left to the jury the interpretation and application of the FRAND clause of the contract.

UTILITY MODELS

Some countries allow the protection of "utility models", improvements lacking the major inventive step needed for patent protection. Other countries, for instance, the United States, where the Constitution requires an "inventive step", do not offer protection for utility models. There

is an important, but unanswered question of economics, namely whether or not there should be an intermediate form of protection for useful advances that do not meet the requirements for patentability. Arguably, the advantages accruing to the business that is first to market an advance and thus has a brief monopoly should be enough to encourage minor advances. Given the basic disagreement on this question, and the difficulty of obtaining objective economic evidence, it is unlikely that any international harmonization of utility model protection will take place during the twenty-first century.

DESIGN PROTECTION

Various countries offer protection to product design through design patents or design registration. Despite the undoubted importance of encouraging products that are not only useful but also are beautiful, there are problems with design protection. One problem, like the problem with huge utility patent portfolios discussed above, is that large design patent portfolios may create undue barriers to entry by small competitors. Another problem, which has found different solutions in different countries is that of repair parts. If the left front fender of a car is damaged in an accident, the owner will want a left fender that not only keeps mud from flying toward the windshield, but that also matches the right fender. If there can be a design patent on automobile fenders, I (or my insurance company) will have to pay a monopoly price to repair the car. Some countries have partially solved the automobile repair problem by denying design protection for parts of a car that are normally not visible, such as carburetors.

VARIETIES OF LIVING THINGS

Genetic engineering has revolutionized the protection of varieties of living things. At one time, intellectual property protection of living things was limited in the United States to plants that could be reproduced with the same genetic material, such as by grafting. With advances in science, this protection has been broadened internationally to include seeds and genetically-engineered life. It is often said that genetic engineering will be, for the twenty-first century, the advance that computerization was for the twentieth century. One can expect many new issues to arise, in particular the complex ethical and practical issues of genetically engineered human beings. I just mentioned some issues with protection of the design of spare parts such as fenders and carburetors for automobiles. However, these issue pale in comparison with the possibility of engineering replacement limbs and organs for humans.

TRADE SECRECY

The extensive replacement of hardware by software is revolutionizing trade secret law. Thieves and disloyal employees no longer measure individual parts with a ruler or photograph design drawings; they download terabytes of programs and data to flash drives or remote servers [10]. A notorious example is the case involving Google, Uber, and the former head of Google's self-driving car program, Anthony Levandowski, who defected to Uber taking a huge amount of software and data with him. In an arbitration, Levandowski was ordered to pay Google 179 million dollars. His new employer, Uber, agreed to pay Google 245 million dollars to settle a lawsuit [11]. Levandowski also was convicted of the Federal crime of trade secret theft [12], but was pardoned by President Trump after lobbying by a major contributor to the President's campaign fund [13].

Another problem has been the expansion of trade secret theft from individual actions by disgruntled employees to coordinated actions by nation states in the ever intensifying atmosphere of economic and military competition. The vastly increased size of trade secret thefts and the emerging role of national intelligence services has led to much more active enforcement and, as noted above, unfortunately to the politicizing of trade secret enforcement.

Trade secret law presents special problems for businesses operating internationally, because of difference among countries in laws concerning the qualification of information for trade secret protection and in laws regulating employer-employee relations.

COPYRIGHT

There are four major negative trends in copyright law: first, the growing number of "surprise" copyright violations in which someone inadvertently uses copyright-protected material, second emergence of an ever growing number of "orphan" works, whose uncertain copyright status prevents their use, third the extension of copyright to computer software, and fourth, the overexpansion of the rights of copyright owners by anti-decryption legislation. The following discussion will highlight these problems and some of the attempts to solve them.

First I will turn to what I call "Surprise" copyright infringement. Such infringement can occur in two ways, either due to a misunderstanding of the complex rules or the relevant facts bearing on copyright ownership or, most commonly, due to the uploading by users of infringing material to social networks or other websites. Over thirty years ago, the United States Supreme Court provided for leniency for an infringement caused by a misunderstanding of complex legal rules. In the case of *Stewart v. Abend*, the court held that there was no automatic

right to an injunction, and decided that the copyright owner could only recover reasonable warranties reasonable royalties for the surprise [14]. There is ongoing debate worldwide over the other problem, namely how to apportion responsibility for uploaded infringing material. Obviously the users of social media and other websites are liable for uploading such material, but such users are often anonymous or are teenagers or others lacking money to pay damages. The much-debated question is whether the copyright owners or the website maintainers should be responsible for policing such uploaded material. In the United States, a solution was found in the Digital Millennium Copyright Act [15], which placed the burden of policing upon the copyright owner while freeing the website maintainer from damages if it took down infringing material upon notice from the copyright owner. It may be time to reexamine this allocation of responsibility in light of the increasing availability of digital search techniques for finding infringing material. The 2019 European Directive on Copyright [16] provides for a more balanced, but much more complex approach to the respect burdens upon the websites hosting uploads and the copyright owners.

Second I will discuss “orphan” works. These include works in the public domain whose copyright status cannot be determined easily and also copyright-protected works whose owners cannot be determined easily present a special problem. In my opinion, the universal adoption of the Berne Convention and its enshrinement in WTO Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) was a great mistake. In particular, it created a huge and ever growing number of “orphan” works. Thus, I believe that the United States made a great mistake in abandoning its longstanding system, which put published works in the public domain upon publication if they lacked a copyright notice, otherwise after a relatively short twenty-eight years, if the owner failed to file for renewal. Under that system anyone could determine the copyright status of published work merely by checking for a copyright notice. The system effectively prevented the emergence of orphan works and achieved a good balance of incentive for creation and the public interest. In 1675, the great scientist Isaac Newton, in a letter to Robert Hooke, made the famous statement: “If I have seen further it is by standing on the shoulders of Giants”. Given that all new creations rest on earlier creative efforts by others, it is only appropriate that there be a balance between incentives and the public domain. The universal adoption of the Berne Convention has upset that balance in two ways, first by creating uncertainty as to the ownership and end date of copyright, and second by creating an excessively long term. The already excessively long term has been made worse by legislation in

many countries extending the term by decades beyond that required by the Convention.

A possible compromise approach to orphan works may involve several steps. Some of these have been would not require renegotiation of the Berne Convention; others might require the extremely difficult task of revising the Convention. Some steps indeed have already been taken in the United States. Numerous countries and the European Union have considered reforms to deal with the orphan works problem [17]. Many of the proposed and adopted changes, however, are very timid; they do not come close to solving the problem. Typical proposals would restrict remedies to “reasonable royalties” if the copyright-owner had made a “diligent search” for the copyright owner. This reverses the principle applicable in many other areas of property law, for instance laws concerning transfers of immovable property, which place the burden upon property owners to ensure that their ownership is reflected in public records. It is contrary to the universal approach to patents and to the approach of most countries to trademarks, which places a similar burden on owners of these types of intellectual property. The problem with the reasonable search approach is that there is no easy way to define what constitutes a “reasonable search” and that a thorough search may be extremely expensive. Another suggestion has been to retain the present length of copyright protect, subject to repeated filing of renewal and payment of renewal fees by the copyright owner [18]. However, this would be difficult to implement in a way that would not violate the Berne Convention. It would be even more problematic in that the Berne Convention is incorporated in TRIPs and thus national laws requiring renewal formalities and fees would be subject to attack through the World Trade Organization’s dispute settlement procedure.

Third I will discuss problems by the extension of copyright to software protection. Such protection is in conflict with the longstanding principle that copyright should protect only literary and artistic works, while useful works should be protected by patents and then only if they involved an inventive element and with protection for a relatively short term after an enabling disclosure. In case of patent protection, nothing prevents other businesses from making devices compatible with patent devices or repairing patented devices. However, copyright can hinder such independent work.

In the United States, both Congress and the courts have put some limits on the overbreadth of copyright protection, but many problems remain, both here and around the world. In a leading case, *Google LLC v. Oracle America, Inc.* [19] the United States Supreme Court gave a broad interpretation of the principle of “fair use” embodied in the United States Copyright Act to allow

Google to copy over 10,000 lines of Oracle's code for the Java language so as to ensure compatibility with Google's Android software. However, it is far from clear that other countries, whose legislation limits "fair" uses to a fixed list, would reach the same result.

One encouraging development in copyright law has been the worldwide recognition of free and open source software ("FOSS") in legislation, for instance in a European Union copyright directive and in court decisions in various countries [20]. Much more, however, needs to be done to remove uncertainties in this area [21].

A fourth problem area is that of restrictions on access to encrypted and password-protected copyrighted information. While such restrictions aid greatly in the fight against piracy of books, music, and video, they also limit traditionally permitted uses of copyrighted material. A good example of the problems created by these restrictions is that of the Digital Millennium Copyright Act in the United States. This Act allowed the Librarian of Congress, as the head of the United States Copyright Office to proclaim, on a regular basis, a list of exemptions to the DMCA's prohibition on circumvention of copyright protection. The most recent such list was adopted in October 2021 [22]. It retained many of the prior exemptions aimed at uses for critical comment, education, and handicapped access. It also substantially broadened exemptions for circumvention for repair to include to include all consumer products. Litigation is ongoing on the question of monopolization by Apple of the process of sale of applications and payment for upgrades of applications. The leading case, which is currently in the courts is *Epic Games, Inc. v. Apple, Inc.* [23]. A popular vote in one state, Massachusetts, approved extending an existing "right to repair" to include access by independent repair shops to modifications of automobile software downloaded over the Internet [24].

In the future, the issues of conflicts between intellectual property rights and the right to compete in such widespread areas as mobile-phone applications and automobile repairs, will be come more and more important.

TRADEMARK

The twentieth century was marked by successful efforts to simplify the international trademark registration process and to broaden the protection afforded to trademark owners. The Madrid System has simplified and reduced the cost of registering trademarks in multiple countries [25]. The idea, first developed widely in the United States of protecting trademarks against "dilution" by the use of marks with respect to completely different types of services has been spread to the world by Paragraph 3 of Article 16 of the TRIPs agreements, which provides:

3. *Article 6bis of the Paris Convention (1967) shall apply, mutatis mutandis, to goods or services which are not similar to those in respect of which a trademark is registered, provided that use of that trademark in relation to those goods or services would indicate a connection between those goods or services and the owner of the registered trademark and provided that the interests of the owner of the registered trademark are likely to be damaged by such use.*

The combined result of these two developments has been a serious new problem for the twenty-first century, that of the increasing unavailability of "good" trademarks. A business that wishes to market a new product is likely to encounter problems in various countries, both of previously registered marks for identical or similar goods and of marks registered for quite different goods by large companies that can afford to litigation to protect their marks from so-called dilution. By the lack of "good" trademarks I mean the limited availability of trademarks, particularly word marks, that are short, memorable, and convey a positive feeling. A recent extraordinary thorough empirical study shows that such trademarks are becoming increasing less available, particularly for products to be marketed internationally [26]. This situation is a serious barrier to entry by new firms in a market dominated by older established businesses with easy-to-remember marks.

Two other areas of trademark law are likely to be of importance in the twenty-first century. The first involves the delineation of trademark protection from patent law. Trademarks, which if necessary formalities are observed, can last for ever, should not be available to protect useful features of products, which should be protectible only by patents, meaning that protection should require an inventive step and should be strictly limited in time. Drawing the line between trademark protection and patent protection is not easy. It has led to extensive litigation in the United States, for instance. There is as yet no internationally-accepted approach to this problem. Developing such an approach will be a challenge for the twenty-first century.

A second frontier is the line between trademark protection and freedom of speech. Should protection be denied to trademarks that offend some customers, or should trademark protection be granted to such marks, leaving the marketplace to decide if customers would be so offended that they would not buy the product. How free should critics and competitors be to make negative comments on products while referring to the trademark? Opinions differ on these issues, with the result that there may be a patchwork of different regulations in different countries.

OTHER AREAS RELATED TO INTELLECTUAL PROPERTY

Next I'd like to turn to some areas closely related to the main branches of intellectual property law. I do not think

it matters whether these areas are considered “intellectual property” or not. What matters is that many of the issues emerging in the twenty-first century with these areas raise the same questions as I have discussed with respect to intellectual property.

DOMAIN NAMES

Domain names have much in common with trademarks. In the recent “booking.com” case, the United States ruled that a domain name could function as a trademark [27]. Unfortunately, way that the domain name system has developed on the Internet has resulted in a violation of a basic principle of trademark law, because competition can only flourish if all competitors can use their products’ generic names. It is a universal principle of trademark law that no one can have trademark rights in the generic name of a product. No one can have a valid trademark in “beer,” “restaurants,” or “surgery.” However, on a first-come first-served basis, in the days of the “dot com” gold rush, astute speculators captured thousands of generic “dot com” domain names, such as “weather.com” and “hotels.com”. Indeed, the study I cited above that found that the supply of trademarks was largely exhausted also found that the supply of generic and geographic terms in the dot-com domain was largely exhausted [26]. Attempts to reform the domain system to eliminate this generic advantage have failed. ICANN, the organization that administers domain names, attempted to improve this situation by instituting a system of generic top level domain names [28]. Many of these domain names correspond to generic words, such as “beer,” “restaurant,” “surgery”. Some names, such as “beer” are open to all. Others, such as “archi” are limited to a particular type of business. Hundreds of new top-level domains have been created [29]. In 2013, even before the new system was launched, an article in the authoritative publication *The Guardian* correctly predicted that the new name system would fail [30]. The system has been a total failure. Businesses have found that they must have a dot-com name to succeed on the Internet. Thus the problem of monopolization of generic names remains. Because of vested interests, it is now too late to consider what could have been a solution, namely allowing all business in a particular area to share a generic dot-com name with links to their business site.

In some countries business make wide use of country specific top level domains, such as “.ru” for Russia. The question of exhaustion of generic names in such country level names is a ripe subject for empirical research. I note for instance that the well-known vodka, “Russkiy Standart” has cleverly obtained both “vodka.com” and “vodka.ru”. A Polish liquor company has not only captured the website “vodka.pl”, but is selling vodka with the trade-

mark “vodka.pl”. A more appropriate use of a liquor site is “cognac.fr”, which is owned by an association of grape growers, distillers, and marketers of the beverage bearing the famous appellation of origin.

RIGHT OF PUBLICITY

The right of publicity, i.e., the exclusive right of individuals to allow use of their name or identity for advertising purposes has been recognized for decades in the United States. This right serves as an important source of income for famous entertainers and athletes. In the United States, the right is recognized in most states by common law, statute or both. However, most other countries do not recognize this right directly, though many may protect the right indirectly by legislation restricting the use of people’s images [31].

Numerous questions concerning this right remain open for resolution in the twenty-first century. As a matter of economics, the right allows celebrities to maximize the income from their personas by avoiding both underutilization and overexposure. A natural rights theory suggests that each person should enjoy the benefits of their achievements, such as the extensive effort required to succeed at sports. But is making the rich richer an appropriate goal for the legal system? Should untalented but good-looking persons be given the chance to turn their appearance into money? Should persons with ordinary looks and no particular achievements have a right to publicity? Should the right to publicity pass by inheritance and if so, how long should it last? Should the right to publicity be alienable? Should creditors be able to attach the right of publicity? Should the right of publicity apply only to a person’s image or also to the person’s voice. Should a person have a remedy against the use of look-alike or sound-alike models? Should it apply to objects associated with particular persons, such as a famous driver’s well-known racing car?

In the United States, the right of publicity grew out of the right of privacy. The two rights are still related. Should a movie star be able to swim at a nudist beach without worrying about photographs being taken and sold by paparazzi? Should a teetotaling sports star be able to prevent his likeness from being used to sell whisky?

Finally, are the differences in views on these and other questions so fundamental that the right to publicity, in contrast to most branches of intellectual property, be left to local legislation and not made the subject of international unification, international treaties, and international enforcement efforts?

NON-FUNGIBLE TOKENS

The twenty-first century has already seen at least one new type of intellectual-property related right and certainly will

see more. A highly-debated new type of intellectual property is the “non-fungible token” (or “NFT”). These tokens are elements in a block-chain, most often in Ethereum. However, non-fungible tokens, although based on a link in a block-chain are not like the Ethereum or Bitcoin cryptocurrencies, which are fungible, in the sense that one unit of either is completely equivalent to another unit of the same cryptocurrency, just as a dollar coin is equivalent to any other dollar coin, or a ruble coin is equivalent to any other ruble coin.

The first “non-fungible token” appeared in 2014 [32]. Since then numerous NFT’s have appeared [33] Ethereum has defined official standards to ensure the uniqueness of NFT’s in its blockchain [34] NFT’s based on other blockchain systems are sure to follow. However, there are numerous outstanding legal issues [35].

There are many possible uses for NFT’s, as the Ethereum website advertises [36]:

NFTs are currently taking the digital art and collectibles world by storm. Digital artists are seeing their lives change thanks to huge sales to a new crypto-audience. And celebrities are joining in as they spot a new opportunity to connect with fans. But digital art is only one way to use NFTs. Really they can be used to represent ownership of any unique asset, like a deed for an item in the digital or physical realm.

But a major question remains with respect to NFT’s and other new forms of intellectual property that will be invented in the twenty-first century? Are they really a useful innovation or are they primarily a new way of defrauding the public. Such fraud has long been a problem in traditional forms of intellectual property, for instance vanity presses that promise authors fame and fortune from their copyrighted works, but which only end up charging exorbitant fees for insignificant results, or inventor assistance firms, which charge amateur inventors large fees for advice, but almost never end up creating valuable patents.

A comprehensive article warns of the numerous possibilities of fraud with NFT’s connected to digital art works [37]. Once a digital artwork is available on the Internet, either directly or through an NFT, anyone can make an unlimited number of identical copies and connect each copy to an NFT. There is no simple way for a buyer of an NFT of a digital art work to know how many NFT’s of the same work are available nor to know if the NFT was authorized by the artist. In a recent notorious case, a new organization sold newly-minted NFT’s for 2.7 million dollars and then disappeared with the customers money [38]. In another case a copyright owner forced a takedown of a sales platform that had sold millions of dollars worth of NFT’s [39].

RICH VERSUS POOR

In this article, I have discussed numerous existing and emerging problems in the intellectual property system.

As I have noted, there are possible, and sometimes easy solutions for these problems. I would like to close with what is the greatest problem facing intellectual property today. In the world economy, the richer countries tend to be producers and exporters of intellectual property and users and importers of raw materials, while the poorer countries tend to be producers and exporters of raw materials and importers of intellectual property. The imbalance has been partially rectified by the policies of the OPEC Plus Cartel, but in the long run the use of local renewable energy sources in the richer countries will restore the imbalance. The imbalance in intellectual property, on the other hand, is built into the system of intellectual property treaties in general and in particular in the WTO’s Trips agreement.

During the COVID pandemic the effect has been particularly evident. Rich countries, such as Japan and Canada have been able to pay for imported vaccines and achieve extremely high vaccination rates [40]. In contrast, the poorer countries of Africa have had extremely low vaccination rates [41]. World Health Organization statistics show a radical difference between the rich countries and the poor [42]. There is no doubt that the intellectual property system along with government support of basic science has worked wonderfully in encouraging the rapid invention of safe and effective vaccines and the development of effective medications to treat the disease. The difficult task remaining is to maintain these incentives for invention while finding a way to bring the inventions to all those susceptible to the disease.

REFERENCES

1. *Trade-Mark Cases*, 100 U.S. 82 (1879). — URL: <https://www.loc.gov/item/usrep100082/>
2. *The Federalist Papers*, No 43. — URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/fed43.asp
3. IFI Patent Claims, “IFI 250: Largest Global Patent Holders”. — URL: <https://www.ificlaims.com/rankings-global-assets-2020.htm>
4. *eBay Inc. v. MercExchange, L.L.C.* — URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/05pdf/05-130.pdf>
5. *Samsung Electronics Co. v. Apple Inc.* (2016). — URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/16pdf/15-777_7lho.pdf
6. Yann Ménière, JRC [Joint Research Centre of the European Commission] “Research and Policy Report; Fair, Reasonable and Non-Discriminatory (FRAND) Licensing Terms; Research Analysis of a Controversial Concept”. — URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC96258>
7. Communication From the Commission to the European Parliament, the Council and The European Economic

- and Social Committee: "Setting out the EU approach to Standard Essential Patents", COM/2017/0712 final. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2017:0712:FIN>
8. Georgia-Pacific Corp. v. United States Plywood Corp., 318 F. Supp. 1116 (S.D.N.Y. 1970). — URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/318/1116/1480989/>
  9. HTC Corporation; HTC America, Inc. v. Telefonaktiebolaget LM Ericsson; Ericsson, Inc. — URL: <https://www.ca5.uscourts.gov/opinions/pub/19/19-40566-CV0.pdf>
  10. The scale and impact of industrial espionage and theft of trade secrets through cyber. — URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4eae21b2-4547-11e9-a8ed-01aa75ed71a1/language-en>
  11. *Dara Kerr*. Ex-Uber engineer Levandowski ordered to pay Google \$179 million (2020). — URL: <https://www.cnet.com/news/ex-uber-self-driving-car-head-ordered-to-pay-google-179-million/>
  12. Department of Justice, U.S. Attorney's Office, Northern District of California, "Former Uber Executive Sentenced To 18 Months In Jail For Trade Secret Theft From Google: Defendant Stole Google's Confidential Information on Self-Driving Car Technology" (2020). — URL: <https://www.justice.gov/usao-ndca/pr/former-uber-executive-sentenced-18-months-jail-trade-secret-theft-google>
  13. *Arjun Kharpal*. Trump pardons Anthony Levandowski, the engineer who stole self-driving car secrets from Google. — URL: <https://www.cnbc.com/2021/01/20/anthony-levandowski-pardoned-after-stealing-trade-secrets-from-google.html>
  14. *Stewart v. Abend*, 495 U.S. 207 (1990). — URL: <https://www.loc.gov/item/usrep495207/>
  15. Digital Millennium Copyright Act. — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-105publ304/pdf/PLAW-105publ304.pdf>
  16. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC (Text with EEA relevance). — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj>
  17. United States Copyright Office Orphan Works and Mass Digitization: a Report of the Register of Copyrights, June 2015. — URL: <https://www.copyright.gov/orphan/reports/orphan-works2015.pdf>
  18. *Lawrence Lessig*. The Future of Ideas: The Fate of the Commons in a Connected World (2002). — URL: https://dlc.dlib.indiana.edu/dlc/bitstream/handle/10535/5710/lessig_FOI.pdf?sequence=1
  19. *Google LLC v. Oracle America, Inc.* — URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/20pdf/18-956_d18f.pdf
  20. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC (Text with EEA relevance). — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj>
  21. *Peter Maggs*. The Uncertain Legal Status of Free and Open Source Software in the United States // Axel Metzger ed., Free and Open Source Software (FOSS) and other Alternative License Models: A Comparative Analysis. *Ius Comparatum – Global Studies in Comparative Law*, Vol. 12, Springer International Publishing Switzerland, 2016. P. 477–493.
  22. U.S. Copyright Office, Library of Congress, Exemption to Prohibition on Circumvention of Copyright Protection Systems for Access Control Technologies. — URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/10/28/2021-23311/exemption-to-prohibition-on-circumvention-of-copyright-protection-systems-for-access-control>
  23. *Epic Games, Inc. v. Apple, Inc.*, United States District Court, Northern District of California, 2021. — URL: <https://cand.uscourts.gov/wp-content/uploads/cases-of-interest/epic-games-v-apple/Epic-v.-Apple-20-cv-05640-YGR-Dkt-812-Order.pdf>, <https://cand.uscourts.gov/wp-content/uploads/cases-of-interest/epic-games-v-apple/Epic-v.-Apple-20-cv-05640-YGR-Dkt-813-Injunction.pdf>, <https://cand.uscourts.gov/wp-content/uploads/cases-of-interest/epic-games-v-apple/Epic-v.-Apple-20-cv-05640-YGR-Dkt-814-Judgment.pdf>
  24. Electronic Freedom Foundation, *Asleep at the Wheel: Why Didn't Carmakers Prepare for Massachusetts' Right to Repair Law?* — URL: <https://www.eff.org/deeplinks/2020/11/asleep-wheel-why-didnt-carmakers-prepare-massachusetts-right-repair-law>
  25. World Intellectual Property Office, "Madrid, the international trademark system Madrid — The International Trademark System". — URL: <https://www.wipo.int/madrid/en/>
  26. *Barton Beebe & Jeanne C. Fromer*. Are We Running Out of Trademarks? An Empirical Study of Trademark Depletion and Congestion // *Harvard Law Review*. 2018. Vol. 131. p. 945. — URL: <https://harvardlawreview.org/wp-content/uploads/2018/02/945-1045.pdf>
  27. *United States Patent and Trademark Office v. Booking. Com B.V.*, June 30, 2020. — URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/19pdf/19-46_8n59.pdf

28. ICANN, "New Generic Top-Level Domains". — URL: <https://newgtlds.icann.org/en/about/program>
29. See the domain lists. — URL: <https://data.iana.org/TLD/tlds-alpha-by-domain.txt> and <https://www.iana.org/domains/root/db>
30. Why new top-level web domains are doomed to fail. — URL: <https://www.theguardian.com/media-network/media-network-blog/2013/feb/12/icanns-gtlds-internet-domain-name>
31. *Kateryna Moskalenko*. The right of publicity in the USA, the EU, and Ukraine // *International Comparative Jurisprudence*. 2015. Vol. 1, Issue 2, December, P. 113–120. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2351667415000104>
32. *Sarah Cascone*. Sotheby's Is Selling the First NFT Ever Minted — and Bidding Starts at \$ 100. // *Artnet news*, May 7, 2021. — URL: <https://news.artnet.com/market/sothebys-is-hosting-its-first-curated-nft-sale-featuring-the-very-first-nft-ever-minted-1966003>
33. *Anskika Bhalla*. A Beginner's Guide to Non-Fungible Tokens // *Blockchain Counsel, Insights & Resources*, 2021. — URL: <https://www.blockchain-council.org/blockchain/a-beginners-guide-to-non-fungible-tokens-nft/>; *Robyn Conti & John Schmidt*. What You Need To Know About Non-Fungible Tokens (NFTs) *Forbes Advisor*. — URL: <https://www.forbes.com/advisor/investing/nft-non-fungible-token/>
34. EIP-1155: Multi Token Standard. — URL: <https://eips.ethereum.org/EIPS/eip-1155>; EIP-721: Non-Fungible Token Standard. — URL: <https://eips.ethereum.org/EIPS/eip-721>
35. *Heather J. Meeker, Laurel Loomis Rimon, Eric Sibbitt & Braddock Stevenson*. O'Melveny & Myers Discusses the Legal Challenges of NFTs // *The CLS Blue Sky Blog*, April 14, 2021. — URL: <https://clsbluesky.law.columbia.edu/2021/04/14/omelveny-myers-discusses-the-legal-challenges-of-nfts/>
36. Non-fungible tokens (NFT). — URL: <https://ethereum.org/en/nft/#what-are-nfts>
37. Antstyle. Why NFTs are bad: the long version. — URL: <https://antstyle.medium.com/why-nfts-are-bad-the-long-version-2c16dae145e2>
38. *Ekin Genç*. Investors Spent Millions on 'Evolved Apes' NFTs. Then They Got Scammed. — URL: <https://www.vice.com/en/article/y3dyem/investors-spent-millions-on-evolved-apes-nfts-then-they-got-scammed>
39. *Ekin Genç*. Pepe the Frog's Creator Nuked a \$4 Million NFT Collection Over Copyright. — URL: <https://www.vice.com/en/article/akg8qk/pepe-the-frogs-creator-nuked-a-dollar4-million-nft-collection-over-copyright>
40. *Jiji Kyodo*. With over 70 % fully vaccinated, Japan ranks in top three among G7. — URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/10/26/national/japan-vaccine-rollout-top-three>
41. Number of administered coronavirus (COVID-19) vaccine doses per 100 people in Africa as of November 18, 2021, by country. — URL: <https://www.statista.com/statistics/1221298/covid-19-vaccination-rate-in-african-countries/>
42. WTO-IMF COVID-19 Vaccine Trade Tracker. — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/vaccine_trade_tracker_e.htm

Научная статья

УДК 347.77, 347.78

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14221>

Original article

«ВЫБОР АКТИВНОСТИ» В СЕТИ И ПРОИЗВОДСТВО ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ МЕЖДУ СВОБОДНОЙ СЛУЖБОЙ И БЕСПЛАТНОЙ РАБОТОЙ

THE “ACTIVITY OF CHOICE” ON THE WEB

AND THE PRODUCTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS:

THE MEDIA CONSUMPTION BETWEEN FREE SERVICE

AND UNPAID WORK

Микеланжело ПАСКАЛИ

Неаполитанский университет имени Федерико II. Департамент социальных наук, Неаполь, Италия, michelangelo.pascali@unina.it, <https://orcid.org/0000-0003-3490-1651>

Информация об авторе

Микеланжело Паскали — доцент социологии права, девиантности и социальных изменений, кандидат наук в области экономических отношений и трудового права, Неаполитанский университет им. Федерико II

Аннотация. Цель данной статьи — отражение некоторых последствий деятельности, обычно осуществляемой пользователями в интернете, на экономическом и правовом уровнях, их возможное оформление в действующем правовом поле.

Ключевые слова: интернет, просьюмер, бесплатная работа

Для цитирования: *Michelangelo Pascali. The “Activity of Choice” on the Web and the Production of Intellectual Property Rights: The Media Consumption Between Free Service and Unpaid Work // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). Vol. 40 (1). P. 70–72; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14221>*

• Michelangelo PASCALI

• University of Naples Federico II. Department of Social Sciences, Naples, Italy, michelangelo.pascali@unina.it, <https://orcid.org/0000-0003-3490-1651>

• Information about the author

• Michelangelo Pascali — Associate Professor of Sociology of Law, Deviance and Social Change, PhD in Economic Relations and Labor Law, University of Naples Federico II

• **Abstract.** The purpose of this article is to reflect on some of the consequences of the activities commonly carried out by users on the Internet on an economic and legal level, proposing their possible framing in the current legal frameworks.

• **Keywords:** *Internet, prosumer, unpaid work*

• **For citation:** *Michelangelo Pascali. The “Activity of Choice” on the Web and the Production of Intellectual Property Rights: The Media Consumption Between Free Service and Unpaid Work // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 70–72; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14221>*

The theme of this article is related to the reflection on the nature and effects of the activities that users commonly and daily carry out on the Internet.

The question before us is whether such “behaviors” can be considered within a system of value production, here also properly understood as generating wealth.

As an introduction, it must be said that if we consider the categories of tangible and intangible assets, it is certain that the activities carried out are of an intangible type. Could we, therefore, attract them into the sphere of immaterial labour, given that they have an economic relevance?

In fact, with regard to what is strictly operated, they usefully produce data and information both directly and indirectly. We refer here, with respect to the first case, to the personal entry of data in the form of the upload of images, writings, sounds and so on; compared to the second, we refer to the indication of tastes, preferences, locations on multiple levels, deriving from the same choices of interest made with respect to content already present on the Web (choose a service, listen to a message, looking for a product are themselves actions that give shape to our virtual image, indicative, at least in part, of our real one). Thus, the data so provided and, conversely, extracted in this way express the boundaries of our person and allow an extraction of identity, computerized [1].

All this produces a value, not only of use but also and above all of exchange, taking into consideration the preciousness of what is linked to these procedures, useful both for political and commercial purposes and for proper security policies, even in the different plots that each of them can practice.

If this is correct, we can define the user’s activity as productive work. It is no coincidence that the user, in the form of the consumer, has been defined as *prosumer*, at the same time consumer and producer of information content. It is, therefore, an activity properly of creation (of products), which also recalls the discourses on the “merchandise-audience”.

In general, *data mining* can be understood, according to some positions, as “bartering” an intended activity of (self-)exploitation with the offer of a free service [2], which hides the alienation of the product from its manufacturer [3]. Such activities can be productive in many ways and at the same time: productive, as we said previ-

ously, of wealth, as well as productive of social expressiveness (clearly, qualifications can diverge: there may be for the same act an economic productivity but not a social one and so on).

If we take into consideration the category of productive work as a reference, we can also get to the point, for these activities, at their approach to the category of reproductive work, intended as a reproduction of cultural values that are purely “generational”. This perspective, which brings us closer to a theoretical background proper to post-Fordist bio-capitalism, also brings us back to the considerations on “domestic” work. A proper scheme and very useful phenomenon in this sense, but misunderstood and hidden, precisely because it is apparently confined, formally in the free sphere of private life, to personal behaviors socially expected and compliant, but economically unpaid, despite their being essential to allow (socially) the maintenance of the dominant (and culturally hegemonic) economic system.

This brings a pure monetization of “free” time and a modification of the behaviors that are adopted there, for properly productive [4] purposes. However, it is not generally allowed to speak of work *status*, despite the presence of an activity that (indirectly or even directly) could justify it (although, as a bond of subordination, the link is more psychological and economic than purely labor-substantial).

If we then add here the manifestations of *gamification* [5] of computer action, for which even what objectively should not be pleasant can become pleasant, we see that the question also concerns the level of self-consciousness, that is, the consciousness of one’s own action. The work on the image accomplished on oneself in the computer world (perhaps exhibitionally) in view of an adequate interactive self-maintenance is certainly done for oneself, in relation to social dictates, but it is also extremely economically useful for the computer framework.

At this point, it is noted that the problem of framing the activities under consideration is relevant both on a political-economic level — even possibly in the context of a materialist critique of the digital economy — and on a proper legal level.

In relation to this last mentioned level, the traditional categories deriving from our civil law and the specific labor law ones can help us, at least initially.

Even before that, however, it must be said that, in order to refer to one of these areas, it is necessary to ask whether, in the context of the relationship between the user of the platforms in the so-called Web 2.0 and the platforms themselves, what is used by the user can be considered an apparently free or semi-free service or other.

Can there be some sort of collaborative co-creation, at least in part, legally recognizable? Is “collaborative consumption” a (more or less) collaborative production? If we consider it this way, we would have to evaluate the relationship in terms of sinallagmaticity, going to detect any mismatch between performance and counter-performance and, therefore, an imbalance of the relationship, theoretically amendable with the classic instruments of civil actions. If, on the other hand, we consider that the activity of the users as properly considered an unpaid work (in a context of extraction of a value surplus or even of a “toto-value” through an alienating speculation, namely, as alienation of the product of labor from the same worker-producer, thus going to reason in the course of a materialist criticism of the digital economy), the remedies of economic and formal recognition appear theoretically useful, although difficult to practice.

The questions that cannot fail to arise here are related to the sufficiency of the legal actions that can be individually proposed to correct contractual anomalies or to counter any alterations, speculations or dispossessions of value before a framework of global interest.

Even the collective expansion of these actions (in the form of *class actions* or industrial actions) does not really seem to resolve the issue completely.

Even overcoming these difficulties of framing and reconstruction within a classic legal framework (civil and labor law), rigidly focused on the idea of contractual “anomalies” of different types, with the risk of reducing the issue to hypothetical remedies that tend to be individual and not focusing on a necessary public intervention, there has been talk of a possible direct proposal, focused on a “digital social income” as [6] an element of resolution; not without problems, however, as noted with regard to a sort [7] of “contributory income on social bases”, it relates the “documedial” *surplus* with a new possible dimension of the work of the spirit of *homo sapiens*, also thanks to an income redistribution and a different use of the asymmetrically derived income. The proposal of digital social income, in fact, given that digital expressions are pure substantive expressions, and that existing computerized is only a sub-specification of actually existing (despite the possible practices discrepancies between the two levels of existence), ask substantial doubts, as well as concrete difficulties, preferring to speak of income redistribution policies that know how to enhance (even just recognizing the value produced) those work activities

increasingly different from the purely material ones of our previous *homo faber* and progressively further away from the sense of suffering and fatigue etymologically connected to work.

Therefore, in the face of the inadequacy that our traditional legal categories can express, we can only stress the importance of the phenomena noted also for the purpose of rethinking the political and economic paradigms of reference.

REFERENCES

1. *Amplius Zuboff S.* The Age of Surveillance Capitalism. The fight for a human future and the new frontier of power. N.Y.: Public Affairs, 2019. The trend outlined in the text would be, then, that of moving from the automation of the process of collecting and managing information on the human being to that of automating the human being himself.
2. *Fischer E., Fuchs C.* (a cura di). Reconsidering Value and Labour in the Digital Age. Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2015.
3. *Ciccarelli R., Forza Lavoro.* Il lato oscuro della rivoluzione digitale. Rome: DeriveApprodi, 2018; *Fumagalli A.* New form of exploitation in bio-cognitive capitalism. Towards life subsumption // *Giuliani A., Lucarelli S., Vercellone C.* (eds.). Cognitive capitalism, welfare and labour. The commonfare hypothesis. Abingdon, Routledge, 2019, P. 77 sqq.
4. *Crary J.* Late Capitalism and the Ends of Sleep. Lond.; N.Y.: Verso, 2014.
5. On the gamification as a neoliberal quest for rationalization and optimization see: *Woodcock J., Johnson M.R.* Gamification: What it is, and how to fight it // *The Sociological Review.* 2017. Vol. 66, No 3. P. 542 sqq.
6. *Casilli A.A.* Slaves of the click. Milan: Feltrinelli, 2020 [2019].
7. *Ferraris M.* Webfare e libertà, se il “consumo” produce valore: ecco come e perché ricompensarlo (2021). — URL: <https://www.agendadigitale.eu/cultura-digitale/webfare-e-liberta-se-il-consumo-produce-valore-ecco-come-e-perche-ricompensarlo/>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЕЩАНИЯ

CHALLENGES OF CIVIL PROTECTION OF THE RIGHTS OF BROADCASTING ORGANIZATIONS

Наталья Владимировна БУЗОВА

Российский государственный университет правосудия,
Москва, Россия,
nbuzova@yandex.ru,
<https://orcid.org.0000-0003-2268-0345>

Информация об авторе

Н.В. Бузова — ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук

Аннотация. Общественно полезный эффект от трансляций организаций вещания, направленных на распространение творческих объектов и информации представителям публики, вознаграждается признанием за данными организациями исключительных прав на результаты их интеллектуальной деятельности. Хотя не исключены и неправомерные ретрансляции радио- и телепередач в эфир или по кабелю, большинство нарушений исключительных прав организаций вещания в настоящее время совершается в информационно-телекоммуникационных сетях, включая интернет. Цель настоящей статьи — выявление проблемных аспектов при защите прав организаций вещания в судебном порядке.

В статье анализируются российское законодательство, касающееся деятельности организаций вещания, а также судебная практика по делам о нарушении исключительных прав организаций вещания. В случае нарушений исключительных прав организаций вещания в интернете организации вещания пользуются в том числе защитными механизмами, предусмотренными законодательством об информации, информационных технологиях и о защите информации, а также могут обратиться в Московский городской суд за применением в отношении неправомерно используемых объектов предварительных обеспечительных мер защиты авторского права и смежных прав.

- Однако вещание в интернете во всем мире остается с точки зрения права серой зоной, а правоотношения с участием организаций вещания требуют дополнительного правового регулирования. В российском законодательстве отсутствует однозначный ответ на вопрос, может ли ретрансляция сообщения передач в интернете рассматриваться как доведение до всеобщего сведения или такую ретрансляцию следует рассматривать как самостоятельный способ использования сообщений, не нашедший отражения в Гражданском кодексе Российской Федерации.

- **Ключевые слова:** авторское право, вещание, исключительное право, организации вещания, ретрансляция, смежные права

- **Для цитирования:** Бузова Н.В. Некоторые аспекты гражданско-правовой защиты прав организаций вещания // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 73–81;
• DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14222>

Natalia V. BUZOVA

Russian State University of Justice, Moscow, Russia,
nbuzova@yandex.ru,
<https://orcid.org.0000-0003-2268-0345>

Information about the author

N.V. Busova — leading researcher, Candidate of Legal Sciences

- **Abstract.** The socially useful effect of broadcasts by broadcasting organizations aimed at distributing creative objects and information to representatives of the public is rewarded by the recognition of exclusive rights to the results

of their intellectual activity by these organizations. Although illegal rebroadcasting of radio and television broadcasts on the air or by cable are not excluded, most violations of the exclusive rights of broadcasting organizations are currently committed in information and telecommunications networks, including the Internet. The purpose of this article is to identify problematic aspects in the protection of the rights of broadcasting organizations in court. The article analyzes the Russian legislation concerning the activities of broadcasting organizations, as well as judicial practice in cases of violation of the exclusive rights of broadcasting organizations. In case of violations of the exclusive rights of broadcasting organizations on the Internet, broadcasting organizations use, among other things, protective mechanisms provided for by the legislation on information, information technologies and information protection, and may also apply to the Moscow City Court for the application of preliminary interim measures of copyright and related rights protection against illegally used objects. However, broadcasting on the Internet around the world remains a gray area from the point of view of law, and legal relations with the participation of broadcasting organizations require additional legal regulation. There is no unambiguous answer in Russian legislation to the question whether the rebroadcasting on the Internet can be considered as making to the public, or such rebroadcasting should be considered as an independent way of using broadcasting that is not reflected in the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: copyright, broadcasting, exclusive rights, broadcasting organization, rebroadcasting, related rights

For citation: Buzova N.V. Challenges of civil protection of the rights of broadcasting organizations // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 73–81; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14222>

Информационная эра, в которую вступило современное общество, характеризуется не только повышением роли информации, созданием и активным внедрением во все сферы человеческой деятельности информационных технологий, интеллектуализацией производства, но и тем, что информация и знания становятся товаром и в отдельных случаях заменяют другие виды ресурсов. Информационные технологии, облегчая процесс производства, создают новый уровень отношений в обществе, что приводит к формированию глобального информационного пространства [1].

Продвижению информации в массы способствуют в том числе телевидение и радио. Теле- и радиовещание в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с изменениями) относится к способу распространения продукции средства массовой информации. Вещание позволяет распространять информацию на большие расстояния, далеко от первоначального источника. Общественно полезная деятельность организаций вещания поощряется государством, в том числе посредством предоставления им исключительных прав на результаты их интеллектуальной деятельности.

Техническая сложность процесса вещания не исключает фактов нарушения интеллектуальных прав организаций вещания на их сообщения радио- и телепередач. На протяжении последних десятилетий продолжают оставаться актуальными проблемы несанкционированного доступа к сигналу организаций вещания с использованием специального оборудования, несанкционированной ретрансляции сигнала, экстратерриториального доступа к телевидению и онлайн-пиратства [2]. При этом с распространением информационных сетей нарушения исключительных прав организаций вещания все чаще совершаются в цифровой среде.

В то же время правоприменительная практика, касающаяся защиты исключительных прав организаций вещания, по сравнению с авторскими правами и смежными правами исполнителей, изготовителей фонограмм носит ограниченный характер.

В процессе дискуссии на пленарной сессии «Право интеллектуальной собственности в контек-

сте массовых коммуникаций» XXX Международной конференции «Три десятилетия российского медийного законодательства: итоги и перспективы» (21–22 декабря 2021 г., Москва, НИУ ВШЭ) со-модератор И.А. Близнец (профессор, д.ю.н., декан факультета права Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова) отметил низкую заинтересованность организаций вещания в защите своих прав и законных интересов в судебном порядке. По его мнению, возможно, это объясняется тем, что в Российской Федерации организации вещания, в отличие от авторов, исполнителей и изготовителей фонограмм, не применяют для осуществления и защиты своих интеллектуальных прав институт управления смежными правами на коллективной основе.

Действительно, в России законодательно не предусмотрено обязательного коллективного управления смежными правами организаций вещания, хотя Гражданский кодекс Российской Федерации не запрещает создание организаций, управляющих смежными правами организаций вещания на коллективной основе. Правообладатели самостоятельно обращаются в судебные органы за защитой своих нарушенных прав на сообщение радио- и телепередач.

В Российской Федерации действует Национальная ассоциация телерадиовещателей (НАТ), которая представляет собой профессиональное некоммерческое объединение вещательных компаний, объединяющее более 600 федеральных и региональных компаний, организаций и учреждений [3]. Основными целями деятельности данной Ассоциации, обозначенными в ее уставе, являются защита прав, представление интересов своих членов в органах государственной власти и местного самоуправления, а также координация деятельности теле- и радиокomпаний по созданию и распространению телевизионных и радиoproграмм на территории России и иной деятельности, связанной с теле- и радиовещанием (п. 2.1 устава) [4]. Однако цели создания такой организации отличаются от целей Российского авторского общества и Всероссийской организации интеллектуальной собственности, поскольку последние призваны в основном осуществлять управление правами авторов, исполнителей и изготовителей фонограмм на коллективной основе (см., в частности, [5]).

С одной стороны, деятельность организаций вещания носит предпринимательский характер, и объединение таких лиц не должно быть направлено на создание монополии. С другой стороны, действующее законодательство, включая законы о связи, о средствах массовой информации, о лицензировании и другие, создает дополнительные требования, которые должны учитывать организации вещания

при осуществлении своей деятельности. Из-за конкурентных отношений между организациями вещания эти субъекты предпочитают самостоятельно вступать в правоотношения с третьими лицами и реализовывать свои интеллектуальные и иные права.

Представляется, незначительные показатели правоприменительной практики обусловлены тем, что в традиционной сфере (эфирное вещание, включая спутниковое и кабельное) вещательная деятельность в целом и ретрансляция в эфир, в частности, являются затратными. Вещательная деятельность организаций вещания относится к технически сложной, требующей специализированных технических знаний, экспертных оценок и соответственно более существенной доказательственной базы. Как отмечает Е.А. Дедова, «в силу специфики самой деятельности этих субъектов наиболее сложно определить, имело ли место нарушение соответствующих прав или нет» [6]. Кроме того, информационно-телекоммуникационные сети до сих пор остаются достаточно серой зоной, в которой при использовании результатов интеллектуальной деятельности существуют не в полной мере законодательно урегулированные аспекты.

В связи с технической сложностью вещательной деятельности в отдельных случаях трудно определить, относятся ли действия лиц к услугам связи или они направлены на использование результатов интеллектуальной деятельности: содействие ретрансляции по кабелю или в информационно-телекоммуникационных сетях либо доведение до всеобщего сведения сообщений передач (записей таких сообщений) или других результатов интеллектуальной деятельности.

Рассмотрим некоторые примеры из отечественной правоприменительной практики, касающиеся защиты исключительных прав организаций вещания.

Во многих странах получают распространение технические устройства, в том числе IPTV-приставки, позволяющие просматривать через интернет телевизионные передачи, и ряд организаций, являющихся операторами связи, предоставляют своим абонентам возможность просмотра телевизионных передач с использованием таких приставок.

В деле № А83-3492/2016 истцы указывали на то, что услуги ответчика позволяли его абонентам просматривать сообщения передач телеканалов, в частности «Детский мир/DetskiyMir», при помощи IPTV-приставки. В то же время ответчик настаивал на том, что он является провайдером хостинга и его деятельность ограничивается предоставлением телематических услуг (услуги по доступу к интернету). Понятие «телематические услуги» используется в российских нормативных правовых актах (например, в Правилах оказания телематических услуг связи,

утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2021 г. № 2607), но не раскрывается в них. Это понятие охватывает услуги связи, связанные с передачей данных, в том числе текста, аудио- и видеосообщений, через информационно-телекоммуникационные сети. Однако вопрос о том, во всех ли случаях деятельность лица, оказывающего телематические услуги, ограничивается предоставлением доступа к интернету, требует дополнительного исследования.

В результате рассмотрения дела в удовлетворении заявленных требований о взыскании компенсации за нарушение смежных прав путем предоставления конечному пользователю доступа к телеканалам было отказано.

Суд отказал в иске на том основании, что истцы не представили надлежащих доказательств, подтверждающих факт нарушения именно ответчиком их исключительных смежных прав на спорные телеканалы. В судебных решениях было отмечено непредставление достаточных доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что именно ответчик инициировал передачу (использование) спорных телеканалов без согласия истцов и выбирал получателя этих телеканалов, а также не подтверждена техническая возможность ответчика отслеживать принимаемый абонентом контент и предотвращать использование абонентом спорных телеканалов [7].

При рассмотрении вопроса о привлечении к ответственности провайдера (оператора связи) суды принимают во внимание правовую позицию Высшего арбитражного суда РФ, согласно которой следует учитывать степень вовлечения провайдера в процесс передачи, хранения и обработки информации, возможность контролировать и изменять ее содержание [8]. Такой подход нашел отражение в ряде определений Верховного Суда Российской Федерации (см., например, [9]).

В похожем деле, связанном с предоставлением ответчиком телематических услуг, суд, принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований, отметил, что в материалах дела также отсутствуют данные, свидетельствующие о том, что именно ответчиком или при его участии осуществлялась трансляция (не было подтверждения того, каким образом ответчик принимал телепередачи (вещание), с помощью какого оборудования осуществлял их (его) преобразование и с какого IP-адреса осуществлялась передача данных, принимаемых абонентом) [10].

Рассматривая указанные выше дела, суды проводили различие между телевизионным вещанием и предоставлением доступа к интернету. Следует согласиться, что действия ответчика не являлись вещательной деятельностью и он не транслировал сообще-

ния передач абоненту. Вместе с тем, если углубиться в описанную ситуацию, представляется, что не исследован вопрос, могла ли его деятельность рассматриваться как деятельность, направленная на доведение до всеобщего сведения сообщений передач организаций вещания.

В этой связи следует упомянуть о деле (Case C-527/15), которое было рассмотрено Европейским судом справедливости и касалось мультимедиа-плеера, который позволял предоставлять доступ к сайтам с размещенными на них объектами авторского права и смежных прав без разрешения правообладателей [11].

Возможно, в подобных ситуациях целесообразно учитывать экспертное мнение, касающееся технических характеристик и возможностей технических устройств, позволяющих осуществлять доступ к сообщениям телепередач. Имеет смысл исследовать функционал IPTV-приставок, уточнив, каким образом приставка позволяет просматривать телепередачи (например, осуществляется ли посредством этого устройства доступ к удаленному серверу), направляется ли ей запрос к каким-то определенным сайтам или иным информационным ресурсам, позволяет ли встроенное в нее программное обеспечение (программа для ЭВМ) самостоятельно отыскивать трансляции передач или записи передач либо объекты с открытым доступом или, наоборот, доступные только по подписке. Не исключено, что функциональные возможности приставки позволяют обходить технические средства защиты авторских и смежных прав и т.д. Эти вопросы адресованы скорее не суду, а в большей степени предназначены для научной дискуссии, но они показывают, что использование сообщений передач в интернете и предоставление доступа к ним требует дальнейших исследований.

Без технических знаний и проведения специальных экспертных исследований в отдельных случаях трудно доказать не только факт неправомерного использования в информационно-телекоммуникационных сетях, но и ретрансляцию по кабелю. Так, суд апелляционной инстанции, отменяя решение арбитражного суда и отказывая в удовлетворении иска, в своем постановлении отметил, что нотариус не указал в протоколе осмотра доказательств, на каком основании он сделал выводы о том, что к телевизору подключен антенный кабель, транслирующий каналы оператора ООО «Коммаст», являющегося ответчиком [12]. То есть, по мнению суда, надлежало установить фактический источник телевизионного сигнала. Без установления такого источника иные представленные документы, включая абонентский договор, заявку на подключение, не позволяют сделать однозначный вывод о том, что именно ответчик транслировал

спорные телеканалы [13]. Оставляя постановление суда апелляционной инстанции без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения, Суд по интеллектуальным правам посчитал, что судом апелляционной инстанции сделан обоснованный вывод о том, что из представленных истцами в материалы дела доказательств не усматривается факт нарушения их исключительных прав именно ответчиком [14].

В некоторых случаях организации вещания смешивают исключительное право на сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач с правом на освещение спортивного мероприятия. Право на освещение спортивного мероприятия посредством трансляции и иной технологии признается за организатором такого мероприятия в соответствии с п. 4 ст. 20 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [15] (с изменениями). Несмотря на то что право на освещение спортивных мероприятий носит исключительный характер, в Российской Федерации оно не относится к интеллектуальным правам организаций вещания, а следовательно, для его защиты не применяются положения части четвертой ГК РФ.

При обращении в арбитражный суд с иском заявлением, содержащим со ссылкой на положения части четвертой ГК РФ требование о взыскании за нарушение исключительных прав истца на трансляцию зимних Олимпийских игр 2018 г. на территории Российской Федерации по договору о предоставлении прав российским средствам информации, заключенным между Международным олимпийским комитетом и обществом «Т» [16], истцу было правомерно отказано. Кроме того, суды пришли к выводу, что программы общества «Медиа Спорт» (ответчик по делу) являются сообщениями и комментариями ведущих хода спортивных соревнований на основании открытых источников и не могут быть квалифицированы как «трансляции спортивного мероприятия» [17].

Однако, несмотря на то что споры о защите нарушенных смежных прав организаций вещания отнесены к компетенции арбитражных судов, рассмотрения в этих судах споров данной категории носят единичный характер. Вместе с тем обращение за защитой своих исключительных прав в арбитражный суд для организации вещания в Российской Федерации не является единственной возможностью пресечь правонарушение.

В случае неправомерного использования сообщения передачи в интернете организация вещания для защиты своих нарушенных исключительных прав может воспользоваться алгоритмом защиты, предусмотренным Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных тех-

нологиях и о защите информации» (с изменениями) [18], а также обратиться с заявлением о применении предварительных обеспечительных мер в Московский городской суд.

При анализе практики Московского городского суда, относящейся к защите авторских и смежных прав, нарушенных в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в интернете, в целом прослеживается заинтересованность организаций вещания пресечь неправомерное использование сообщений передач.

Во-первых, это может свидетельствовать о большем количестве нарушений прав организаций вещания именно в информационно-телекоммуникационных сетях. Во-вторых, обращаясь в Московский городской суд, организации вещания, как правило, требуют пресечения неправомерных действий по использованию в интернете. В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ такое требование может быть предъявлено не только лицам, совершающим неправомерное действие или осуществляющим необходимые приготовления к ним, но и иным лицам, которые могут пресечь такие действия или приготовления.

Поскольку зачастую установить лицо, которое неправомерно разместило записи сообщений передач или организовало к ним доступ, представляется затруднительным, правообладатели обращаются с требованиями к тем, кто может такой доступ заблокировать или удалить соответствующие записи (к информационным посредникам). Так, в судебном решении по делу № 3-1047/2019 по исковому заявлению ООО «Национальный спортивный телеканал» к ООО «ДДОС-ГВАРД» отмечается, что лица, осуществившие трансляцию отборочных матчей к Чемпионату Европы 2020 года по футболу на данном сайте, не установлены [19]. В данном и аналогичных случаях требование о пресечении неправомерного использования обращено к провайдеру хостинга.

При рассмотрении дел о неправомерном использовании сообщений в эфир или по кабелю передач организаций вещания Московский городской суд особое внимание обратил на то, обладает ли истец исключительными правами в отношении заявленных объектов и имеет ли место факт нарушения, а также на то, имеется ли у ответчика техническая возможность пресечения неправомерных действий. Анализ решений Московского городского суда показывает, что в ряде случаев в судебных решениях не уточняется, каким именно способом было нарушено исключительное право организации вещания: посредством ретрансляции в информационно-телекоммуникационной сети или посредством доведения до всеобщего сведения (см., например, [20]).

Так, в решении по делу № 3-1731/2021 отмечено: судом установлено, что в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на странице сайта <http://var15.ru/1.html> осуществлялось сообщение передач (телевизионное вещание) телеканала «Футбол 1», что подтверждается копиями (скриншотами) страниц сайтов, приобщенными к материалам гражданского дела, а также к материалу по заявлению о принятии предварительных обеспечительных мер (№ 2и-10334/2021) [21].

Суды руководствуются, в целом, положениями ст. 1330 ГК РФ, в силу которой организации эфирного или кабельного вещания принадлежит исключительное право использовать правомерно осуществляемое или осуществленное ею сообщение в эфир или по кабелю передач в соответствии со ст. 1229 ГК РФ любым не противоречащим закону способом (исключительное право на сообщение радио- или телепередачи), в том числе способами, указанными в п. 2 ст. 1330 ГК РФ.

В других судебных решениях конкретизируется, что речь идет именно о доведении до всеобщего сведения сообщений передач организаций вещания (см., например, [22]). Так, в решении по делу № 3-1313/2021 указано: из предоставленных суду доказательств усматривается, что на момент принятия предварительных обеспечительных мер осуществлялось доведение до всеобщего сведения сообщений трансляции «Чемпионат Европы по футболу 2020» на страницах сайтов информационно-телекоммуникационной сети Интернет [23].

Представляется, что квалификация способа использования не имеет принципиального значения, которое могло бы повлиять на результат рассмотрения дела в том случае, если истец требует только пресечь неправомерные действия, и неправомерное использование осуществляется в отношении тех сообщений передач, которые исходят непосредственно от истца, являющегося правообладателем (то есть истец является организацией вещания, осуществляющей сообщение в эфир или по кабелю передач на основании соответствующей лицензии на вещание), либо истцу предоставлено право использования сообщений в эфир или по кабелю передач на основании исключительной лицензии, распространяющей свое действие на все способы использования таких сообщений.

Можно сделать вывод, что судебная практика фактически признает ретрансляцию в интернете доведением до всеобщего сведения. Однако судебным органам следует уделять больше внимания способам неправомерного использования в информационно-телекоммуникационной сети, если истцу право использования предоставлено по лицензионному до-

говору, действие которого ограничено конкретными способами, например ретрансляцией в эфир или по кабелю.

В российском законодательстве, в том числе ни в ст. 1330, ни в других статьях ГК РФ, не упоминается ретрансляция в информационно-телекоммуникационных сетях. В законодательстве некоторых стран, например Германии, не проводится деления такого способа использования, как ретрансляция, в зависимости от среды, в которой осуществляется последующая передача (трансляция сигнала) [24].

При этом в ГК РФ (в подп. 4 п. 2 ст. 1330) понятие «ретрансляция» раскрывается как прием и одновременное сообщение в эфир (в том числе через спутник) или по кабелю полной и неизменной радио- или телепередачи или ее существенной части, сообщаемой в эфир или по кабелю организацией эфирного или кабельного вещания. То есть ретрансляция ограничивается только сообщениями передач в эфир и по кабелю. Указанная в подп. 4 п. 2 ст. 1330 ГК РФ формулировка не позволяет предположить, что ретрансляция в другой среде (например, в информационно-телекоммуникационных сетях) может рассматриваться как способ использования, не указанный в п. 2, но допускаемый п. 1 ст. 1330 ГК РФ как любой не противоречащий закону способ, которым может быть осуществлено сообщение радио- или телепередачи.

Стоит обратить внимание на мировые тенденции, в частности на практику Европейского суда справедливости. Он в 2013 г. принял решение по делу C-607/11, из которого следует, что ретрансляция в интернете может рассматриваться как доведение до всеобщего сведения (в терминологии ГК РФ) [25].

Суд посчитал, что, даже если такая ретрансляция осуществляется параллельно с сообщением в эфир или по кабелю и телезрители имеют потенциальную возможность смотреть телепередачу по телевизору, лицо, которое размещает (транслирует) передачи в интернете, должно осуществлять такое действие с согласия правообладателя.

Принимая такое решение, Европейский суд справедливости руководствовался положениями Директивы 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 мая 2001 г. о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе (далее — Директива 2001/29) [26]. Суд отметил, что, поскольку для создания доступа к произведениям посредством ретрансляции наземного телевизионного вещания через интернет используются специальные технические средства, отличные от тех, которые использовались в исходном сообщении, такая ретрансляция должна рассматриваться как «сообщение» по смыслу ст. 3 (1) Директивы 2001/29.

Следовательно, такая ретрансляция не может освобождаться от разрешения авторов ретранслируемых произведений, когда они доводятся до всеобщего сведения [27].

Несмотря на то что сложившаяся практика Московского городского суда в определенной степени позволяет организациям вещания пресекать неправомерные действия по доведению до всеобщего сведения сообщений радио- или телепередач, представляется, что приравнение ретрансляции в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в интернете, к доведению до всеобщего сведения в понимании ГК РФ, является определенным допущением.

В подп. 5 п. 2 ст. 1330 ГК РФ говорится о доведении сообщения радио- или телепередачи до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к сообщению радио- или телепередачи из любого места в любое время. Формулировка «из любого места и в любое время» заимствована, в частности, из положений ст. 11 и 14 Договора ВОИС об исполнениях и фонограммах (Женева, 20 декабря 1996 г.) и приемлема в большей степени для результатов интеллектуальной деятельности, имеющих статичную форму выражения [для фонограмм (ст. 14) и исполнений, записанных на фонограммы (ст. 11)].

Если провести аналогию с исполнениями, которые по своей сути, как и сообщения передач, являются динамичными результатами интеллектуальной деятельности, применительно к сообщениям передач речь должна идти об их записях. Зритель или слушатель может в любое время обратиться к определенной записи сообщения конкретной передачи по своему выбору. Однако если говорить не о записи, а о прямой трансляции, то определение времени трансляции оставлено за организацией вещания. При ретрансляции сообщений передач задержка во времени, как правило, минимальна. Соответственно любому лицу (представителю публики) проблематично получить доступ к таким сообщениям конкретных передач, транслируемым в так называемом прямом эфире в интернете или ретранслируемым в информационно-телекоммуникационных сетях во время, непосредственно им выбранное.

В этой связи на законодательном уровне требуется уточнение, распространяется ли такой способ использования, как доведение до всеобщего сведения, на прямые трансляции и ретрансляции сообщений передач в информационно-телекоммуникационных сетях.

Что же касается требования о возмещении убытков или выплате компенсации при сообщении передач, то оно может быть предъявлено лицу, неправомерно использующему результат интеллектуальной

деятельности (подп. 3 п. 1 и п. 3 ст. 1252), в данном случае — непосредственно нарушителю. Судебные дела, по которым правообладатель взыскивает в судебном порядке компенсацию за неправомерное использование сообщений передач, также не носят массового характера.

В деле № 3-28/2019 о защите исключительного права на сообщение в эфир телепередач телеканалов «Телеканал КХЛ» и «Телеканал КХЛ HD», осуществляемое на сайтах в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, ООО «КХЛ-Маркетинг» предъявило требование о выплате компенсации г-ну И., который являлся владельцем сайта <http://rushbet.ru>. В связи с пассивной позицией указанного ответчика требование о выплате компенсации было частично удовлетворено Московским городским судом [28]. С указанным решением согласился и Первый апелляционный суд общей юрисдикции [29].

В отличие от провайдеров хостинга к владельцам сайтов и иных информационных ресурсов предъявляются более строгие требования по отслеживанию правомерности деятельности третьих лиц, направленной на размещение материалов на их сайтах. Учитывается, что они могут иметь возможность не только удалять неправомерно размещенный материал, но и запрашивать дополнительную информацию, устанавливать ограничения по размещению материалов, редактировать и изменять такие материалы и т.д. Бремя доказывания факта размещения материала, являющегося результатом интеллектуальной деятельности или содержащего такой результат, третьим лицом, а не владельцем сайта лежит на последнем. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации при отсутствии таких доказательств презюмируется, что владелец сайта является лицом, непосредственно использующим соответствующие результаты интеллектуальной деятельности (п. 78 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Принимая решение и удовлетворяя частично требование о взыскании компенсации, суд также учел то обстоятельство, что на сайте, на котором доводились до всеобщего сведения сообщения передач, пользователям предоставлялись букмекерские услуги с извлечением прибыли.

Таким образом, как показывает анализ судебной практики, организации вещания в целом заинтересованы в защите своих нарушенных исключительных прав на сообщения передач, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях. Однако в отдельных случаях ввиду технологической сложности вещательной деятельности доказать факт нарушения

трудно. Информационно-телекоммуникационные сети открыли для правообладателей, включая организации вещания, дополнительные возможности для распространения контента и охвата большой аудитории по всему миру. Однако некоторые проблемные аспекты использования сообщений передач в интернете еще требуют дополнительного исследования и законодательного урегулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тулисова В. А. Трансформация средств массовой коммуникации: от традиционных средств массовой информации к New Media // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 2. С. 231.
2. Албегонов З.Х. Требование о пресечении действий, нарушающих права организаций эфирного и кабельного вещания или создающих угрозу нарушения, как один из гражданско-правовых способов защиты прав // Имущественные отношения в Российской Федерации 2010. № 11 (110). С. 20.
3. URL: <https://nat.ru/ob-assotsiatsii/nasha-deyatelnost/>
4. URL: <https://nat.ru/ob-assotsiatsii/ustav/>
5. Устав Общероссийской общественной организации «Российское авторское общество». — URL: https://rao.ru/newdocs/Ustav_2020.pdf
6. Дедова Е.А. Гражданско-правовая защита смежных прав организаций эфирного и кабельного вещания. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3.
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 января 2018 г. по делу № А83-3492/2016. <https://ras.arbitr.ru/>
8. Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2008 г. № 10962/08. — URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_edbd3254-a5c3-40b6-9f4f-3f9c35977eb1
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2016 г. № 305-ЭС16-2268 по делу № А40-118705/2013 // СПС «Консультант Плюс».
10. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 25 октября 2017 г. по делу № А83-3493/2016. — URL: <https://ras.arbitr.ru/>
11. Энтин В.Л. Интеллектуальная собственность в праве Европейского союза. М.: Статут, 2018. С. 63-64.
12. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27 декабря 2020 г. по делу № А56-6122/2020. — URL: <https://ras.arbitr.ru/>
13. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 апреля 2021 г. по делу № А56-6122/2020. — URL: <https://ras.arbitr.ru/>
14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 июля 2021 г. по делу № А56-6122/2020. — URL: <https://ras.arbitr.ru/>
15. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242.
16. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12 октября 2018 г. по делу № А40-87361/2018. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9910d32d-a808-4271-a3a0-d8324742514a/9e037778-b5f3-47b3-a9a7-fea571ca26b2/A40-87361-2018_20181012_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True
17. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2019 г. № 305-ЭС19-9679 // СПС «Консультант Плюс».
18. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108264&rdk=>
19. Решение Московского городского суда от 27 декабря 2019 г. по делу № 3-1047/2019. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
20. Решения Московского городского суда от 29 ноября 2021 г. по делу № 3-1662/2021, от 29 марта 2016 г. по делу № 3-481/2016. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
21. Решение Московского городского суда от 16 декабря 2021 г. по делу № 3-1731/2021. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
22. Решения Московского городского суда от 13 декабря 2021 г. по делу № 3-1776/2021, от 13 декабря 2021 г. по делу № 3-1777/2021, от 15 декабря 2021 г. по делу № 3-1756/2021. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
23. Решение Московского городского суда от 2 сентября 2021 г. по делу № 3-1313/2021. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
24. Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz, geändert durch das Gesetz vom 01. September 2017) (§ 87). — URL: <https://wipo.lex.wipo.int/en/text/462250>
25. Judgment of 7 Mar 2013, C-607/11 (ITV Broadcasting). — URL: <https://curia.europa.eu>
26. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001L0029>
27. Judgment of 7 Mar 2013, C-607/11 (ITV Broadcasting). — URL: <https://curia.europa.eu>
28. Решение Московского городского суда от 4 марта 2019 г. по делу № 3-281/2019. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
29. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от

25 марта 2020 г. по делу № 66-1249/2020. — URL: https://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=293003&delo_id=5&new=5&text_number=1

REFERENCES

1. *Tulisova V.A.* Transformaciya sredstv massovoy kommunikacii: ot tradicionny`x sredstv massovoy informacii k New Media // *Voprosy` teorii i praktiki zhurnalistiki.* 2017. T. 6, № 2. S. 231.
2. *Albegonov Z.X.* Trebovanie o presechenii dejstvii, naru-shayushhix prava organizacij e` firmogo i kabel`nogo veshhaniya ili sozdayushhix ugrozu narusheniya, kak odin iz grazhdansko-pravovy`x sposobov zashhity` prav // *Imushhestvenny`e otnosheniya v Rossijskoj Federacii* 2010. № 11 (110). S. 20.
3. URL: <https://nat.ru/ob-assotsiatsii/nasha-deyatelnost/>
4. URL: <https://nat.ru/ob-assotsiatsii/ustav/>
5. Ustav Obsherossiyskoy obshchestvennoy organizatsii "Rossiyskoe avtorskoe obshestvo". — URL: https://rao.ru/newdocs/Ustav_2020.pdf
6. *Dedova E.A.* Grazhdansko-pravovaya zashhita sme-zhny`x prav organizacij e` firmogo i kabel`nogo veshhaniya. Avtoreferat diss. ... kand. jurid. nauk. M. 2006. S. 3.
7. Postanovlenie Suda po intellektualnim pravam ot 25.01.2018 po delu No A83-3492/2016. — URL: <https://ras.arbitr.ru/>
8. Postanovlenie Visshego Arbitraznogo Suda RF ot 23.12.2008 No 10962/08. — URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_edbd3254-a5c3-40b6-9f4f-3f9c35977eb1
9. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 01.06.2016 No 305-ЭC16-2268 po delu No A40-118705/2013 // SPS "Konsultant Plus".
10. Postanovlenie 21st Arbitraznogo Apellyatsionnogo Suda RF ot 25.10.2017 po delu No A83-3493/2016. — URL: <https://ras.arbitr.ru/>
11. *Entin V.L.* Intellektualnaya sobstvennost' v prave ES. M.: Staut, 2018. S. 63-64.
12. Reshenie Arbitraznogo Suda RF SPb i Leningradskoy oblasti ot 27.12.2020 po delu No A56-6122/2020. — URL: <https://ras.arbitr.ru/>
13. Postanovlenie 13st Arbitraznogo Apellyatsionnogo Suda RF ot 01.04.2021 po delu No A56-6122/2020. — URL: <https://ras.arbitr.ru/>
14. Postanovlenie Suda po Intellektualnim pravam ot 02.07.2021 po delu No A56-6122/2020. — URL: <https://ras.arbitr.ru/>
15. Federalnyy zakon ot 04.12.2007 No 329-ФЗ "O fizicheskoy kulture i sporte v RF" // *Sobraniye zakonodatelstva RF.* 2007. No 50. St. 6242.
16. Reshenie Arbitraznogo Suda RF Moskvi ot 12.10.2018 po delu No A40-87361/2018. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9910d32d-a808-4271-a3a0-d8324742514a/9e037778-b5f3-47b3-a9a7-fea571ca26b2/A40-87361-2018_20181012_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True
17. Opredelenie VS RF ot 08.06.2019 No 305-ЭC19-9679 // SPS "Konsultant Plus".
18. Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108264&rdk=>
19. Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 27.12.2019 po delu No 3-1047/2019. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
20. Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 29.11.2021 po delu No 33-1662/2021, ot 29.03.2016 po delu No 3-481/2016. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
21. Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 16.12.2021 po delu No 3-1731/2021. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
22. Resheniya Moskovskogo gorodskogo suda ot 13.12.2021 po delu No 3-1776/2021, ot 13.12.2021 po delu No 3-1777/2021, ot 15.12.2021 po delu No 3-1756/2021. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
23. Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 02.09.2021 po delu No 3-1313/2021. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
24. Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz, geändert durch das Gesetz vom 01. September 2017) (§ 87). — URL: <https://wipo.lex.wipo.int/en/text/462250>
25. Judgment of 7 Mar 2013, C-607/11 (ITV Broadcasting). — URL: <https://curia.europa.eu>
26. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001L0029>
27. Judgment of 7 Mar 2013, C-607/11 (ITV Broadcasting). — URL: <https://curia.europa.eu>
28. Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 04.03.2019 po delu No 3-281/2019. — URL: <https://mos-gorsud.ru/>
29. Apellyatsionnoe opredelenie 1st Apellyatsionnogo suda obshey yurisdiksiy ot 25.03.2020 po delu No 66-1249/2020. — URL: https://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=293003&delo_id=5&new=5&text_number=1

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НОРМ ПРАВА

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ВЕБ-САЙТ:

ГРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

EXTENSION OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW TO THE WEBSITE:

THE LIMITS OF CREATIVITY

Ольга Владимировна ИСАЕВА

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
ol.v.isaeva@ya.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3957-0241>

Информация об авторе

О. В. Исаева — аспирантка

Аннотация. На сегодняшний день интернет-сайт является одним из самых популярных инструментов, используемых в профессиональной деятельности. Вместе с тем в научном сообществе все чаще высказываются мнения о необходимости признания веб-сайта специальным объектом интеллектуальной собственности или полноценного распространения на него одного из действующих режимов. Автор статьи предприняла попытку продемонстрировать существующие механизмы охраны творческой составляющей веб-сайтов.

Ключевые слова: интернет-сайт, составное произведение, произведение дизайна, дизайнерское решение, интерфейс сайта, визуальные элементы

Для цитирования: Исаева О.В. Распространение норм права интеллектуальной собственности на веб-сайт: границы творческой составляющей // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 82–89;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14223>

• Olga V. ISAEVA

• The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
• Moscow, Russia,
• ol.v.isaeva@ya.ru,
• <https://orcid.org/0000-0002-3957-0241>

• Information about the author

• O.V. Isaeva — postgraduate student

• **Abstract.** The website is currently one of the most popular tools used in professional practice. At the same time, more and more scientists believe it is necessary to consider the website as a special intellectual property or to extend in full one of the existing regimes to them. The author has attempted to demonstrate the existing mechanisms for the protection of the creative component of websites.

• **Keywords:** website, composite work, design, design solution, website interface, visual elements

• **For citation:** Isaeva O.V. Extension of intellectual property law to the website: the limits of creativity // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 82–89;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14223>

Как уже было отмечено в рамках предыдущих исследований, веб-сайт представляет собой особым образом структурированную информацию в виде совокупности связанных между собой веб-страниц и электронных файлов, объединенных одним доменным именем [1], и как таковой не подлежит правовой охране в качестве объекта интеллектуальной собственности. Вместе с тем составляющим сайта — компоновке контента, внешнему виду и дизайнерскому решению интерфейса или его визуальных элементов — действующее законодательство в случае соблюдения ряда условий предоставляет достаточную охрану, что, в свою очередь, позволяет обеспечить защиту прав авторов соответствующих элементов. Иными словами, указанным составляющим может быть предоставлена авторско-правовая (как составному произведению или произведению дизайна) или патентно-правовая (как промышленному образцу) охрана, и именно в рамках данных режимов лежат границы творческой составляющей веб-сайта.

КОМПОНОВКА КОНТЕНТА САЙТА КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

При рассмотрении правовой охраны составляющих веб-сайта в качестве объектов интеллектуальной собственности прежде всего следует подчеркнуть, что с внесением в 2014 г. изменений в п. 2 ст. 1260 ГК РФ законодательство прямо относит интернет-сайт к составным произведениям, приводя его в качестве примера наряду с иными составными произведениями. В данном контексте важно подчеркнуть, что в законопроекте № 47538-6 о внесении изменений в ГК РФ предлагалось законодательно закрепить дефиницию интернет-сайта, отражающую признаки сайта как составного произведения, определив, что интернет-сайтом является «представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов, систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть размещены в сети Интернет» [2]. Хотя данное определение не было включено в п. 2 ст. 1260 ГК РФ, видится возможным и правильным рассматривать именно компоновку контента сайта, а не интернет-сайт как таковой в качестве объекта авторского права — составного произведения.

Как отмечают современные исследователи, с теоретической точки зрения составные произведения можно отнести к группе зависимых (вторичных) произведений [3], поскольку они могут быть охарактеризованы как простая сумма исходных (первоначальных) произведений или их частей [4]. В связи с этим специфика правовой охраны составных произведений заключается в распространении авторского права составителя только на произведение в целом (и как следствие в его нераспространении на составные части) [5], что и является одним из ключевых отличий от правовой охраны, предоставляемой оригинальным (первичным) произведениям. Иными словами, если автору первичного произведения принадлежат права как на само произведение, так и на его части (п. 7 ст. 1259 ГК РФ), то составитель составного произведения приобретает права исключительно на составительство, подбор или расположение материалов (п. 2 ст. 1260 ГК РФ), тогда как права на составные элементы остаются за авторами соответствующих объектов.

Это означает, что в случае веб-сайта автору подбора и размещения контента предоставляются права на избранный им порядок подбора и компоновки объектов, но не на сами объекты, включенные в контент, т.е. на сайт как составное произведение.

Между тем такой подход разделяют не все юристы. Так, А.К. Быстров отмечает, что интернет-сайт является не только составным объектом по смыслу ст. 1260 ГК РФ, но также сложным объектом, как определено в ст. 1240 ГК РФ. Кроме того, в качестве авторов интернет-сайта как целого сложного объекта исследователь выделяет дизайнера/иллюстратора, программиста и редактора/копирайтера (в некоторых случаях), отмечая, что «указанные лица являются как авторами интернет-сайта в целом, так и авторами включенных в интернет-сайт произведений» [6]. М.В. Тарасов считает отнесение сайта к составным произведениям вовсе не соответствующим его сущности, поскольку, по мнению правоведа, «интернет-сайт является сложным объектом гражданских прав и представляет собой сочетание нескольких самостоятельных, но технически связанных друг с другом определенным образом в целостную структуру объектов интеллектуальных прав (программы для

ЭВМ и базы данных), наличие каждого из которых в ней необходимо для функционирования единого оригинального результата интеллектуальной деятельности» [7].

Подобные рассуждения о веб-сайте как о сложном объекте представляются несостоятельными по следующим причинам.

Прежде всего, как следует из формулировки ст. 1240 ГК РФ и подтверждается судебной практикой (см., например, [8]), к сложным объектам относятся кинофильмы, иные аудиовизуальные произведения, театрально-зрелищные представления, мультимедийные продукты и базы данных, причем данный перечень является закрытым.

В то же время, говоря о возможности охраны веб-сайта в качестве сложного объекта, исследователи нередко рассматривают сайт в качестве мультимедийного продукта за счет «интерактивного» характера веб-сайта (из рассмотрения исключаются более простые сайты, не отвечающие признаку интерактивности) [9] или проводят аналогию с базой данных на основании схожести закрепленных в законодательстве дефиниций данных объектов [10]. Вместе с тем нельзя не учитывать, что в упоминавшемся выше законопроекте № 47538-6 предлагалось скорректировать закрепленный в ст. 1240 ГК РФ перечень сложных объектов, добавив в него в том числе и интернет-сайт, однако данные изменения не были приняты, что свидетельствует не только о разграничении законодателем рассматриваемых объектов (мультимедийного продукта и сайта; базы данных и сайта), но также об отсутствии намерения распространять указанный режим на интернет-сайт.

Наконец при характеристике веб-сайта в качестве сложного объекта нередко упускается из виду то обстоятельство, что функционирование веб-сайта обеспечивается инструментарием CMS (Content Management System), а сам веб-сайт как нечто функционирующее существует до тех пор, пока его владелец оплачивает услуги хостинга и продлевает регистрацию используемого домена. Указанное означает, что недоступный для посетителей сайт не может считаться совокупностью многослойно расположенных неоднородных объектов, как его характеризуют некоторые исследователи [11] (а значит, не может считаться сложным объектом). Однако компоновка расположенных на его страницах элементов может быть изучена и в отсутствие действующего функционала. Иными словами, «сложность» веб-сайта связывается с его функционированием, тогда как составной характер обеспечивается выраженностью в объективной форме, что является одним из признаков произведения как объекта авторского права.

Некоторые правоведаы утверждают, что интернет-сайт как составное произведение является объектом авторских прав с момента его создания и выражения в объективной форме [12], однако для предоставления компоновке контента сайта авторско-правовой охраны необходимо соблюдение еще одного условия охраноспособности произведений: наличия творческого вклада составителя (ст. 1257 ГК РФ). Если выраженность в объективной форме в контексте веб-сайта не вызывает вопросов (подбор осуществлен, когда объекты размещены в определенном порядке), то творческий характер осуществленного подбора означает, что контент скомпонован составителем креативно, с применением новаторского подхода.

Из этого следует, что предоставление компоновке контента сайта авторско-правовой охраны не происходит по умолчанию или происходит не во всех случаях. Иными словами, если контент сайта скомпонован в алфавитном или хронологическом порядке или если, напротив, в порядок компоновки контента не заложена какая-либо логика, а расположение материалов хаотично, то веб-сайт с подобным размещением контента нельзя охарактеризовать как созданное творческим трудом произведение; следовательно, и составительство в указанных случаях охраняться авторским правом не будет.

В данном контексте также необходимо подчеркнуть, что в случае возникновения споров об использовании контента одного сайта при создании другого перед судом может быть поставлен вопрос о наличии переработки более раннего составного произведения. Вместе с тем с учетом «вторичного» характера как составных, так и производных произведений сайты, казалось бы, идентичного наполнения могут быть признаны созданными независимо друг от друга (независимо созданными составными произведениями), если «по подбору и расположению материалов представляют собой творчески самостоятельные результаты интеллектуальной деятельности» [13].

Отметим, что в рассматриваемых случаях речь идет о творческом характере деятельности по созданию произведения: закрепляя в ст. 1257 ГК РФ положение о том, что «автором произведения ... признается гражданин, творческим трудом которого оно создано», российский законодатель, по сути, предъявляет требования к самому процессу, но не к его результату. Данное обстоятельство признается и Верховным Судом РФ, который в своих разъяснениях указывает: «... само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права» [14].

В то же время, согласно общеевропейскому подходу¹, для получения авторско-правовой охраны веб-сайт должен быть оригинальным, причем условие оригинальности распространяется не только (и не столько) на компоновку составляющих сайт объектов, но и, в большей степени, на его внешний вид, художественно-эстетическую составляющую, которая рассматривается с позиции российского законодательства в следующем разделе данной статьи.

ВНЕШНИЙ ВИД САЙТА КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

С точки зрения охраноспособности составляющих веб-сайта интерес прежде всего представляет веб-дизайн как визуальная составляющая интернет-сайта. В онлайн-словаре С.И. Ожегова дизайн определяется как «конструирование вещей, машин, интерьеров, основанное на принципах сочетания удобства, экономичности и красоты» [15]. В этой связи производением дизайна принято считать выраженный в объективной форме результат такой деятельности.

Как отмечается в судебной практике, «по своему смыслу дизайн представляет собой вид художественной деятельности, проектирование промышленных изделий, товаров, объектов, обладающих определенными эстетическими свойствами. Дизайн сайта является составным понятием и включает в себя его графическое наполнение, использование на сайте определенных изображений, цветовую гамму сайта, размещение информации (как текстовой, так и графической) в определенном порядке и т.д.» [16]. В рамках настоящей статьи веб-дизайном считается «разновидность графического дизайна, который рассматривается в качестве творческой (художественно-проектной) деятельности, сегодня объединяющей в себе традиционные техники изобразительного искусства и высокие технологии, результатом которых становятся специфические объекты дизайна» [1].

¹ См. решение Европейского суда по делу *Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening* (No C-5/08, ECJ, 2009), в рамках которого суд пришел к выводу о том, что «авторское право по смыслу ст. 2(а) Директивы 2001/29 подлежит применению только в отношении объекта, который является оригинальным в том смысле, что является результатом самостоятельной интеллектуальной деятельности автора» (§ 37); а также Директиву Европейского парламента и Совета Европейского союза 2006/116/ЕС от 12 декабря 2006 г. о сроке действия охраны авторского права и некоторых смежных прав, в которой закреплено: «По смыслу Бернской конвенции фотографическое произведение должно считаться оригинальным, если оно является результатом интеллектуальной деятельности автора, отражающим его личность...» (преамбула, абз. 16).

Отметим, что авторско-правовая охрана может быть предоставлена внешнему виду сайта как произведению дизайна только «в целом», т.е. «общей картинке» доступных для пользователя страниц, без выделения значимых элементов или существенных/несущественных признаков. Это означает, что в рамках рассматриваемого режима не предоставляется самостоятельная охрана используемым в дизайне визуальным элементам — шрифтам и комбинациям цветов, панели навигации и расположенным на ней кнопкам, хотя некоторые из них могут быть объектами патентного права (такие случаи отдельно рассмотрены далее).

Немаловажным при рассмотрении дизайна веб-сайта как объекта авторского права является наличие ранее упоминавшихся критериев охраноспособности, к которым относятся творческий характер и выраженность в объективной форме.

Что касается творческого характера, если элементы структуры (кнопки, ссылки или даже отдельные страницы) и расположение текста носят чисто технический или информационный характер, то в признании дизайна созданному в результате творческого труда сайту может быть отказано (см., например, [17]). Вместе с тем более поздняя судебная практика говорит не только о необходимости творческого вклада автора для признания созданного им результата интеллектуальной деятельности объектом авторского права, но также об оригинальности, причем данное изменение направленности практики осуществляется Верховным Судом РФ.

Так, в своем Определении от 27 апреля 2021 г. № 5-КГ21-14-К2 по делу № 3-466/2019 Верховный Суд РФ отметил: «В силу общепринятого подхода объект, который удовлетворяет условию оригинальности, может получить авторско-правовую охрану, даже если его реализация была обусловлена техническими соображениями, при условии, что это не мешает автору отражать свою личность в этом объекте, осуществляя свою свободную волю, выбор; когда компоненты объекта характеризуются только своей технической функцией, критерий оригинальности не соблюдается». При этом под оригинальностью в заданном контексте понимается проявление автором своих творческих способностей таким образом, чтобы отразить собственную личность.

Позднее указанное определение вошло в Обзор судебной практики [18], в котором в целях разрешения вопроса об отнесении дизайна сайта к объектам авторского права Верховный Суд РФ обратил внимание на необходимость установления, является ли выраженная в объективной форме информация (дизайн сайта) результатом творческого труда либо относит-

ся к решению технических, программных средств, но прямо не сформулировал требование об оригинальности дизайна, упомянув критерий оригинальности в качестве обязательного лишь по тексту. Ожидается, что в ближайшее время практика по данному вопросу будет развиваться и, окончательно сформировавшись, вероятно, определит оригинальность в качестве дополнительного критерия охраноспособности всех произведений.

Вместе с тем в настоящее время именно страницы веб-сайта как произведения дизайна подлежат авторско-правовой охране при условии удовлетворения не только общим признакам охраноспособности авторских произведений, но также критерию оригинальности, который более характерен для объектов патентного права.

Как уже упоминалось, применительно к дизайну веб-сайтов российское законодательство в сфере интеллектуальной собственности предоставляет возможности правовой охраны не только *произведению дизайна*, но также *дизайнерскому решению*, в качестве которого могут выступать как страницы и интерфейс целиком², так и отдельные визуальные элементы интерфейса: используемый шрифт³, иконки или кнопки на панели навигации)⁴ и пр.

Иными словами, дизайн может получить правовую охрану в качестве объекта патентных прав в соответствии с положениями ст. 1352 ГК РФ, устанавливающей патентно-правовую охрану *промышленных образцов*. Согласно положениям указанной статьи, правовая охрана в качестве промышленного образца предоставляется решениям, являющимся по своим существенным признакам новыми и оригинальными, и не предоставляется, если все признаки решения обусловлены исключительно технической функцией изделия.

При этом под новизной понимается неизвестность совокупности существенных признаков, в отношении

которых испрашивается охрана, из общедоступных сведений до даты приоритета промышленного образца (п. 2 ст. 1352 ГК РФ), а под оригинальностью — обусловленность существенных признаков «творческим характером особенностей изделия» (п. 3 ст. 1352 ГК РФ). В контексте веб-сайта некоторые исследователи отмечают, что под условием оригинальности следует понимать творческий характер созданного дизайна [19].

Примечательно, что в обоих случаях содержание признака оригинальности для объектов патентного права раскрывается через творческий характер созданного результата, а не деятельности, в ходе которой такой результат создан (как закреплено для авторских произведений). Данное обстоятельство подтверждается положениями Руководства Роспатента по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации промышленного образца и выдаче патента на промышленный образец, его дубликата [20] (далее — Руководство).

Так, оценка творческого характера особенностей промышленного образца осуществляется в несколько этапов, которые включают в себя: сравнение общих впечатлений, производимых заявленным промышленным образцом и наиболее близким аналогом (п. 266 Руководства); соотнесение заявленного промышленного образца с простыми геометрическими фигурами (п. 289 Руководства); сравнительный анализ заявленного промышленного образца и наиболее близкого аналога по масштабу, колористическому решению и эстетическим особенностям решения внешнего вида изделия⁵ (п. 289 Руководства), а также сравнение эстетических особенностей заявленного промышленного образца, обусловленных его существенными отличительными признаками, и выявленных в общедоступных сведениях особенностей промышленных образцов, обусловленных признаками, совпадающими с отличительными признаками заявленного промышленного образца (п. 290 Руководства).

Иными словами, в целях государственной регистрации промышленного образца осуществляется всесторонняя оценка творческого характера заявленного решения внешнего вида, и в случае неудовлетворения одному из критериев охрана не предоставляется на основании отсутствия оригинальности.

² См., например: патент на промышленный образец № 123437 «НАБОР СТРАНИЦ ИНТЕРФЕЙСА САЙТА (изделие в целом)», патентообладатель — АО «Авиакомпания «Россия» (RU); патент на промышленный образец № 122269 «НАБОР СТРАНИЦ ИНТЕРФЕЙСА САЙТА», патентообладатель — ООО Управляющая компания «Региональные Объединенные Системы Водоканал» (RU); патент на промышленный образец № 118643 «НАБОР СТРАНИЦ ИНТЕРФЕЙСА ИНТЕРНЕТ-САЙТА», патентообладатель — ООО «НефтьГаз-Сервис Навигатор» (RU).

³ См., например: патенты на промышленные образцы № 86428 «ШРИФТ «ARTEMIUS TEXT REGULAR»» и № 88793 «ШРИФТ» патентообладателя ООО «Студия Артемия Лебедева» (RU) и шрифты, используемые на сайте www.artlebedev.ru (по состоянию на 20 января 2022 г.).

⁴ См., например: патент на промышленный образец № 106614 «ГРАФИЧЕСКИЙ ИНТЕРФЕЙС ЛЕВОГО НАВИГАЦИОННОГО МЕНЮ», патентообладатель ООО «АТЛАС» (RU).

⁵ На данном этапе осуществляется соотнесение заявленного промышленного образца с требованиями п. 75 (3) Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации промышленных образцов, и их форм (утв. приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 30.09.2015 № 695).

Дополнительно подчеркнем, что колористическое решение интерфейса сайта не обязательно должно относиться к существенным признакам промышленного образца, чтобы получить охрану. Используемое цветовое оформление сайта может быть основано на зарегистрированном в качестве товарного знака обозначении или комбинации цветов⁶, что дает достаточные основания для предоставления дополнительной (самостоятельной) защиты в том числе и цветовому оформлению сайта.

Как следует из работ зарубежных исследователей [21], похожие механизмы охраны применяются и в европейской практике: при определении нарушения прав на дизайн веб-сайта европейские суды опираются на сопоставление используемых в дизайне сочетаний цветов, шрифтов и выравниваний, расположения текстовых полей и выравнивания. При этом сравнению подлежат именно внешний вид сайта и используемые элементы, а не сайт как единый самостоятельный объект.

Резюмируя, можно заключить следующее: интернет-сайт по своей сути является нематериальным носителем различных объектов интеллектуальной собственности (произведений, промышленных образцов, товарных знаков и прочего), размещенных на его страницах, однако указанное не дает оснований считать веб-сайт самостоятельным объектом интеллектуальных прав. Как в случае напечатанных книг охраняются именно воплощенные в книге произведения (содержание книги — литературное произведение; размещенное на обложке изображение — произведение изобразительного искусства; порядок размещения статей, если книга является сборником, а не монографией или цельным художественным произведением, — составное произведение и т.д.) или иные объекты интеллектуальной собственности (товарный знак издательства или автора⁷ как средство

индивидуализации; обложка как промышленный образец; особый переплет как изобретение и т.д.), но не носители, являющиеся их материальным воплощением (книга как таковая), так и в случае воплощения любого объекта интеллектуальных прав в нематериальной (в том числе цифровой) форме предоставление самостоятельной охраны такому нематериальному объекту видится нецелесообразным.

Таким образом, творческая составляющая сайта заключается в его оригинальности и распространяется на контент (наполнение) и интерфейс (а также на отдельные элементы интерфейса) сайта при условии отражения личности автора в объектах, в отношении которых запрашивается охрана. Так, при условии оригинальности авторско-правовой охране подлежат компоновка и внешний вид, а патентно-правовая охрана может быть предоставлена отдельным элементам (страницам, иконкам, шрифтам) сайта (причем в данном случае оригинальность — условие патентоспособности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рожкова М.А., Исаева О.В. Понятие сайта (веб-сайта) для целей права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (июнь). С. 46–5. — URL: <http://ipcsmagazine.ru/legal-issues/the-concept-of-a-site-website-for-the-purposes-of-law>
2. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред., принятой в первом чтении 27.04.2012).
3. Матвеев А.Г. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства: учебное пособие. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. 444 с.
4. Штенников В.Н. Охрана части произведения // Юрист. 2016. № 18. С. 32–36.
5. Белкова Е.Г., Белкова Л.К. Авторские права на составное произведение // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Иркутск. 2019. С. 109–114.
6. Быстров А.К. Интернет-сайт и доменное имя как объекты гражданских прав в системе отношений по использованию сети интернет. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2016. 26 с.

⁶ См., например: товарный знак № 310048 (розовый) правообладателя Реккит Бенкайзер Н.В. (NL) и цветовое оформление сайта www.vanish.ru (по состоянию на 20 января 2022 г.); товарные знаки № 561631 (синий (Pantone 300CV)) и № 639382 (синий (PANTONE 300 CV), белый). правообладателя ПАО «Газпром» и цветовое оформление сайта www.gazprom.ru (по состоянию на 20 января 2022 г.); товарный знак № 696846 (зеленый (Pontone 361C), фиолетовый (Pontone 2603C)) правообладателя ПАО «МегаФон» и цветовое оформление сайта megafon.ru (по состоянию на 20 января 2021 г.).

⁷ В настоящее время право регистрации товарного знака предоставлено только юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям (ст. 1478 ГК РФ), однако в перспективе данное право также может быть предоставлено самозанятым лицам (см. Законопроект № 63528-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения круга правообладателей

товарных знаков)), что позволит и авторам без статуса индивидуального предпринимателя регистрировать и размещать на обложках собственных книг охраняемые как средство индивидуализации товарные знаки, а не просто логотипы.

7. Тарасов М.В. Субъекты и объекты гражданских правоотношений в информационно-коммуникационных сетях: проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... кандидат. юр. наук. М., 2015. 26 с.
8. Определение Верховного Суда РФ № 32-АПГ12-35 от 12 октября 2012 г. по делу № 3-180/2012
9. Котенко Е.С. Понятие и признаки мультимедийного продукта // Lex Russica. 2013. № 6. С. 601–615.
10. Калятин В.О. Право интеллектуальной собственности. Правовое регулирование баз данных: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019.
11. Басманова Е.С. О приобретении прав на интернет-сайты юридическим лицом // Журнал российского права. 2010. № 7 (163). С. 118–122.
12. Матвеева И.А. Интернет-сайт как составное произведение // Эпомен. 2021. № 56. С. 240–247.
13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.08.2021 по делу № А40-174238/2019.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010. — URL: <https://ozhegov.textologia.ru>
16. Определение Московского городского суда от 30.11.2018 г. по делу № 2и-2939/2018.
17. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.09.2014 по делу № А60–33580/2013.
18. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021).
19. Тетерина А.М. Проблемы защиты дизайна интернет-сайта // Наукосфера. 2019. № 6. С. 5–9. — DOI 10.5281/zenodo.3564447
20. Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации промышленного образца и выдаче патента на промышленный образец, его дубликата (утв. Приказом ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 11).
21. Gubby H., Klaus J., van Noortwijk K. Intellectual Property and the Protection of Apps in the European Union // European Journal of Law and Technology. 2020. Vol. 11 No 3.
- ipcmagazine.ru/legal-issues/the-concept-of-a-site-website-for-the-purposes-of-law
2. Proekt FZ No 47538-6 “O vnesenii izmeneniy v ch. 1–4 GK RF, a takze v otdel’nie zakonodatel’nie akti RF” (v red. 27.04.2012).
3. Matveev A.G. Intellektual’nye prava na proizvedeniya nauki, literatury i iskusstva: ucheb. posobie. Perm’: Perm. gos. nac. issled. un-t., 2015. 444 s.
4. Shtennikov V.N. Ohrana chasti proizvedeniya // Yurist. 2016. No 18. S. 32–36.
5. Belkova E.G., Belkova L.K. Avtorskie prava na sostavnoe proizvedenie // Problemy sovremennogo zakonodatel’sva Rossii i zarubezhnyh stran. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Irkutsk, 2019. S. 109–114.
6. Bystrov A.K. Internet-sajt i domennoe imya kak ob’ekty grazhdanskih prav v sisteme otnoshenij po ispol’zovaniyu seti internet. Avtoref. dis. ... kand. Yur. nauk. M., 2016. 26 s.
7. Tarasov M.V. Sub’ekty i ob’ekty grazhdanskih pravootnoshenij v informacionno-kommunikacionnyh setyah: problemy teorii i praktiki. Avtoref. dis. ... kand. Yur. nauk. M., 2015. 26 s.
8. Opredelenie VS RF No 32-АПГ12-35 от 12.10.2012 по делу No 3-180/2012.
9. Kotenko E.S. Ponyatie i priznaki mul’timedijnogo produkta // LEX RUSSICA. 2013. No 6. S. 601–615.
10. Kalyatin V.O. Pravo intellektual’noj sobstvennosti. Pravovoe regulirovanie baz dannyh: ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury. M.: Yurajt, 2019.
11. Basmanova E.S. O priobretenii prav na internet-sajty yuridicheskim licom // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. No 7 (163). S. 118–122.
12. Matveeva I.A. Internet-sajt kak sostavnoe proizvedenie // Epomen. 2021. No 56. S. 240–247.
13. Postanovlenie Suda po intellektual’nym pravam ot 16.08.2021 po delu No A40-174238/2019.
14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.04.2019 No 10 “O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa RF”.
15. Ozhegov S.I., Shvedova H.Yu. Tolkovyj slovar’ russkogo yazyka. M., 2010. — URL: <https://ozhegov.textologia.ru>
16. Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 30.11.2018 po delu No 2и-2939/2018.
17. Postanovlenie Suda po intellektual’nym pravam ot 09.09.2014 po delu No A60–33580/2013.
18. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda RF. 2021. No 3 (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 10.11.2021).
19. Teterina A.M. Problemy zashchity dizajna Internet-sajta // Naukosfera. 2019. No 6. S. 5–9. — DOI 10.5281/zenodo.3564447.

REFERENCES

1. Rozhkova M.A., Isaeva O.V. Ponyatie sajta (veb-sajta) dlya celej prava // Zhurnal Suda po intellektual’nym pravam. 2021. № 32 (iyun’). S. 46–54. — URL: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/the-concept-of-a-site-website-for-the-purposes-of-law>

20. Rukovodstvo po osushchestvleniyu administrativnyh procedur i dejstvij v ramkah predostavleniya gosudarstvennoj uslugi po gosudarstvennoj registracii promyshlennogo obrazca i vydache patenta na promyshlennyj obrazec, ego dublikata (utv. Prikazom FGBU FIPS ot 20.01.2020 No 11).
21. *Gubby H., Klaus J., van Noortwijk K.* Intellectual Property and the Protection of Apps in the European Union // *European Journal of Law and Technology*. 2020. Vol. 11 No 3.

ЦИФРОВЫЕ КВАЗИЮРИСДИКЦИИ: РЕЖИМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ¹

DIGITAL QUASI-JURISDICTIONS: INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS PROTECTION REGIME IN THE NETWORK²

Ольга Сергеевна КУЛАКОВА

Юридический институт Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых» (ВлГУ), Владимир, Россия, okulakova19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7711-0203>

Информация об авторе

О.С. Кулакова — преподаватель отделения среднего профессионального юридического образования Юридического института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых» (ВлГУ), магистрант 2-го курса Юридического института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых» (ВлГУ)

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы охраны интеллектуальной собственности в социальных сетях и на стриминговых платформах, а также поднимаются вопросы защиты интеллектуальных прав пользователей информационных ресурсов. Автор исследует потенциал диджитал-компаний как субъектов саморегулируемого цифрового пространства в снижении уровня нарушений интересов правообладателей результатов интеллектуальной деятельности, размещаемых в интернете. Цель данного исследования — поиск эффективного механизма регулирования, существующего внутри социальных сетей и стриминговых платформ, порядка рассмотрения обращений пользователей по поводу неправомерного

- использования интеллектуальной собственности третьими лицами. В этой связи автор анализирует действующее законодательство на предмет существования основы легальности и легитимности мер, принимаемых информационными площадками в качестве мер пресечения нарушений интересов правообладателей и наложения мер ответственности на лиц, осуществляющих неправомерные посяательства.

- В результате исследования автор приходит к выводу, что для надлежащего функционирования механизма рассмотрения администраторами информационных платформ обращений пользователей необходимо разработать специальные нормы, требующие от IT-компаний следования стандартам и принципам процессуального характера.

- **Ключевые слова:** интеллектуальные права, защита интеллектуальной собственности, внеюрисдикционные средства защиты, цифровое пространство, IT-компании, социальные сети, стриминговые платформы

- **Для цитирования:** Кулакова О.С. Цифровые квазиюрисдикции: режим защиты прав интеллектуальной собственности в Сети // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 90–99; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14224>

Olga S. KULAKOVA

- Law Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov” (VISU), Vladimir, Russia, okulakova19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7711-0203>

¹ Автор выражает благодарность своему бессменному научному руководителю Ирине Владимировне Погодиной, завкафедрой «Финансовое право и таможенная деятельность» Юридического института ВлГУ.

² The author expresses gratitude to her permanent scientific supervisor, Irina Vladimirovna Pogodina, Head of the Department of “Financial Law and Customs Activity” of the Law Institute of the VISU.

Механизмы пресечения неправомерных посягательств и привлечения виновных лиц к ответственности, закрепленные в действующем законодательстве, сложно назвать эффективными. Сфера оборота интеллектуальной собственности динамична, распространение информации в интернете происходит с высокой скоростью, любые нарушения интересов необходимо пресекать своевременно. Под своевременностью в данной ситуации нужно понимать момент первичного обнаружения неправомерных материалов любым субъектом: информационным посредником, правообладателем или третьим лицом.

Юрисдикционные процедуры (судебное разбирательство или рассмотрение жалобы в административном порядке) в силу нормативной формализованности являются длительными и ресурсозатратными. В случае посягательства на интеллектуальную собственность увеличение времени реакции может иметь решающее значение, лишить правообладателя существенного дохода или вовсе сделать результат творческой деятельности непригодным для будущей коммерциализации.

Прямое обращение к нарушителю как способ пресечения правонарушения в отношении интеллектуальной собственности также неэффективен. Выявить конкретного правонарушителя не всегда возможно [3]. При создании страницы в социальной сети лицо не обязано предоставлять персональные данные, позволяющие идентифицировать его [4]. Отсутствие процедуры верификации обуславливает существование анонимных аккаунтов, в связи с чем определить владельца таких страниц затруднительно даже для IT-специалистов.

Сложность защиты интересов правообладателей объектов, размещенных в социальных сетях, потенциально может возникнуть, если истец и ответчик находятся, проживают, осуществляют свою деятельность на территории разных государств. Таким образом, данные отношения осложняются вопросом определения юрисдикции.

С точки зрения ряда авторов, действующие коллизионные привязки по месту жительства и месту нахождения ответчика в современных условиях не являются эффективными в полной мере. Как справедливо отметила Л.В. Терентьева, установление судебного органа, компетентного в области разрешения споров между субъектами, потенциально находящимися под суверенитетом различных государств, вызывает реальный конфликт юрисдикций [5]. В данном контексте привлечение к ответственности нарушителя осложняется вопросом исполнимости решений, вынесенных судом.

Обращаем внимание на такой важный аспект, как реальная возможность лица, чьи права и интересы

были нарушены, обратиться за защитой. Рассмотрение споров, участниками которых являются субъекты, де-юре находящиеся под суверенитетом различных государств, может вызвать необходимость обращения в судебный орган, не находящийся на территории заявителя. Правообладателем спорного объекта может быть не успешная компания, а обычный гражданин, доходы которого напрямую зависят от коммерциализации создаваемых результатов интеллектуальной деятельности.

Подобная ситуация была рассмотрена по заявлению Фейяда де Шовена Франсуа Режи Диониса, сделавшего фотографии певицы Зары (З.П. Мгоян, выступившей в споре в качестве ответчика) по заказу журнала *Cosmopolitan* [6]. Как следует из материалов Петроградского районного суда Санкт-Петербурга, истец передал право на использование одного объекта журналу, при этом лицензионного договора с певицей не заключал. Спор возник в связи с тем, что ответчик использовала фотографические произведения, сделанные истцом, без его согласия на страницах Instagram, YouTube.

В спорах, в которых пострадавшей стороной выступает физическое лицо, возникает вопрос о вероятности и реальной возможности обращения такого субъекта за защитой нарушенных прав. В то же время международные стандарты и национальное законодательство закрепляют такой фундаментальный принцип права, как доступность правосудия [7, 8].

На различных международных и национальных площадках справедливо подчеркивается, что интернет — это саморегулируемое пространство [9, 10]. Субъекты, использующие его для осуществления коммерческой активности, стремятся создавать правила поведения сами для себя. Примером такого регулирования является Меморандум «О сотрудничестве в сфере охраны исключительных прав в эпоху развития цифровых технологий» (далее — Меморандум), впервые заключенный в России в 2018 г. [11].

Согласно данному соглашению, Ассоциацией по стимулированию оборота легального контента в сети «Интернет-видео» и рядом медиаорганизаций был создан Реестр сайтов, нарушающих интеллектуальные права в информационном пространстве. Меморандум направлен на блокировку и удаление страниц из поисковой выдачи операторов и владельцев интернет-ресурсов на основе заявления правообладателя после проведения процедуры проверки держателем Реестра — Роскомнадзором.

Такой механизм был создан в связи с тем, что для пользователей информационных ресурсов наиболее эффективной мерой воздействия является исключение из саморегулируемого сообщества, в отличие от

официальных средств принуждения в виде административных взысканий или компенсаций гражданско-правового характера. Поскольку для создания и продвижения аккаунтов требуются значительные временные и финансовые затраты, направленные на привлечение лояльной аудитории, для субъектов потери доступа к ним становится значительным риском.

В декабре 2021 г. договаривающиеся стороны приняли поправки к указанному Меморандуму, согласно которым злостное нарушение интеллектуальных прав будет основанием для удаления доменов сайтов, осуществляющих неправомерные действия. Однако для законного использования данных поправок необходимо легальное обоснование. Фундаментальной нормативной базой в данном случае являются положения законопроекта № 1193590-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» [12], без принятия которого действия по удалению доменов не будут считаться правомерными.

Механизм, создаваемый в рамках соглашения участников по данному Меморандуму, потенциально может быть эффективным для пресечения нарушений в отношении интеллектуальных прав в цифровом пространстве. Однако применимость данных мер в ситуациях неправомерного использования контента в социальных сетях вызывает сомнения.

Крупные организации, владеющие социальными сетями, не являются подписантами Меморандума, за исключением Группы компаний «ВКонтакте». Такие цифровые гиганты, как Meta Platforms, Google LLC, Twitter Inc., Telegram Inc., не принимают участия в данном соглашении, что не позволяет говорить о реализации положений механизма саморегулирования внутри данных социальных сетей даже на территории России.

В то же время по отношению к данным информационным ресурсам национальные законодательства ряда стран содержат требование о необходимости создания системы охраны интеллектуальных прав. Такое требование детерминировало установление механизма рассмотрения ситуаций, связанных с нарушением прав на данных платформах. При этом эффективность действий администраций ресурсов сегодня значительно увеличивается, как и их влияние на отношения и поведение пользователей.

Так, согласно открытым данным глобальной статистики компании Meta, на июнь 2021 г. пользователи Facebook подали более 147 тыс. заявлений в отношении нарушений авторских прав, из которых 84,44% стали основанием для удаления материалов; жалоб на неправомерное использование товарных знаков поступило 18,7 тыс., из них удовлетворены 69,19%;

обращений по поводу размещенной контрафактной продукции подано 9,71 тыс., по результатам их рассмотрения в 76,15% случаях было принято меры по удалению и блокировке.

В Instagram в отношении нарушения авторства на контент было подано 59,5 тыс. заявлений, удовлетворено из которых 88,41%, обращений на неправомерное использования средств индивидуализации — 27,3 тыс. (из них разрешено в пользу заявителей — 66,3%); поступило 6,78 тыс. жалоб на оборот контрафакта, из которых 92,03% администрация Meta признала обоснованными [13].

Инструментарий по автоматическому мониторингу ресурсов, уже сегодня доступный ИТ-компаниям, позволяет своевременно выявлять и пресекать нарушения интеллектуальных прав как по заявлению пользователя, так и алгоритмами безопасности. Компания Meta использует несколько видов технологий для анализа материалов, размещаемых пользователями в социальных сетях [14]. Rights Manager — алгоритм, идентифицирующий видеофайлы и онлайн-трансляции, размещаемые на Facebook и Instagram, на их соответствие авторским материалам. При этом правообладатели могут направлять доказательства принадлежности контента, загружая ссылки на созданные ими ранее объекты. Алгоритм осуществляет блокировку, препятствующую просмотру видео кем-либо, кроме загрузчика.

Отдельно Meta использует сторонний сервис Audible Magic, позволяющий отслеживать и скрывать от пользователей загруженные видеоматериалы, неправомерно использующие авторские аудиофайлы. Еще одним диджитал-инструментом является Brand Rights Protection, созданный для удаления контента, в котором неправомерно используется интеллектуальная собственность, в том числе при выявлении оборота контрафактной продукции и нарушении прав на средства индивидуализации. Данная технология компаниями-правообладателями используется для выявления фактов неправомерных посягательств и сообщений о них [14].

Таким образом, можно заметить, что непосредственно внутри социальных сетей пользователи имеют возможность получить защиту нарушенных интеллектуальных прав. При этом меры в данном случае являются оперативными и способными снизить убытки правообладателей результатов интеллектуальной собственности.

Думается, что на основе такого механизма рассмотрения случаев неправомерного использования контента можно создать единый порядок, отвечающий нормативным предписаниям. Обратимся к нормам действующего национального законодательства.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — ФЗ «Об информации»), владелец сайта должен предпринимать меры по предотвращению и пресечению противоправных действий пользователей.

Содержание ст. 10.6 ФЗ «Об информации» накладывает на держателя информационного ресурса ряд обязательств в целях снижения риска незаконного распространения материалов в высокоскоростном цифровом пространстве. В обязанности владельцев сайтов входят такие действия, как анализ информации, выявление случаев противоправного поведения пользователей, выражаемого в трансляции нелегального контента, сведений, порочащих участников оборота, незаконного копирования и присвоения чужой интеллектуальной собственности. При выявлении нарушения администрация платформы должна принять меры по блокировке или удалению материала; при злостном, повторяющемся посягательстве такие действия предпринимаются по отношению к пользовательскому аккаунту.

Схожие положения существуют и в других юрисдикциях. В странах Европейского союза действует специальный акт: Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета ЕС «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном перемещении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС» (Общие правила защиты персональных данных, General Data Protection Regulation, GDPR)». В США действует система актов, одним из которых является Закон о защите авторских прав в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act, DMCA). Его положения содержат порядок регулирования отношений в сети Интернет по поводу создания, использования и распространения цифровых объектов интеллектуальной собственности. DMCA закрепляет требования к администраторам сайтов по принятию мер защиты в отношении результатов творческого труда. Регулирование средств индивидуализации в США происходит на основе United States Trademark Law (Закона США о товарных знаках). Данный акт используется компанией Meta для создания внутренних правил Facebook, Instagram, WhatsApp.

Такое регулирование детерминирует установление определенного механизма сбора, обработки и рассмотрения обращений пользователей, поступающих из конкретной социальной сети, в отношении контента, неправомерно использующего результаты интеллектуальной деятельности. В этой связи подавляющее большинство диджитал-компаний формируют свои правила, включая в них положения о порядке

использования материалов, содержащих интеллектуальную собственность, устанавливая запрет на нарушение действующего в этой сфере законодательства.

Внутренние политики таких сайтов закрепляют меры пресекательного характера, позволяющие своевременно остановить неправомерные посягательства. В локальных актах содержатся и меры ответственности, применяемые к лицам, осуществляющим использование контента без получения согласия правообладателей. Как отмечалось ранее, наиболее эффективными способами защиты результатов интеллектуальной деятельности выступают блокировка, а также удаление контента или аккаунта. Маркетинг в социальных сетях требует значительных финансовых и временных затрат, что обуславливает значимость последствий в виде потери доступа к накопленной аудитории или снижения ее лояльности [15].

Законодательство Российской Федерации и практика его применения свидетельствуют о сравнительно невысоком потенциале средств государственного принуждения к исключению данного типа нарушений. Так, рассматривая положения ст. 1301 ГК РФ или ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, видим, что размер потенциальной компенсации в гражданско-правовом процессе назначается судом в рамках от 10 тыс. до 5 млн рублей; штраф в отношении гражданина за административное правонарушение — от 1,5 тыс. до 2 тыс. рублей, в отношении юридического лица — от 15 тыс. до 40 тыс. рублей. При этом на развитие успешного аккаунта, просмотры которого достигают более 50 тыс. в день, владельцам ежемесячно необходимо тратить более 100 тыс. рублей [16]. Думается, что разработанные саморегулируемым сообществом меры содержат в себе значительную силу с точки зрения воздействия на отношения субъектов в информационном пространстве.

В контексте защиты результатов интеллектуальной деятельности в Сети создание единого легального механизма реагирования на неправомерные действия видится перспективным. Существующие юрисдикционные способы пресечения нарушений и привлечения виновных лиц к ответственности сопряжены с рядом проблем. Формирование на базе социальной сети порядка охраны интеллектуальных прав и процедуры рассмотрения споров уже сегодня выглядит возможным.

Так, обращаясь к Правилам пользования сайтом «ВКонтакте» [17], можно заметить, что содержание положений данного акта следует отечественному законодательству. «ВКонтакте», Meta Inc., Twitter законодательно закрепляют порядок использования интеллектуальных прав, указывая правомочия создателей, лиц, впервые опубликовавших контент, пользователей,

транслирующих такие объекты. Также они оговаривают, в каком случае владелец социальной сети получает права на обрабатываемые его ресурсами материалы. Так, п. 7.1.3 Правил пользования сайтом «ВКонтакте» указывает на то, что пользователь одновременно с публикацией контента передает право на его использование другими участниками на основании простой неисключительной лицензии [17]. Подобные положения отражены в Пользовательских соглашениях Facebook [18] и в Условиях использования Instagram [19].

В то же время данные ресурсы закрепляют требования о недопустимости использования интеллектуальной собственности способами, нарушающими интересы правообладателей. При этом они информируют субъектов о порядке подачи жалобы на материалы и аккаунты, осуществляющие неправомерное обращение с такими объектами.

Российское законодательство в п. 2 ч. 1 ст. 10.6 ФЗ «Об информации» отражает требование к социальным сетям по поводу содержания правил использования их ресурсов. Согласно данной норме, такие информационные площадки, обрабатывающие данные граждан и находящиеся на территории РФ, должны закреплять права и обязанности участников и владельца сайта, порядок распространения информации, ее мониторинга администрацией, а также процедуру обращения пользователей с заявлениями и жалобами. Большинство таких диджитал-компаний сегодня следуют требованиям, предъявляемым к ним в российской юрисдикции. Действительно, анализ пользовательских соглашений крупнейших социальных сетей позволил выявить наличие указанных пунктов в политиках (условиях, правилах) использования сайтов. Исключением в данном случае является социальная сеть Telegram, политика которой закрепляет принцип невмешательства в частную жизнь пользователей, что отражается на содержании пользовательского соглашения [20].

Правила «ВКонтакте», Facebook, Instagram, Twitter, с одной стороны, содержат в себе необходимые пункты. С другой стороны, отсутствие легального стандарта приводит к тому, что владельцы данных информационных платформ не в полной мере объясняют пользователям необходимые аспекты. Требования об отражении процедуры рассмотрения жалоб наиболее доступно изложены компанией «ВКонтакте» и меньше всего учтены Meta.

В то же время, согласно п. 7 ч. 2 ст. 10.6 ФЗ «Об информации», социальные сети должны предоставлять ежегодный отчет о результатах рассмотрения обращений пользователей в соответствии с формой, утвержденной Приказом Роскомнадзора от 02.04.2021 № 47 (далее — Приказ Роскомнадзора № 47). Указанный

акт не требует раскрытия информации о частных результатах рассмотрения жалоб, подаваемых пользователями в контексте защиты нарушаемых интеллектуальных прав. Согласно Приказу Роскомнадзора № 47, устанавливаются только правила формирования консолидированных отчетов, не отражающих сущности споров. В этой связи данные информационные платформы оставляют за собой право не раскрывать содержание споров как участникам, так и третьим лицам.

Однако можно говорить о том, что, выступая «властным» субъектом в рассмотрении обращений и жалоб пользователей, администрация социальной сети применяет доступную ей силу принуждения. В результате внутреннего разбирательства конфликтующие стороны получают решение, которое приводится в исполнение непосредственно работниками компании, действующими от ее лица.

Такое властное воздействие со стороны социальной сети условно можно сравнить с властью третейского суда (международного арбитража). Как и в данном виде разрешения споров, заявитель (правообладатель интеллектуальной собственности или его законный представитель) имеет право подать жалобу на неправомерные посягательства в отношении принадлежащего ему средства индивидуализации или объекта авторского права [21]. Администрация сайта проверяет факт на предмет реальности посягательства. В случае выявления нарушения лицу, использующему чужую интеллектуальную собственность, выдвигается требование об исправлении нарушения либо полностью блокируется его учетная запись.

Очевидно, что в данной ситуации, основываясь на заключенном с ресурсом пользовательском соглашении, субъекты передают ему полномочия на проведение процедур рассмотрения споров, соглашаясь на силу принимаемых решений, и обязуются их исполнять. В то же время говорить о легитимности результатов рассмотрения обращений на сегодняшний день было бы несправедливо. Если мы рассматриваем данные процедуры по аналогии с разбирательством в третейском суде (международном арбитраже), то важно экстраполировать не только особенность надделения властью субъекта, уполномоченного на разрешение спора, но и основные правила и принципы [22, 23]. С точки зрения автора, в этой связи важно создать условия для открытого, гласного разбирательства, позволяющего сторонам спора активно участвовать в его рассмотрении.

Для формирования правомерного механизма рассмотрения споров в отношении результатов интеллектуальной деятельности непосредственно администрациями ресурсов важно разработать ряд нормативных положений. Требуется создать исходя-

щее от государства правовое регулирование, которое установит основные правила, принципы и стандарты рассмотрения обращений пользователей для защиты нарушенных прав в социальных сетях (на стриминговых платформах). Думается, что в основу данного типа разбирательства могут быть положены положения Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 1958 г. и Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 7 июля 1993 г. № 5338-1.

В то же время необходимо закрепить значимость гласности результатов рассмотрения споров. При этом полномочия представителей платформ как лиц, осуществляющих разрешение вопросов, связанных с нарушением интеллектуальных прав, ограничиваются применением мер по блокировке и удалению материалов или аккаунтов, а также побуждением к публичному извинению и признанию права нарушителем. То есть в контексте данного разбирательства не должен возникать вопрос о присуждении компенсаций, выплате убытков или назначении иной меры ответственности в целях защиты и восстановления нарушенных прав.

Придание данному механизму легального характера и стимулирование его исполнения владельцами информационных ресурсов можно осуществить на основе развития Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации» от 01.07.2021 № 236-ФЗ (далее — ФЗ «О “приземлении”»). Важно создавать предписания, требующие от IT-компаний внедрения практики рассмотрения обращений пользователей в соответствии с процессуальными нормами национального и международного законодательства. При этом необходимо разработать правила ведения отчетности, раскрывающей основания принятых решений в отношении разрешенных конфликтов.

В то же время недостаточно сформировать правовые предписания, понуждающие IT-компании формально следовать законодательству. Думается, что важно создавать также и средства стимулирования для владельцев данных сайтов, реализовывать такие нормы эффективно. Учитывая, что ФЗ «О “приземлении”» может выступать основой для разработки налогообложения иностранных организаций, ведущих активность в киберпространстве, было бы приемлемо говорить о создании специального режима для таких субъектов.

Видится перспективным разработать специальный режим налогообложения для диджитал-компаний, предоставляя преимущества организациям в случае, если они выполняют не только условия, уже

существующие в действующем законодательстве, но эффективно реализуют меры по рассмотрению обращений правообладателей результатов интеллектуальной деятельности. Заметим, что уже сегодня в глобальном пространстве отражается тренд заинтересованности таких организаций в защите интеллектуальной собственности. Так, весной 2021 г. компания Facebook Inc. выступила в поддержку Gucci America в судебном споре с Natalia Kokhtenko, осуществляющей реализацию контрафактной продукции на странице Instagram. Из материалов искового заявления, поданного в Окружной суд США по Северному округу штата Калифорния, следует, что диджитал-компания не заявляет материальных требований, выступая исключительно в поддержку интересов правообладателя [24].

Таким образом, можно сделать вывод, что защита интеллектуальной собственности становится важной задачей не только государственных, но и частных субъектов. Поиск баланса интересов в этой сфере приводит к тому, что глобальные IT-компании включаются в процесс охраны интеллектуальных прав. Правовые нормы, регулирующие функционирование социальных сетей и стриминговых платформ, требуют от последних осуществлять действия по защите интересов правообладателей интеллектуальных прав. В то же время нельзя сказать, что данный механизм функционирует эффективно. Отраженные в ФЗ «Об информации» правила не закрепляют обязательного установления открытой процедуры рассмотрения нарушений, а также раскрытия оснований принятия решений в отношении блокируемых и удаляемых материалов и аккаунтов. С точки зрения автора, обоснованность результатов вызывает сомнение.

Конфликтующие стороны не имеют возможности полноценно участвовать в процедуре разрешения спора, обосновывая свои позиции и своевременно предоставляя надлежащие доказательства в целях защиты прав. Более того, в связи с отсутствием нормативного регулирования категория «надлежащее доказательство» в контексте данного механизма защиты интеллектуальных прав также не является установленной стандартизированной категорией. Допущенная законом свобода формулирования правил осуществления данного типа процедур внутри IT-компаний не позволяет создать универсального легитимного порядка защиты интересов правообладателей, закрепить права и обязанности сторон, в том числе не позволяет администрации сайта установить конкретное лицо, уполномоченное на разрешение спора. Все это создает проблемы для существующего механизма. Это позволяет говорить о том, что с точки зрения права данный порядок на сегодняшний день не рассматривается

в качестве надлежащего способа защиты интеллектуальных прав, носит декларативный характер.

В то же время потенциал социальных сетей и стриминговых платформ как ресурсов внеюрисдикционного рассмотрения нарушений и способов пресечения неправомерных посягательств высок. За счет оперативности реагирования администрациями ресурсов на обращения пользователей, а также в связи с использованием ИТ-компаниями программных аналитических алгоритмов интересы правообладателей могут защищаться оперативно. Как уже говорилось ранее, в интернете скорость распространения информации выступает значительным барьером, снижающим эффективность пресечения нарушений силами государственного принуждения.

Формирование фундаментального нормативного регулирования функционирования таких квазиюрисдикций, существующих в глобальном диджитал-пространстве, с точки зрения автора, позволит снизить уровень неправомерных посягательств на объекты интеллектуальных прав, а также уменьшить нагрузку на административные и судебные органы власти.

Для достижения поставленной цели необходимо создать механизм стимулирования ИТ-компаний к следованию нормам российского законодательства. Видится разумным на основе ФЗ «Об информации» и ФЗ «О «приземлении»» разработать специальный налоговый режим, в рамках которого организации, надлежащим образом исполняющие нормы права, осуществляющие открытое и правомерное разрешение споров в отношении интеллектуальной собственности, могли бы получать снижение налогового бремени. Думается, что стимулирование ИТ-компаний в этом направлении позволит достичь наилучших результатов в борьбе с нарушениями интеллектуальных прав, снизив уровень неправомерного использования авторских материалов и средств индивидуализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Олатойе М.Э. Информационные продукты и информационные услуги в современном обществе // Вестник МГУКИ. 2009. № 5. С. 196–201.
2. Дейнеко А.Г. О возможности экономико-правового подхода к решению проблемы «цифрового пиратства» в условиях цифровой экономики // Хозяйство и право. 2019. № 12 (515). С. 115–122.
3. Попов Д.Г., Фокина В.В. О коммуникативном пространстве смыслов и фейков // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. № 2. С. 137–145.
4. Белоконев С.Ю., Хоконов А.А. Онтологический статус социальных сетей в современной публичной политике // Власть. 2021. № 2. С. 22–28.
5. Терентьева Л.В. Установление судебной юрисдикции по спорам в киберпространстве на примере США // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 236–261.
6. Решение Петроградского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 2-636/2020, 2-636/2020-М-883/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-636/2020 // Официальный сайт — Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular> (дата обращения: 16.12.2021).
7. Семенов В.М. Демократические основы гражданского судопроизводства в законодательстве и судебной практике. Свердловск: УрГУ, 1979. С. 59–65.
8. Ефремова Н.Н. Процессуальные средства обеспечения доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (в контексте международно-правовых стандартов). Дисс. ... канд. юр. наук. Саратов, 2005. 220 с.
9. Gibbons L.J. No Regulation, Government Regulation, or Self-Regulation: Social Enforcement or Social Contracting for Governance in Cyberspace // Cornell Journal of Law and Public Policy. 1997. Vol. 6. Issue 3. — URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/cjlp/vol6/iss3/1>, дата обращения: 26.12.2016.
10. Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation // Virginia Journal of International Law. 2002–2003. Vol. 43. P. 605–673.
11. Меморандум «О сотрудничестве в сфере охраны исключительных прав в эпоху развития цифровых технологий» // Официальный сайт Роскомнадзор [Электронный ресурс]. — URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news62760.htm>, дата обращения: 27.12.2021.
12. Законопроект № 1193590-7 о внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части уточнения внесудебных мер по прекращению нарушения авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет) // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1193590-7>, дата обращения: 27.12.2021.
13. Notice and takedown // Официальный сайт Meta. [Электронный ресурс]. — URL: <https://transparency.fb.com/data/intellectual-property/notice-and-takedown/>, дата обращения: 27.12.2021.
14. How we approach proactive IP enforcement // Официальный сайт Meta [Электронный ресурс]. — URL: <https://transparency.fb.com/data/intellectual->

- property/notice-and-takedown/, дата обращения: 27.12.2021.
15. Вицелярова К.Н., Захарова Ю.Н. Социальные сети и их значение в интернет-маркетинге // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 5 (37). С. 52–55.
  16. Куликова Е.С. Контент как один из инструментов цифрового маркетинга // Московский экономический журнал. 2020. № 7. С. 311–318.
  17. Правила пользования сайтом «ВКонтакте» // Официальный сайт «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. — URL: <https://vk.com/terms>, дата обращения: 27.12.2021.
  18. Пользовательское соглашение Facebook // Официальный сайт Facebook [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.facebook.com/legal/terms>, дата обращения: 27.12.2021.
  19. Условия использования Instagram // Официальный сайт Instagram. [Электронный ресурс]. — URL: <https://help.instagram.com/478745558852511>, дата обращения: 27.12.2021.
  20. Telegram FAQ // Официальный сайт — Telegram [Электронный ресурс]. — URL: <https://telegram.org/faq>, дата обращения: 27.12.2021.
  21. Правила рассмотрения заявлений, связанных с размещением пользователями контента на сайте «ВКонтакте» // Официальный сайт — «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/help?page=cc_terms, дата обращения: 01.08.2021.
  22. Скворцов О.Ю. Об объективной беспристрастности в контексте теории третейского разбирательства // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2014. № 3. С. 71–81.
  23. Казаченок С.Ю. Имплементация принципов международного коммерческого арбитража в российское законодательство о третейских судах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 173–185.
  24. Complaint FACEBOOK, INC., a Delaware corporation, and GUCCI America v. Natalia Kokhtenko, INC. // Официальный сайт — New York corporation, United States District Court Northern District of California San Francisco Division [Электронный ресурс]. — URL: <https://cand.uscourts.gov/>, дата обращения: 01.08.2021.
  25. в usloviyah cifrovoj ekonomiki // Hozyajstvo i pravo. 2019. № 12 (515). С. 115–122.
  3. Popov D.G., Fokina V.V. O kommunikativnom prostranstve smyslov I fejkov // Obshchestvo. Kommunikaciya. Obrazovanie. 2021. № 2. С. 137–145.
  4. Belokonev S.Yu., Hokonov A.A. Ontologicheskij status social'nyh setej v sovremennoj publichnoj politike // Vlast'. 2021. № 2. С. 22–28.
  5. Terent'eva L.V. Ustanovlenie sudebnoj yurisdicii po sporam v kiberprostranstve na primere SSHA // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2021. № 2. С. 236–261.
  6. Reshenie Petrogradskogo rajonnogo suda goroda Sankt-Peterburga po delu № 2-636/2020 2-636/2020~M-883/2020 M-883/2020 ot 30 iyulya 2020 g. po delu No 2-636/2020 // Oficial'nyj sajт Sudebnye I normativnye akty RF [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://sudact.ru/regular>, data obrashchenie: 16.12.2021.
  7. Semenov V.M. Demokraticheskie osnovy grazhdanskogo sudoproizvodstva v zakonodatel'stve I sudebnoj praktike. Sverdlovsk: UrGU, 1979. С. 59–65.
  8. Efremova N.N. Processual'nye sredstva obespecheniya dostupnosti pravosudiya v sfere predprinimatel'skoj I inoj ekonomicheskoy deyatel'nosti (v kontekste mezhdunarodno-pravovyh standartov). Diss. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. Saratov, 2005. 220 s.
  9. Gibbons L.J. No Regulation, Government Regulation, or Self-Regulation: Social Enforcement or Social Contracting for Governance in Cyberspace // Cornell Journal of Law and Public Policy. 1997. Vol. 6. Issue 3. — URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/cjlp/vol6/iss3/1>, data obrashcheniya: 26.12.2016.
  10. Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation // Virginia Journal of International Law. 2002-2003. Vol. 43. P. 605–673.
  11. Memorandum "O sotrudnichestve v sfere ohrany isklyuchitel'nyh prav v epohu razvitiya cifrovyyh tekhnologij" // Oficial'nyj sajт Roskomnadzor [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news62760.htm>, data obrashcheniya: 27.12.2021.
  12. Zakonoproekt № 1193590-7 O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah I o zashchite informacii" (v chasti utochneniya vnesudebnyh mer po prekrashcheniyu narusheniya avtorskih i (ili) smezhnyh prav v informacionno-telekommunikacionnyh setyah, v tom chisle v seti Internet) // Oficial'nyj sajт Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://>

REFERENCES

1. Olatoje M.E. Informacionnye produkty i informacionnye uslugi v sovremenном obshchestve // Vestnik MGUKI. 2009. № 5. С. 196–201.
2. Dejneko A.G. O vozmozhnosti ekonomiko-pravovogo podhoda k resheniyu problemy "cifrovogo piratstva"

- sozd.duma.gov.ru/bill/1193590-7, data obrashcheniya: 27.12.2021.
13. Notice and takedown // Oficial'nyj sajt Meta [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://transparency.fb.com/data/intellectual-property/notice-and-takedown/>, data obrashcheniya: 27.12.2021.
  14. How we approach proactive IP enforcement // Oficial'nyj sajt Meta. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://transparency.fb.com/data/intellectual-property/notice-and-takedown/>, data obrashcheniya: 27.12.2021.
  15. *Vicelyarova K.N., Zaharova Yu.N.* Social'nye seti i ih znachenie v internet-marketinge // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. 2021. № 5 (37). S. 52–55.
  16. *Kulikova E.S.* Kontent kak odin iz instrumentov cifrovogo marketinga // Moskovskij ekonomicheskij zhurnal. 2020. № 7. C. 311–318.
  17. Pravila pol'zovaniya Sajtom VKontakte // Oficial'nyj sajt VKontakte. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://vk.com/terms>, data obrashcheniya: 27.12.2021.
  18. Pol'zovatel'skoe soglasenie Facebook // Oficial'nyj sajt Facebook. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.facebook.com/legal/terms>, data obrashcheniya: 27.12.2021.
  19. Usloviya ispol'zovaniya Instagram // Oficial'nyj sajt Instagram. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://help.instagram.com/478745558852511>, data obrashcheniya: 27.12.2021.
  20. Telegram FAQ // Oficial'nyj sajt Telegram [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://telegram.org/faq>, data obrashcheniya: 27.12.2021.
  21. Pravila rassmotreniya zayavlenij, svyazannyh s razmeshcheniem pol'zovatelyami kontenta na sajte VKontakte // Oficial'nyj sajt VKontakte. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://vk.com/help?page=cc_terms, data obrashcheniya: 01.08.2021.
  22. *Skvorcov O.Yu.* Ob ob'ektivnoj bespristrastnosti v kontekste teorii tretejskogo razbiratel'stva // Vestnik SPbGU. Ser. 14. Pravo. 2014. № 3. S. 71–81.
  23. *Kazachenok S.Yu.* Implementaciya principov mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha v rossijskoe zakonodatel'stvo o tretejskih sudah // Pravo. ZHurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2017. No 2. S. 173–185.
  24. Complaint FACEBOOK, INC., a Delaware corporation, and GUCCI America v. Natalia Kokhtenko, INC., Oficial'nyj sajt New York corporation // United States District Court Northern District of California San Francisco Division. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://cand.uscourts.gov/>, data obrashcheniya: 01.08.2021.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИЗО И ФОТОГРАФИЙ В СМИ, СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ИНЫХ ИСТОЧНИКАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

FEATURES OF THE USE OF WORKS OF FINE ART AND PHOTOS IN THE MASS MEDIA, SOCIAL NETWORKS AND SOURCES OF INFORMATION DISSEMINATION

Эрик Раулевич ВАЛЬДЕС-МАРТИНЕС

Ассоциация правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере искусства УПРАВИС, Москва, Россия,
e-mail: evaldes@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9958-6395>

Информация об авторе

Э.Р. Вальдес-Мартинес — Директор Ассоциации УПРАВИС, старший научный сотрудник Института права цифровой среды НИУ ВШЭ, преподаватель Российской Государственной Академии Интеллектуальной Собственности

Аннотация. Сегодня кажется совершенно обыденным делать фотографии исторических памятников, городских скульптур, художественных картин в музеях. Все перечисленные произведения относятся к объектам изобразительного искусства. Вместе с тем мало кто задумывается, насколько правомерно впоследствии использовать снятые фотографии: можно ли их размещать в социальных сетях на своих персональных страницах? Допустимо ли печатать такие фотографии в средствах массовой информации? Можно ли производить на основе этих снимков товары широкого потребления (футболки, брелоки, значки, открытки и т.п.) и т.д.?

Как выясняется, с точки зрения действующего законодательства все не так просто. В последнее время отмечается возросшее количество судебных дел по данной проблематике. Этот вопрос стал предметом обсуждения на одном из заседаний Научно-консультационного совета Суда по интеллектуальным правам [1, с. 11].

Некоторым странам известен такой режим свободного использования произведений ИЗО, как *rapogata exserption*, или *freedom of rapogata*, который предпо-

- лагает бездоговорное использование произведений ИЗО, т.е. без разрешения авторов (правообладателей), которые постоянно находятся в общественных местах.
- Гражданский кодекс РФ также предусматривает свободное использование произведений ИЗО, которые открыто расположены в общественных местах: парки, улицы, музеи и т.д. Вместе с тем свободное использование путем воспроизведения и распространения, в том числе на фотографии, возможно лишь при соблюдении определенных условий. В противном случае пользователю необходимо обращаться за разрешением к правообладателю.

Кроме того, в случаях если объект, в котором выражено произведение ИЗО (картина, скульптура, гравюра и т.п.), принадлежит на праве собственности музею, включен в состав Музейного фонда Российской Федерации и находится в музеях Российской Федерации, также необходимо запрашивать разрешение у музея. Несоблюдение этих требований приводит к нарушению прав как правообладателей, так и музейев.

- В статье проанализированы особенности воспроизведения и распространения произведений ИЗО в СМИ, социальных сетях и иных источниках распространения информации в соответствии с законодательством Российской Федерации. Рассмотрены подходы к свободному использованию произведений в некоторых иностранных юрисдикциях.

Ключевые слова: произведения изобразительного искусства, скульптор, фотографии, свободное использование произведений, социальные сети, музеи

- **Для цитирования:** Вальдес-Мартинес Э.Р. Особенности использования объектов ИЗО и фотографий в СМИ, социальных сетях и иных источниках распространения

информации // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 100–112;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14225>

Erik R. VALDES-MARTINES

Association of Rightowners for Protection and Management of Rights in the Sphere of Visual Arts, UPRAVIS, Moscow, Russia,
e-mail: evaldes@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9958-6395>

Information about the author

E.R. Valdes-Martines — director of UPRAVIS, senior fellow of the Institute for Law in the Digital Environment at National Research University “Higher School of Economics (HSE)”, lecturer at Russian State Academy of Intellectual Property (RSAIP)

Abstract. Today it seems quite common to take pictures of historical monuments, urban sculptures, art paintings in museums. All of the listed works are objects of fine art. At the same time, just a few people think how legitimate it is to subsequently use the photos taken: can they be posted on social networks on the personal pages? Is it acceptable to reproduce them in the media? Is it possible to produce consumer goods (t-shirts, key chains, badges, postcards, etc.), etc., based on these images?

As it turns out from the point of view of the current legislation everything is not so simple. Recently, there has been an increase in the number of court cases on this issue. This problem became the subject of discussion at one of the meetings of the Scientific Advisory Board of the Intellectual Property Rights Cour [1, p. 11].

Some countries are aware of such a legal regime of free use of works of art as panorama exception or freedom of panorama, which implies the non-contractual use of works of art, i.e. without the permission of the authors (copyright holders) located in the public places. The Civil Code of the Russian Federation also provides for the free use of art works that are openly located in public places: parks, streets, museums, etc. However, free use by reproduction and distribution, including in photographs, is only possible under certain conditions. Otherwise, a user must apply for permission from the copyright holder.

Among other things, in cases where the object in which the work of fine art is expressed — a painting, sculpture, engraving, etc., belongs to the museum, included in the Museum Fund of the Russian Federation and located in the museums of the Russian Federation, it is also necessary to request permission from the museum. Failure to comply with

- these requirements leads to a violation of the rights of both copyright holders and museums.

- This article analyzes the features of the reproduction and distribution of fine art works in the media, social networks and other sources of information dissemination in accordance with the legislation of the Russian Federation.
- The approaches of free use of works in some foreign jurisdictions are considered.

- **Keywords:** works of fine art, sculptor, photographs, free use of works, social networks, museums

- **For citation:** Valdes-Martines E.R. Features of the use of works of fine art and photos in the mass media, social networks and sources of information dissemination // Труды по Интеллектуальной Собственности (Works on Intellectual Property). 2022; 40 (1). P. 100–112;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14225>

Основанием для правомерного использования произведения является разрешение автора (правообладателя), поскольку исключительные права являются монопольными по своей природе [2, с. 3–9]. Однако было отмечено, что это правило не всегда оправдано, поскольку есть случаи, когда получение разрешения автора на использование произведения представляется нецелесообразным и противоречит интересам общества [2, с. 58]. Для достижения этой цели в законодательство вводятся специальные ограничения исключительного права, направленные на выстраивание баланса разных общественных интересов.

В доктрине определялось, что ограничениями исключительных прав следует считать установление или сужение границ (пределов) осуществления права интеллектуальной собственности, выражающихся в сужении имеющихся дозволений, наложении запретов и дополнительных положительных обязанностей, вводимых без предоставления субъекту права компенсации законом, актом уполномоченного законом государственного органа или органа местного самоуправления в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [4].

Именно поэтому при пересмотре Бернской Конвенции (БК) об охране литературных и художественных произведений [5, с. 3, 9, 15] в 1971 г. в Париже в ст. 9(2) [6] было ограничено авторское правомочие на *воспроизведение*. Такое ограничение, однако, применяется лишь при совокупности трех элементов (так называемый трехступенчатый тест): 1) в определенных особых случаях; 2) отсутствие ущерба нормальному использованию произведения; 3) отсутствие необоснованного ущемления законных интересов авторов.

Трехступенчатый тест используется в основном странами романо-германской системы права, в то время как страны общего права применяют или американскую доктрину справедливого использования *fair use* (США [7, с. 1, 9], Тайвань, Сингапур и т.д.), или доктрину справедливого отношения *fair dealing*, используемую в Великобритании [8], Индии [9, с. 52], Австралии и т.д. В этой связи следует отметить, что

режим свободного использования произведений известен праву многих государств.

Суть этого правового режима заключается в том, что любые третьи лица при определенных условиях могут свободно использовать произведения, находящиеся в сроке охраны, без разрешения авторов (правообладателей). В самом общем виде под авторско-правовыми ограничениями можно понимать установленные законом изъятия из сферы действия соответствующего исключительного права [10] из тех общих правовых возможностей, которыми наделяется носитель субъективного гражданского права [11, с. 182].

В теории права различают модели исключений и ограничений закрытые и открытые [12, 2021]. Закрытые исключения представляют собой конкретный перечень перечисленных в законе действий в отношении произведений, совершение которых не влечет нарушения авторских прав (Китай, Россия и т.д.). Открытые исключения — это такие действия, которые должны соответствовать определенным условиям, чтобы признаваться правомерным исключением из авторских прав. Примером открытых исключений является законодательство, например, США. Правовая концепция исключений в США строится на доктрине *fair use*. Открытые исключения представлены и в странах, придерживающихся доктрины *fair dealing* (Великобритания, Индия).

Следует выделить также смешанную модель, при которой национальное законодательство устанавливает перечень исключений, но при этом допускает совершение иных действий, которые должны соответствовать принятой данным государством модели: трехступенчатый тест, *fair use*, *fair dealing* и т.д. (например, Республика Корея).

В праве Европейского союза авторско-правовые ограничения предусмотрены несколькими директивами, среди которых Директива ЕС № 2001/29/ЕС от 22 мая 2001 г. [13] о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе, известная как Директива InfoSoc (ЕС) 2019/790 от 17 апреля 2019 г. об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и вносящая изменения в директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС [14].

В аспекте анализируемой в данной статье проблемы следует выделить именно Директиву InfoSoc, которая вводит значительное количество поименованных авторско-правовых ограничений в отношении права на воспроизведение, права на сообщение для всеобщего сведения и права на распространение. Такое регулирование вызвано необходимостью гармонизации единого подхода стран — участниц ЕС, а равно необходимостью формирования устойчивого баланса между правообладателями и пользователями в связи с использованием произведений, в том числе в развивающейся цифровой среде. Именно поэтому в Директиве InfoSoc в соответствии с общими положениями Бернской конвенции отмечается, что эти исключения и ограничения не могут применяться таким образом, который ущемляет законные интересы правообладателя или противоречит нормальному использованию его произведений (п. 44 вводных положений).

Касательно использования произведений изобразительного искусства ст. 5 Директивы InfoSoc предоставляет возможность государствам-членам предусматривать исключения или ограничения права на воспроизведение в случае использования таких произведений, как архитектурные или скульптурные произведения, постоянно расположенные в общественных местах. Такие исключения получили наименование *freedom of panorama*, или *panorama exception*.

Эти исключения следует отграничивать от иных авторско-правовых исключений общего характера: использование в образовательных, научных и прочих целях, пародии, цитаты (с определенными ограничениями) и т.д. *Panorama exception* как авторско-правовое исключение следует отнести к специальным режимам, которые получили распространение не во всех юрисдикциях и не в одинаковом объеме.

Не вдаваясь в глубокий анализ применения этой правовой конструкции странами ЕС, отметим, что представленная норма является диспозитивной и применяется государством — членом ЕС по своему усмотрению (как по объему, так и по содержанию регулирования). В этой связи отмечаются различия в порядке представления данного ограничения:

- по цели использования: допускается свободное воспроизведение указанных объектов, но только в личных целях, не относящихся к коммерческим (Бельгия [15, 2016], Дания [16], Словения, Франция [17], Германия и т.д.). При этом следует учитывать, что, например, во Франции допускается воспроизведение ИЗО, которые находятся в публичных местах, но только если такое воспроизведение разрешено автором (правообладателем) либо если произведение, защищенное

авторским правом, является случайным или дополнительным к воспроизведению;

- без ограничения использования: допускаются свободное воспроизведение, а также распространение и сообщение в эфир или по кабелю произведений, постоянно находящиеся в парках, скверах, на улицах или в других местах общего пользования посредством картин, рисунков, фотографий и аудиовизуальных произведений (Испания [18], Польша, Венгрия [19, 1999]);
- право *panorama exception* не представлено. Следовательно, использование произведений ИЗО, постоянно расположенных в общественных (публичных) местах, допускается только с разрешения правообладателя либо уполномоченного государственного органа (Италия [20], Исландия [21]).

В свою очередь, Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) устанавливает авторско-правовые ограничения в отношении как конкретных способов использования, так и поименованных произведений. В частности, ст. 1276 ГК РФ предусматривает без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения воспроизведение и распространение изготовленных экземпляров, сообщение в эфир или по кабелю, доведение до всеобщего сведения произведения изобразительного искусства (далее — ИЗО), фотографий, произведений архитектуры, градостроительства и произведений садово-паркового искусства, постоянно находящихся в местах, открытых для свободного посещения. Положения указанной статьи следует отнести к тем самым *специальным случаям*, предусмотренным законодательством, которые образуют содержание трехступенчатого теста. Такие же положения, но несколько с другими, незначительно отличающимися формулировками ранее содержались в ст. 21 Закона РФ 1993 г. «Об авторском праве и смежных правах» (помимо прочего здесь не упоминалось, что не требуется согласие не только автора, но и иного правообладателя) [22].

Отметим, что действующий режим свободного использования произведений ИЗО в ГК РФ отличается от подхода, существовавшего в период действия ГК РСФСР 1964 г. [23]. Указанный нормативный акт содержал положения, в соответствии с которыми допускалось без согласия автора и без уплаты авторского вознаграждения воспроизведение каким-либо способом, кроме механически контактного копирования, произведений изобразительного искусства, находящихся в местах, открытых для свободного посещения, за исключением выставок и музеев (п. 6 ст. 492 ГК РСФСР). Закон не раскрывал, что понималось под

«механически контактным копированием». Однако можно предположить, что речь шла об использовании произведений ИЗО в промышленных изделиях. Такой вывод следует из положений п. 4 ст. 495 ГК РСФСР. Эта норма предусматривала возможность использования произведений ИЗО и фотографий в промышленных изделиях, но с выплатой вознаграждения.

Как следует из содержания ст. 1276 ГК РФ, случаями свободного использования произведения являются: воспроизведение и распространение изготовленных экземпляров, сообщение в эфир или по кабелю, доведение до всеобщего сведения. Это право не распространяется больше ни на какие известные способы использования (переработку, публичный показ, публичное исполнение и т.д.). Указанный перечень способов свободного использования произведений ИЗО и фотографий не подлежит расширительному толкованию.

Законодатель не раскрывает понятие *экземпляр произведения*. Однако, исходя из содержания подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, следует предположить, что экземпляр произведения — это любая копия воспроизводимого произведения. При этом форма воспроизведения может быть разной: как в виде материального носителя, так и в цифровом формате, т.е. в телекоммуникационной сети, в том числе в интернете.

Обращаясь к анализу положений ст. 1276 ГК РФ, следует выделить два общих условия свободного использования всех перечисленных в ней произведений, а именно произведений ИЗО, фотографий, произведений архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства:

- нахождение произведения в месте, **открытом для свободного посещения;**
- произведение должно находиться в публичном доступе **постоянно.**

Вместе с тем отметим представленную в ст. 1276 ГК РФ разницу в использовании указанных произведений. Так, произведения ИЗО и фотографии, постоянно находящиеся в открытом для свободного посещения месте, не могут использоваться свободно, если 1) такое использование связано с целью извлечения прибыли или 2) произведения являются основным объектом использования. Для использования произведений архитектуры, градостроительства и произведений садово-паркового искусства таких ограничений законодатель не предусматривает. При этом следует помнить, что исключение в части воспроизведения, например, произведений архитектуры, не связано со строительством непосредственного архитектурного объекта. Речь идет о возможности свободно фотографировать такие произведения и распространять их, предположим, в сети Интернет либо осуществлять

воспроизведение в виде фотографий в печатных изданиях, в том числе коммерческого характера, и т.д.

Возвращаясь к порядку свободного использования произведений ИЗО и фотографий, следует предварительно сделать вывод о том, что для его осуществления нужно соблюсти следующие условия, вытекающие из положений ст. 1276 ГК РФ:

- нахождение произведения в месте, открытом для свободного посещения;
- нахождение произведения в таком месте постоянно;
- использование произведения не должно быть связано с извлечением прибыли;
- произведение не должно являться основным объектом использования.

Несоблюдение одного из перечисленных условий приводит к нарушению положений ст. 1276 ГК РФ, а следовательно, пользователю необходимо обратиться за получением разрешения к правообладателю используемого произведения.

При этом всегда следует принимать во внимание, что указанные условия свободного использования произведений, предусмотренные ст. 1276 ГК РФ, должны отвечать общим условиям свободного использования произведений (трехступенчатый тест). Так, если соблюдены все условия ст. 1276 ГК РФ, но при этом пользователь, используя произведение необоснованным образом, ущемляет законные интересы автора, то последний вправе обратиться за защитой своих прав. Безусловно, суду предстоит доказать, что есть *необоснованное ущемление законных интересов автора*, и указать, в чем это выражалось. До настоящего времени российской судебной практике такие дела неизвестны, но это не означает, что они не могут появиться.

Для верной квалификации свободного использования произведений ИЗО и фотографий необходимо рассмотреть условия (критерии) такого использования.

1. Нахождение произведения в месте, открытом для свободного посещения. Законодатель не раскрывает, что является местом, *открытым для свободного посещения*. Под таким местом следует понимать любое публичное место (парки, музеи, метро, торговые центры и т.п.), доступ в которое осуществляется беспрепятственно. При этом платный вход [24, с. 343], ограничения по времени посещения, возрастной ценз и тому подобное никак не влияют на характеристику признания места открытым для свободного посещения.

Для некоторых видов использования произведения, например путем публичного показа или публичного исполнения, законодатель в отношении места, открытого для свободно посещения, вводит дополнительный критерий, указывая, что открытым признает-

ся место, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи (подп.3, 6 п. 2 ст. 1270 ГК РФ и т.д.). Довольно сложно объяснить разницу в характеристиках места, открытого для свободного посещения, в подходах, указанных в ст. 1270 и 1276 ГК РФ.

К.В. Всеволожский выделяет возможность свободного посещения места по воле посетителя, а не по воле владельца такого места. Воля посетителя преобладает над волей владельца, так как посещение такого места осуществляется на основании публичного договора, от заключения и исполнения которого владелец не может отказаться [1, с. 28]. С такой позицией следует согласиться и отметить, что места, которые специально ограничены владельцем для свободного их посещения, когда воля посетителя не является приоритетной для посещения, не относятся к местам для свободного посещения (больницы, детские учреждения, тюрьмы и т.п.).

Одним из заблуждений пользователей является отнесение интернета к местам, открытым для свободного посещения [25, с. 53–62]. Типичное заблуждение пользователей о свободном использовании изображений, доступных в интернете, приводит к серьезным судебным разбирательствам [26]. В частности, в последнее время появилось несколько компаний, которые с помощью специально разработанных программ находят фотографии на сайтах пользователей. Затем с автором таких фотографий заключают соответствующий договор и обращаются за получением компенсации к пользователям. В настоящий момент, количество подобных дел в судах уже исчисляется сотнями [27]. В этом разрезе можно говорить о злоупотреблении полномочиями [28], но это крайне сложно доказать в случае реально нарушенного права автора.

Позиция о том, что интернет не относится к местам, открытым для свободного посещения, была отмечена Верховным Судом РФ [29]. В этом смысле пользователям нужно быть крайне осторожными в связи с размещением изображений на своих персональных страницах социальных сетей, использованием изображений, полученных из интернета, в СМИ и т.п.

2. Нахождение произведения в открытом для посещения месте *постоянно*. Критерий «*постоянно*» означает, что нахождение произведения в открытом для свободного посещения месте никак не ограничивается по времени. Следовательно, если произведение находится временно в таком месте, то этот критерий не применяется. Так, временные выставки (в музеях, галереях и т.п.) не будут подпадать под действие ст. 1276 ГК РФ [24, с. 343]. Критерий нахождения произведения *постоянно* будет применяться и в отношении тех произведений, которые были перемещены

временно в иное место (например, для проведения реставрационных работ либо для публичного показа в сторонней выставке и т.п.).

Критерий в отношении произведения, которое *постоянно* находится в месте, открытом для свободного посещения, стал предметом дискуссии на одном из заседаний НКС СИП [1, с. 23–32]. В целом, участники дискуссии высказали общую позицию, которая близка автору настоящей статьи. В.О. Калятин, в частности, противопоставил критерий «*постоянно*» критерию «*непостоянно*», отметив, что это тот промежуток времени, «когда лицам заведомо известно о том, что определенный объект в этом месте будет находиться временно, например временная выставка или временный экспонат в музее» (с. 23 Протокола СИП). Е.А. Войниканис, соглашаясь с позицией Э.П. Гаврилова, отметила, что под термином «*постоянно*» следует понимать *разумно продолжительный срок* (с. 23 Протокола СИП).

К.В. Всеволожский предположил, что критерий «*постоянно*» может быть применим и к временной выставке, так как объекты на ней находятся «*..постоянно во время проведения выставки...*» (с. 28 Протокола СИП). С такой позицией сложно согласиться, поскольку к объектам, которые представлены на временной выставке (экспозиции и тому подобное), применяется иной правовой режим использования произведений. В первом случае, т. е. нахождение объекта *постоянно*, применяется режим свободного использования произведений. В случае, когда произведение расположено в месте, открытом для свободного посещения *временно*, применяется иной правовой режим, который связан с получением разрешения от правообладателя или приобретателя оригинала произведения (п. 2 ст. 1291 ГК РФ) на использование произведения предусмотренными способами. Использование таких произведений без согласия правообладателя/собственника является нарушением и никак не соотносится с положениями трехступенчатого теста. Кроме того, К.В. Всеволожский не сообщил, что следует понимать под «временностью».

3. Использование произведения не должно быть связано с извлечением прибыли. Представляется, что не вызывает сомнений данный критерий, когда пользователи осуществляют прямое извлечение прибыли, например продажа или предложение к продаже любых товаров (футболки, значки, календари, материалы СМИ и т.п.) с использованием изображений.

Вместе с тем возникают вопросы в случаях, когда пользователи осуществляют такое использование, которое напрямую не связано с извлечением прибыли, например используют изображения в агитационных материалах. В одном из дел суд не нашел нарушений

прав правообладателя, указав, что «...распространение агитационного материала — приглашения на лекторий кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти города федерального значения с изображением фрагмента карты района города, в частности библиотеки-читальни, не имело коммерческой цели, это изображение находилось в общедоступном месте и не являлось основным объектом воспроизведения, было использовано для обозначения места проведения цикла мероприятий — встреч кандидата в депутаты с избирателями в рамках предвыборной агитации и как следствие могло быть осуществлено без согласия автора» [30, 2014]. Как видно из приведенной части Определения ВС РФ, суд применил два критерия, которые подпадают под режим сводного использования: отсутствие коммерческой цели и использование спорного объекта не в качестве основного. С указанными доводами суда сложно согласиться.

С одной стороны, прямой коммерческой цели у политических кандидатов нет. Но с другой, важно принимать во внимание мнение правообладателей, связанное с их желанием быть ассоциированными с той или иной политической партией, кандидатом и так далее. И если использование изображения противоречит воле автора, судя по его политическим взглядам или, напротив, полностью аполитичной позиции, то в этом случае можно говорить о нарушении прав автора в рамках трехступенчатого теста. В период активной политической агитации многие политики для привлечения электората начинают спекулировать на теме войны, национальной идеи и т.п. Для визуальной убедительности они используют плакаты времен Великой Отечественной войны или монументальные скульптуры, такие как «Родина-мать зовёт!» в Волгограде и т.д. Но кто спросил авторов (наследников): «А вы разделяете наши политические взгляды?». В любом случае здесь есть над чем подумать.

Следует признавать использование произведений ИЗО/фотографий без согласия авторов нарушением их прав в случаях не прямой коммерческой цели. Например, использование изображений в брошюрах, каталогах (за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ, например п. 2 ст. 1259 ГК РФ) любыми коммерческими и некоммерческими организациями. Последние, однако, могут свободно использовать произведения в иных целях, предусмотренных ГК РФ (ст. 1274, 1275 ГК РФ).

4. Произведение не должно быть основным объектом использования. Как следует из положений ГК РФ и отмечается исследователями, если предметом изображения становится произведение ИЗО, которое может быть частью какой-либо композиции (ча-

стью парка, городского ландшафта, барельеф на стене здания и т.п.), то следует применять п. 1 ст. 1276 ГК РФ [1, с. 29, 30].

Вместе с тем следует учитывать, что при создании ст. 1276 ГК РФ законодатель преследовал практические цели. Часто во время съемки в кадр фотоаппарата или видеокамеры попадают любые охраняемые объекты, расположенные в парках или являющиеся декоративными элементами зданий, которые не являются основными объектами в таких изображениях. Эта позиция была также отражена в судебной практике. Например, согласно Определению Санкт-Петербургского городского суда от 14.12.2010 № 33-16374/2010 «... норма ст. 1276 ГК РФ по ее смыслу применима лишь в тех случаях, когда произведение, находящееся в месте, открытом для свободного посещения, оказывается воспроизведено, сообщено в эфир или по кабелю, не являясь при этом основным объектом этих действий, и направлена прежде всего на охрану прав производителей информационных программ, которые содержат репортажи с места тех или иных освещаемых событий. В такой ситуации может оказаться затруднительным избежать демонстрации произведения, находящегося в месте события. При этом условием применения нормы ст. 1276 ГК РФ является то, что основным объектом воспроизведения становится именно соответствующее событие, а не находящееся в том же месте произведение».

Однако следует учитывать, что этот критерий носит оценочный характер. Понятие «основной объект использования» не обязательно означает, что он доминирует по масштабам по сравнению с другими объектами или на фоне этих объектов. Такой объект по размерам может быть сопоставим с иными объектами, пусть даже меньшего размера, но являться основным с точки зрения сюжета представленного изображения или фотографии. В качестве примера следует продемонстрировать квитанцию АО «Мосэнергосбыт», в которой был использован образ солдата с плаката работы Л.Ф. Голованова «Красной Армии — Слава!». Правомерность использования этого произведения в настоящее время рассматривается в одном из судов.

Как видно из указанного примера, фигура солдата не является доминирующей по сравнению с цифрой 9. Но без этой фигуры едва улавливается мысль и замысел автора этого «произведения», а надпись «Домой» вообще утрачивает всякий смысл.

В любом случае примеров использования объектов ИЗО и фотографий достаточно много. Но каждый раз пользователь должен проявлять надлежащую осторожность, чтобы не нарушить данный критерий.

При этом очевидно, что если ИЗО является основным объектом использования в фотографиях, сде-

ланных для личных целей, то нарушения авторских прав нет. Поэтому смело можно фотографировать такие объекты, в том числе и фотографироваться на фоне таких объектов во время свадебных торжеств, культурно-увеселительных и прочих мероприятий.

ОБЪЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Рассмотрев критерии правомерного использования произведений изобразительного искусства и фотографий, следует также обратиться к анализу объекта использования. Как было отмечено выше, ст. 1276 ГК РФ применяется в отношении следующих объектов: произведений ИЗО, фотографий, произведений архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства. И если характер произведений архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства в части их свободного использования не вызывает сомнений, то может возникнуть вопрос о том, какие произведения ИЗО и фотографии понимаются в законодательстве. В частности, в ГК РФ не указано, должны ли произведения ИЗО и фотографии быть представлены в виде оригиналов или это могут быть экземпляры (копии) таких произведений. Например, музей осуществляет публичный показ копии произведения ввиду того, что оригинал постоянно находится в хранилищах музея в силу проявленной музеем осторожности, связанной с его сохранением.

Также нет однозначного ответа на вопрос об использовании одного и того же произведения ИЗО, несколько оригиналов которого находятся в разных странах, где по-разному регулируется положение о свободном использовании. Истории известны случаи, когда автор создавал несколько оригиналов одного произведения. В частности, оригиналы известной скульптуры «Мыслитель» Огюста Родена представлены во Франции, Аргентине, США и т.д. Это произведение находится в общественном достоянии и приводится лишь как пример. В США действует режим *freedom of panorama*, в то время как во Франции и Аргентине использование произведения, находящегося в месте, открытом для свободного посещения, не допускается в целях извлечения прибыли [31].

Возможно ли сделать фотографию этой скульптуры в США и напечатать в коммерческом издании во Франции? Безусловно, ответы на данные вопросы лежат в плоскости разрешения проблемы коллизий, они вполне могут возникать на практике. Вместе с тем в случае с Роденом следует отметить, что это произведение находится в общественном достоянии, поэтому вряд ли возникнут какие-то проблемы, связанные с его использованием.

Новеллой ст. 1276 ГК РФ в редакции 2008 г. является разграничение правового режима для произведений изобразительного или фотографического искусства и произведений архитектуры, градостроительства, а также садово-паркового искусства.

Как отмечалось выше, для произведений архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства в отличие от произведений фотографического и изобразительного искусства не уточняется, что они должны постоянно находиться в месте, открытом для свободного посещения, а большинство объектов, названных в п. 2 ст. 1276 ГК РФ, связаны с недвижимым имуществом. Данные объекты могут быть свободно использованы и в тех случаях, когда они видны из того места, которое открыто для всеобщего посещения [32].

В этой связи особо следует отметить случаи использования объектов, состоящих из разных произведений, правовой режим использования которых различен. Например, исходя из требований действующего законодательства, в частности Градостроительного кодекса Российской Федерации [33], использование объектов скульптуры возможно лишь при получении разрешения архитекторов и при их непосредственном участии. Ранее такие отношения регулировались ФЗ от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации». Кроме того, в ряде субъектов Российской Федерации действуют локальные акты, регулирующие порядок возведения произведений монументально-декоративного искусства [34], которые также должны осуществляться с разрешения и при участии архитекторов.

Здесь следует выделить две особенности в части свободного использования таких объектов в соответствии с действующим ГК РФ:

1) участие архитектора в установке произведений ИЗО (скульптуры, барельефа и т.п.) не образует соавторства на такой объект;

2) при использовании такого объекта, расположенного в месте, открытом для свободного посещения, необходимо запрашивать разрешение автора произведения ИЗО (например, скульптора), в то время как разрешение архитектора не требуется (ст. 1276 ГК РФ).

Эти особенности были отражены в постановлении Верховного Суда РФ в одном из рассматриваемых дел [35]. Суд, в частности, отметил, что «... в соответствии со ст. 1259 ГК РФ (п. 1) произведения архитектуры и произведения скульптуры являются самостоятельными объектами авторских прав; таковыми также являются фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии. При разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности

к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу ст. 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом (п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», далее — Постановление Пленума от 23.04.2019 № 10).

Как видно, положениями ст. 1259 ГК РФ произведения скульптуры выделены в отдельную группу, включающую различные произведения изобразительного искусства; произведения архитектуры к таковым не отнесены. Это две самостоятельные группы объектов, авторами которых могут являться разные лица. Согласно правовой позиции, изложенной в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 28.05.2008, *фотографическое изображение, созданное с использованием произведений архитектуры и скульптуры, расположенных в парках, на улицах и других местах, доступных для неопределенного круга лиц, является самостоятельным объектом авторского права.*

Таким образом, пользователи должны учитывать, что использованное изображение может содержать объекты, охрана которых осуществляется разными режимами. В случае если на использование какого-то объекта требуется разрешение правообладателя, безоговорное использование всего изображения будет нарушать авторские права.

Важно также отметить еще одну особенность, связанную с использованием *фотографий*. В соответствии с п. 1 ст. 1259 ГК РФ фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, являются объектами авторских прав. Не вдаваясь в глубокий анализ специфики охраны фотографии как объекта авторского права, отметим, что на нее распространяется общий режим охраны произведений. Это означает, что использование фотографий третьими лицами, за исключениями случаев свободного использования в соответствии с ГК РФ, возможно только с согласия автора (правообладателя).

Сегодня широко применяется практика получения разрешения на использование фотографий через специальные фотобанки, например Shutterstock [36], Агентство ТАСС [37] и т.п. Фотобанки являются посредниками между авторами фотографий и пользователями. Последние в зависимости от своих целей и видов деятельности могут приобретать права использования фотографий у фотобанков. Как правило,

в таких случаях у пользователей не возникает проблем в отношении автора фотографии.

Однако получения разрешения у автора фотографии часто бывает недостаточным. Пользователям важно учитывать, что изображение на фотографии также может являться объектом охраны. При этом охрана может обеспечиваться двумя разными правовыми режимами: авторско-правовым и так называемым режимом музейной охраны.

Охрана изображения авторско-правовым режимом обеспечивается условиями, описанными выше. По существу, для пользователей это означает следующее: для правомерного использования фотографии следует получить разрешение не только автора, от имени которого могут выступать фотобанки, но также правообладателя изображения, если такое изображение находится в сроке охраны (например, фото картины, скульптуры, гравюры и т.п.). Приобретения права использования только фотографии может оказаться недостаточным. Этот вопрос стал предметом исследования в одном из недавних судебных дел [38].

Но и этого может оказаться недостаточным. В Российской Федерации в отношении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда РФ и находящихся в музеях РФ, действует особый режим, связанный с использованием таких объектов. В частности, абз. 3 ст. 36 ФЗ от 26.05.1996 № 54-ФЗ [39] устанавливает, что производство изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления с использованием изображений музейных предметов и музейных коллекций, зданий музеев, объектов, расположенных на территориях музеев, а также с использованием их названий и символики осуществляется с разрешения дирекций музеев. Однако указанное правило действует в отношении государственных музеев. Для частных музеев (понятие, которого не существует в российском праве) применяются общие положения о собственности.

Особый порядок воспроизведения и распространения музейных ценностей на товарах общего потребления представлен не только в российском праве. В частности, итальянский кодекс культурного наследия и ландшафта [40] в ст. 107 и 108 предусматривает обязанность лиц, намеренных использовать изображения, воспроизводящие объекты культурного наследия, получать разрешение от компетентного органа, которым может быть либо государство, либо местная общественная организация. Разрешение предоставляется на возмездной основе. Исключения из этого правила связаны с возможностью воспроизведения таких произведений в личных целях, а также в целях научного, образовательного процессов и т.п.

Так называемое музейное право нашло применение и в судебной практике Италии. Так, в 2007 г. Wikipedia была предупреждена Национальным фондом Флоренции (Soprintendenza per i Beni Culturali e Ambientali) о невозможности использования изображений, воспроизводящих произведения, хранящиеся в музеях Флоренции, без получения разрешения и оплаты соответствующего сбора. Отмечаются также два решения судов Флоренции и Палермо, которые запретили коммерческой компании использовать изображение Давида работы Микеланджело и Театра Массимо в Палермо [41].

При таком многообразии режимов охраны для одного и того же объекта возникает вопрос: что делать? Как разобраться, что подлежит использованию, а что нет? Автор настоящей статьи рекомендует не просто быть внимательными, но и обращаться к профессиональным организациям, которые осуществляют свою деятельность на территории России. Это, в частности, Союз фотохудожников России [42], Ассоциация по управлению правами авторов произведений изобразительного искусства на коллективной основе УПРАВИС [43], Союз музеев России [44], либо появляющиеся организации по депонированию соответствующих объектов интеллектуальной собственности [45].

В любом случае всегда нужно помнить, что в Российской Федерации действует особый режим использования объектов изобразительного искусства и фотографий, находящихся в местах свободного доступа, в печатных изданиях, когда осуществляется воспроизведение указанных объектов, сообщение их по телевидению, использование в интернете (доведение до всеобщего сведения). Пользователям нужно учитывать не только положения соответствующих статей ГК РФ о свободном использовании указанных произведений, но также обращаться к их содержанию, чтобы понять, не принадлежит ли используемый объект на праве собственности музею.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Протокол № 22 заседания Научно-консультационного совета Суда по интеллектуальным правам от 16 июля 2020 г. URL — <https://ipc.arbitr.ru/node/14402>, дата обращения: 21.01.2022.
2. Duffy John F. Intellectual Property as Natural Monopoly: Toward a General Theory of Partial Property Rights. Washington: George Washington University Law School, 2005. P. 3–9. — URL: https://law.utexas.edu/wp-content/uploads/sites/25/duffy_intellectual_property_natural_monopoly.pdf, дата обращения: 21.01.2022.
3. World Intellectual Property Organization. Guide to the WIPO Copyright and Related Rights Treaties. Geneva, 2003, p. 58. — URL: <https://find.wipo.int/record/28722>, дата обращения: 10.01.2021.
4. Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. М.: Статут, 2007 // СПС «КонсультантПлюс».
5. WIPO, Standing Committee on Copyright And Related Rights. — URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_9/sccr_9_7.pdf, дата обращения: 15.01.2021.
6. Art. 9 (2) of BC: “It shall be a matter for legislation in the countries of the Union to permit the reproduction of such works in certain special cases, provided that such reproduction does not conflict with a normal exploitation of the work and does not unreasonably prejudice the legitimate interests of the author”.
7. Report of the US House of Representatives, Committee on the Judiciary, ‘WIPO Copyright Treaties Implementation and On-Line Copyright Infringement Liability Limitation’ (HR Repю № 105-551, 1998), Pt. 1, 9. — URL: <https://www.congress.gov/105/crpt/hrpt551/CRPT-105hrpt551-pt1.pdf>, дата обращения: 15.01.2021.
8. UK Government’s guidance on exceptions to copyrights. <https://www.gov.uk/guidance/exceptions-to-copyright#fair-dealing>, дата обращения: 27.01.2022.
9. Section 52 of the Copyright Act 1957 (2021 edition) Section 52 of the Copyright Act 1957 (2021 ed.). — URL: <https://copyright.gov.in/documents/copyrightrules1957.pdf>, дата обращения: 27.01.2022.
10. Гаврилов Э.П. Ограничения исключительного авторского права // Патенты и лицензии. 2015. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Сергеев А.П. Ограничения исключительных прав по законодательству Российской Федерации: в поисках разумного баланса // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права / под ред. М. Грешникова. М.: Статут, 2018. С. 182.
12. Artificial Intelligence and Intellectual Property Tianxiang He. DOI:10.1093/oso/9780198870944.003.0010
13. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32001L0029>, дата обращения: 13.01.2022.
14. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directive 96/9/EC and 2001/29/EC. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019L0790&qid=1603312960714>, дата обращения: 13.01.2022.
15. Claire Godefroid Belgium: Freedom of panorama — a new copyright exception. — URL: <https://www>.

- managingip.com/article/b1kbpq5bpx2rhw/belgium-freedom-of-panorama-a-new-copyright-exception, дата обращения: 16.01.2022.
16. Art. 24(4) Consolidated Act on Copyright 2014 (Consolidate Act No 1144 of October 23rd, 2014). — URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/546839>, дата обращения: 16.01.2022.
  17. Article L122-5(9) Code de la propriété intellectuelle (version № 2021-1518 24.11.2021). — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000044365551/, дата обращения: 16.01.2022.
  18. Artículo 35(2) Real Decreto Legislativo 1/1996, de 12 de abril, por el que se aprueba el texto refundido de la Ley de Propiedad Intelectual, regularizando, aclarando y armonizando las disposiciones legales vigentes sobre la materia https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/rdleg1-1996.11t3.html#c2, дата обращения: 16.01.2022.
  19. Art. 68 Act LXXVI of 1999 Consolidated text (13.06.2018). — URL: https://www.hipo.gov.hu/sites/default/files/szjt_lxxvi_1999_en_rev_1.pdf, дата обращения: 16.01.2022.
  20. Rosati Eleonora. Freedom of panorama in Italy: does it exist? 2017. — URL: <https://ipkitten.blogspot.com/2017/07/freedom-of-panorama-in-italy-does-it.html#:~:text=%E2%80%9CFreedom%20of%20Panorama%20%2D%20the%20right,or%20regulates%20such%20a%20right>, дата обращения: 31.01.2022.
  21. Article 16 1972 nr.7329. Maí Höfundalög (Copetight Law, Act No 71 of 1972 — May 29).
  22. Данилин С.Н., Борисов А.Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса РФ (постатейный). М.: Деловой двор, 2015 // СПС «КонсультантПлюс».
  23. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964).
  24. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (части четвертой) (постатейный): в 2 т. Т. 1 / С.А. Горленко, В.О. Калятин, Л.Л. Кирий [и др.]; отв. ред. Л.А. Трахтенгерц; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 343.
  25. Бородин С.С. Свободное использование произведений, находящихся в месте, открытом для свободного посещения, или видных из него // Власть закона. 2014. № 4. С. 53–62.
  26. Раздел 13 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 23.09.2015); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2020 № 5-КГ19-228, 2-3052/2018 и т.д.
  27. URL: <https://kad.arbitr.ru/> дела с участием ООО «ВОСЬМАЯ ЗАПОВЕДЬ».
  28. Завьялова Юлия. Судья Александр Лебедев лоббирует интересы ООО «Восьмая заповедь»? Сомнительные решения судьи арбитражного суда, 2020. — URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/sudya-aleksandr-lebedev-lobbiruet-interesy-ooo-vos-1184976>, дата обращения: 31.01.2022.
  29. Пункт 100 Постановления Пленума Верховного Суда от 23 апреля 2019 г. № 10.
  30. Определение Верховного Суда РФ от 13.09.2014 № 5-АПГ14-45.
  31. *Mélanie Dulong de Rosnay, Pierre-Carl Langlais*. Public artworks and the freedom of panorama controversy: a case of Wikimedia influence // Internet Policy Review. 2017. № 6 (1). — URL: <https://doi.org/10.14763/2017.1.447>, дата обращения: 18.01.2022.
  32. Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к гл. 69–71 / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014 // СПС «КонсультантПлюс».
  33. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022).
  34. Закон г. Москвы от 13.11.1998 № 30 (ред. от 07.05.2014) «О порядке возведения в городе Москве произведений монументального декоративного искусства городского назначения».
  35. Определение ВС по делу № 309-ЭС20-12797. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9d5ca3de-a091-4647-b9f3-79a94b60d2dd/442bb36b-51ee-4af5-a22a-e16876e38300/A60-53343-2018_20201222_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True, дата обращения: 27.01.2022.
  36. URL: <https://www.shutterstock.com/ru>, дата обращения: 27.01.2022.
  37. URL: <https://www.tass-online.ru/?page=pages&pageID=14&langID=1>, дата обращения: 27.01.2022.
  38. Постановление № 17АП-10520/2019-ГК от 23 декабря 2021 г., дело № А60-53343/2018. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9d5ca3de-a091-4647-b9f3-79a94b60d2dd/6d8450d3-6664-4b56-b540-e68439c38408/A60-53343-2018_20211223_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True, дата обращения: 27.01.2022.
  39. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021).

40. Codice dei beni culturali e del paesaggio. Decreto legislativo 22 gennaio 2004, No 42. — URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2004-01-22;42>, дата обращения: 13.01.2022.
41. *Barabino Sofia*. The hidden side of the freedom of panorama, 2018. — URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=e0bbc999-2fb5-4dbf-9e08-7ca891ec6de7>, дата обращения: 13.01.2022.
42. URL: <http://www.photounion.ru/>, дата обращения: 31.01.2022.
43. URL: <http://www.upravis.ru/>, дата обращения: 31.01.2022.
44. URL: <http://www.souzmuseum.ru/>, дата обращения: 31.01.2022.
45. URL: <https://nris.ru/>, дата обращения: 31.01.2022.

REFERENCES

1. Protokol № 22 zasedaniya Nauchno-konsul'tacionnogo soveta Suda po intellektual'nym pravam ot 16 iyulya 2020 goda. — URL: <https://ipc.arbitr.ru/node/14402>, data obrashcheniya: 21.01.2022.
2. *Duffy John F*. Intellectual Property as Natural Monopoly: Toward a General Theory of Partial Property Rights. Washington: George Washington University Law School, 2005, p. 3–9. — URL: https://law.utexas.edu/wp-content/uploads/sites/25/duffy_intellectual_property_natural_monopoly.pdf, data obrashcheniya: 21.09.2021.
3. World Intellectual Property Organization. Guide to the WIPO Copyright and Related Rights Treaties. Geneva: 2003., p. 58. — URL: <https://find.wipo.int/record/28722> (data obrashcheniya: 10.01.2021)
4. *Mikryukov V.A*. Ogranicheniya i obremeneniya grazhdanskikh prav». M.: Statut, 2007 // SPS "Konsul'tant Plyus".
5. WIPO, Standing Committee On Copyright And Related Rights. — URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_9/sccr_9_7.pdf, data obrashcheniya: 15.01.2021.
6. Art.9 (2) of BC: "It shall be a matter for legislation in the countries of the Union to permit the reproduction of such works in certain special cases, provided that such reproduction does not conflict with a normal exploitation of the work and does not unreasonably prejudice the legitimate interests of the author".
7. Report of the US House of Representatives, Committee on the Judiciary, 'WIPO Copyright Treaties Implementation and On-Line Copyright Infringement Liability Limitation' (HR Rep No 105-551, 1998), Pt. 1, 9. — URL: <https://www.congress.gov/105/crpt/hrpt551/CRPT-105hrpt551-pt1.pdf>, data obrashcheniya: 15.01.2021.
8. UK Government's guidance on exceptions to copyrights. <https://www.gov.uk/guidance/exceptions-to-copyright#fair-dealing>, data obrashcheniya: 27.01.2022.
9. Section 52 of the Copyright Act 1957 (2021 ed.) Sect. 52 of the Copyright Act 1957 (2021 ed.). — URL: <https://copyright.gov.in/documents/copyrightrules1957.pdf>, data obrashcheniya: 27.01.2022.
10. *Gavrilov E.P*. Ogranicheniya isklyuchitel'nogo avtorskogo prava // Patenty I licenzii. 2015. No 5 // SPS "Konsul'tantPlyus".
11. *Sergeev A.P*. Ogranicheniya isklyuchitel'nyh prav po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: v poiskah razumnogo balansa // Mezhdunarodnyj kommercheskij arbitrazh i voprosy chastnogo prava / pod red. M. Greshnikova. M., 2018. S. 182.
12. Artificial Intelligence and Intellectual Property Tianxiang He DOI:10.1093/oso/9780198870944.003.0010
13. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32001L0029>, data obrashcheniya: 13.01.2022.
14. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directive 96/9/EC and 2001/29/EC. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019L0790&qid=1603312960714>, data obrashcheniya: 13.01.2022.
15. Claire Godefroid Belgium: Freedom of panorama — a new copyright exception. — URL: <https://www.managingip.com/article/b1kbpq5bpx2rhw/belgium-freedom-of-panorama-a-new-copyright-exception>, data obrashcheniya: 16.01.2022.
16. Art. 24(4) Consolidated Act on Copyright 2014 (Consolidate Act No 1144 of October 23rd, 2014) <https://wipolex.wipo.int/en/text/546839>, data obrashcheniya: 16.01.2022.
17. Article L122-5(9) Code de la propriété intellectuelle (version No 2021-1518 24.11.2021). — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000044365551/, data obrashcheniya: 16.01.2022.
18. Artículo 35(2) Real Decreto Legislativo 1/1996, de 12 de abril, por el que se aprueba el texto refundido de la Ley de Propiedad Intelectual, regularizando, aclarando y armonizando las disposiciones legales vigentes sobre la materia https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/rdleg1-1996.11f3.html#c2, data obrashcheniya: 16.01.2022.
19. Art.68 Act LXXVI of 1999 Consolidated text (13.06.2018). — URL: <https://www.hipo.gov.hu/sites/>

- default/files/szjt_lxxvi_1999_en_rev_1.pdf, data obrashcheniya: 16.01.2022.
20. Rosati Eleonora. Freedom of panorama in Italy: does it exist? 2017. — URL: <https://ipkitten.blogspot.com/2017/07/freedom-of-panorama-in-italy-does-it.html#:~:text=%E2%80%9CFreedom%20of%20Panorama%20%2D%20the%20right,or%20regulates%20such%20a%20right>, data obrashcheniya: 31.01.2022.
  21. Article 16 1972 nr. 7329. Máí Höfundalög (Copetight Law, Act No 71 of 1972 — May 29).
  22. Danilin S.N., Borisov A.N. Prava na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti i sredstva individualizacii. Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa RF (postatejnyj). M.: Delovoj dvor, 2015 // SPS "Konsul'tant Plyus".
  23. Grazhdanskij kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 11.06.1964).
  24. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (chasti chetvertoj) (postatejnyj): v 2 t. T. 1 / S.A. Gorlenko, V.O. Kalyatin, L.L. Kirij[i dr.; otv. red. L.A. Trahtengerc; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: 2-e izd. M.: INFRA-M, 2016. S. 343.
  25. Borodin S.S. Svobodnoe ispol'zovanie proizvedenij, nahodyashchih'sya v meste, otkrytom dlya svobodnogo poseshcheniya, ili vidnyh iz nego // Vlast' Zakona. 2014. No 4. S. 53–62.
  26. Razdel 13 Obzor sudebnoj praktiki po delam, svyazannym s razresheniem sporov o zashchite intellektual'nyh prav (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF ot 23.09.2015); Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda Rossijskoj federacii ot 28.01.2020 No 5-KG 19-228, 2-3052/2018 I t.d.
  27. URL: https://kad.arbitr.ru/dela_s uchastiem_OOO_VOS'MAYA_ZAAPOVED".
  28. Zav'yalova Yuliya. Sud'ya Aleksandr Lebedev lobbiruet interesy OOO "Vos'maya zapoved"? Somnitel'nye resheniya sud'i arbitrazhnogo suda, 2020. — URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/sudya-aleksandr-lebedev-lobbiruet-interesy-ooo-vos-1184976>, data obrashcheniya: 31.01.2022.
  29. Punkt 100 Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda ot 23 aprelya 2019 g. № 10.
  30. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 13.09.2014 No 5-APG 14-45.
  31. Mélanie Dulong de Rosnay, Pierre-Carl Langlais, (2017). Public artworks and the freedom of panorama controversy: a case of Wikimedia influence. Internet Policy Review, 6(1). — URL: <https://doi.org/10.14763/2017.1.447>, data obrashcheniya: 18.01.2022.
  32. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Avtorskoe pravo. Prava, smezhnyye s avtorskimi. Postatejnyj kommentarij k glavam 69–71 (pod red. P.V. Krashennikova). M.: Statut, 2014 // SPS "Konsul'tant Plyus".
  33. Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 No 190-FZ (red. ot 30.12.2021, s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022).
  34. Zakon g. Moskvy ot 13.11.1998 №30 (red. ot 07.05.2014) "O poryadke vozvedeniya v gorode Moskve proizvedenij monumental'nogo dekorativnogo iskusstva gorodskogo naznacheniya".
  35. Opredelenie VS Delo No 309-ES20-12797 https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9d5ca3de-a091-4647-b9f3-79a94b60d2dd/442bb36b-51ee-4af5-a22a-e16876e38300/A60-53343-2018_20201222_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True, data obrashcheniya: 27.01.2022.
  36. URL: <https://www.shutterstock.com/ru>, data obrashcheniya: 27.01.2022.
  37. UREL: <https://www.tass-online.ru/?page=pages&pageID=14&langID=1>, data obrashcheniya: 27.01.2022.
  38. Postanovlenie No 17AP-10520/2019-GK ot 23 dekabrya 2021 g., delo № A60-53343/2018~ https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9d5ca3de-a091-4647-b9f3-79a94b60d2dd/6d8450d3-6664-4b56-b540-e68439c38408/A60-53343-2018_20211223_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True, data obrashcheniya: 27.01.2022.
  39. Federal'nyj zakon ot 26.05.1996 No 54-FZ (red. ot 11.06.2021) "O Muzejnom fonde Rossijskoj Federacii i muzeyah v Rossijskoj Federacii" (s izm. i dop., vstup. V silu s 01.07.2021).
  40. Codice dei beni culturali e del paesaggio. Decreto legislativo 22 gennaio 2004, No 42. — URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2004-01-22;42>, data obrashcheniya: 13.01.2022.
  41. Barabino Sofia. The hidden side of the freedom of panorama, 2018. — URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=e0bbc999-2fb5-4dbf-9e08-7ca891ec6de7>, data obrashcheniya: 13.01.2022.
  42. URL: <http://www.photounion.ru/>, data obrashcheniya: 31.01.2022.
  43. URL: <http://www.upravis.ru/>, data obrashcheniya: 31.01.2022.
  44. URL: <http://www.souzmuseum.ru/>, data obrashcheniya: 31.01.2022.
  45. URL: <https://nris.ru/>, data obrashcheniya: 31.01.2022.

Научная статья

УДК: 347.78.01

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14226>

Original article

СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВ АВТОРСКОГО ПРАВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПЕЧАТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

FORMATION OF THE FOUNDATIONS OF COPYRIGHT AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF PRINTING IN THE RUSSIAN EMPIRE

Юрий Алексеевич ПОТАПОВ

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, upotapov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4115-5557>

Информация об авторе

Ю.А. Потапов — кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В статье рассмотрены историко-правовые предпосылки зарождения и становления авторского права в Российской империи в XIX в. Проанализированы основные положения цензурных уставов указанного периода, в частности Свода уставов о цензуре 1857 г. Отмечено влияние зарубежного законодательства на содержание права и формирование кодификационных актов Российской империи. Это проявлялось в появлении новых отраслей права и правовых институтов, прежде всего таких, как авторское право, договорное право, наследственное право, право собственности на произведения наук, словесности, художеств и искусств, цензура, юридическая ответственность и др.

Реформирование права по романо-германскому (континентальному) образцу вызвало к жизни, ввело в правовой и научный оборот новую юридическую терминологию. Судебная и административная практика стала строиться на основе принимаемых и утверждаемых императорских указов, законов, кодексов (уложений, сводов, уставов), ведомственных циркуляров и инструкций.

В качестве целей и задач данного исследования определяются сравнительно-правовой анализ норм и положений имперского законодательства в сфере авторского и цензурного права, характеристики основных их институтов и способы применения санкций за нарушение.

- К числу методов, применяемых при проведении исследования, относятся исторический, статистический, сравнительно-правовой и др.
- Результаты проведенного исследования заключаются в выявлении закономерностей развития авторского права, изучении содержательных особенностей функционирования его институтов в период государственно-правовых реформ, их последующей эволюции.
- Заложенные в рассматриваемый период основы авторского права развивались и нашли отражение в современном законодательстве, несмотря на его существенное изменение, в том числе под влиянием новых информационных технологий.

Ключевые слова: автор, авторское право, издатель, контрафакция, периодическая (повременная) печать, право собственности, свод законов, устав, цензура

- **Для цитирования:** Потапов Ю.А. Становление основ авторского права и его влияние на развитие печати в Российской империи // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 113–117;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14226>

Yuri A. POTAPOV

Northwest Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, upotapov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4115-5557>

Information about the author

Yu.A. Potapov — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines Northwest Branch of the Russian State University of Justice

переходило к его наследникам по закону или по завещанию либо к тем лицам или учреждениям, которым оно было передано. Устанавливался срок действия этого права — не более пятидесяти лет со дня смерти сочинителя или переводчика. При этом действие указанной статьи распространялось только на тех лиц, для которых не истек установленный прежними правилами срок исключительного пользования правом издания и продажи перешедших к ним по наследству или завещанию сочинений или переводов.

В отношении новых сочинений и переводов, изданных после смерти сочинителя или переводчика, означенный пятидесятилетний срок считался со времени первого издания.

Интересно, что по установленному порядку первые издатели народных песен, пословиц, сказок и повестей, относящихся к народному творчеству, пользовались такими же правами, как и сочинители новых книг, и первые издатели древних рукописей. Данное обстоятельство, однако, не служило препятствием другим лицам издавать, как было сказано в уставе, «летописи или другие древние манускрипты с полнейшего, вернейшего или по чему-либо отличного списка».

Рукописные и напечатанные сочинения и переводы, никому сочинителем или переводчиком не проданные, не завещанные и никаким иным образом не уступленные, не могли быть проданы на удовлетворение кредиторов ни при жизни сочинителя или переводчика без собственного его на то согласия, ни после смерти без согласия его наследников. В случае продажи имущества книгопродавца за долги и по конкурсу принадлежащие ему рукописи и право на их издание передавались покупателем не иначе как с обязательством исполнить все условия, заключенные прежним хозяином.

Права на второе издание книги становились предметом предварительных соглашений между сочинителем, переводчиком или издателем и книгопродавцом. Если между ними не было никакого письменного соглашения, то сочинитель, переводчик или издатель, а в случае их смерти наследники могли печатать книгу вторым изданием через пять лет со дня выдачи из цензуры позволительного билета.

Соглашения, заключаемые между сочинителями, переводчиками либо издателями и типографщиками или книгопродавцами, составлялись на обыкновенной гербовой бумаге и записывались на основании общих правил в маклерской книге.

По поводу следующих редакций (выпусков) издания можно отметить, что сочинитель имел право, несмотря ни на какие условия, напечатать книгу вторым изданием, если в ней «прибавлены или переменены

по крайней мере две трети или когда книге сей дана совершенно другая форма, так что она может быть почитаема за новое сочинение».

Издатели журналов и других периодических сочинений, а также альманахов и книг, составляемых из разных мелких сочинений или статей, пользовались исключительным правом перепечатывать указанные произведения в той же форме на общем основании.

Частные письма могли быть изданы только с согласия их автора или лица, которому они адресованы, а в случае их смерти — с согласия наследников. Таким же образом могли быть напечатаны частные записки и другие бумаги, не предназначавшиеся для выхода в свет.

В ст. 297 Свода уставов о цензуре 1857 г. было определено, что считается контрафакцией.

Во-первых, самовольным изданием печатной продукции признавался факт выпуска книги под названием второго, третьего и так далее изданий без исполнения условий, указанных в ст. 287 и 289, т.е. без заключения соответствующих в таких случаях соглашений между сочинителем, переводчиком (или их наследниками) и издателем, книгопродавцом.

Во-вторых, к числу контрафактной печатной продукции относились напечатанные за границей книги, ранее изданные в России или выпущенные в свет с одобрения российской цензуры с переводом на другой язык, но продаваемые в России без письменного разрешения законного издателя.

В-третьих, «произнесенная или читанная публично речь или иное сочинение», изданное без согласия сочинителя, также считалось незаконным.

В-четвертых, контрафакцией считалось постоянное перепечатывание журналистом под видом рецензии «или же под другим предлогом... мелких из чужих изданий статей, хотя бы оные занимали и менее одного печатного листа». Однако случайное перепечатывание в каком-либо издании «мелкой статьи», не занимавшей более одного печатного листа, а равно и перепечатывание известий политических или относящихся к словесности, наукам и художествам с указанием источника, откуда они заимствованы, по законодательству не воспрещалось.

Статьей 305 вводилось понятие подлога в книгоиздательской сфере. Таковым действием признавалось издание чужого сочинения под своим именем или же продажа своей рукописи или права на издание книги нескольким лицам порознь без их взаимного согласия. За обнаруженный подлог сверх взыскания, которое определялось судом по рассмотрению дела в пользу обиженного, виновный подвергался наказанию по правилам, установленным в ст. 2275 Уложения о наказаниях [10].

В частности, за такие деяния виновный мог быть приговорен к лишению прав и преимуществ и подвергнут ссылке в одну из отдаленных губерний на срок от шести месяцев до одного года. Если же виновный не был освобожден от телесных наказаний, то предусматривалась его «отдача в работный дом на срок от одного года до двух лет». Кроме того, автор или издатель, напечатавший книгу без соблюдения правил цензурного устава, лишался всех прав на нее.

Законом защищались права на издаваемые произведения наук и словесности, принадлежавшие академиям, университетам, училищам, научным и другим обществам. Так, общества, издававшие книги или иные произведения науки и словесности, пользовались исключительным правом собственности на данные произведения, если автор им такое предоставлял, в течение пятидесяти лет. По истечении указанного времени такие произведения становились «собственностью публики, кроме случаев, когда автор оных еще в живых и удерживает за собою сию литературную собственность».

Определялась компетенция судебных и правительственных органов по делам, касавшимся прав собственности на произведения наук и словесности. Скажем, комитеты внутренней цензуры и Главное управление цензуры наблюдали, каждый по своей части, за точным исполнением установленных прав в отношении авторов, переводчиков и других субъектов прав интеллектуальной собственности.

Все споры между сочинителями, переводчиками, первыми издателями или типографщиками и книгопродавцами по поводу права собственности на книги или иные произведения наук и словесности решались третьей инстанцией — третейским судом, а в случае несогласия с разрешением спора таким образом — обыкновенными присутственными местами, начиная с Гражданской палаты или равной ей инстанции в той губернии, где жил ответчик. При разрешении таких споров палаты в сомнительных случаях требовали заключения, своеобразной экспертизы университетов.

Преследование за самовольное издание могло быть начато только вследствие жалобы лица, пострадавшего в результате нарушения авторских прав.

Если дело не было решено окончательно, продажа книги или иного произведения наук и словесности, составлявших предмет спора, запрещалась на основании общих узаконений о спорном имуществе. Суд определял меру вознаграждения и убытки от прекращения продажи, если они были «понесены правою стороною».

Таковы основные положения становления, функционирования и развития авторского права в России на протяжении XIX в. При этом следует признать, что

отечественные законодательные акты того периода во многом были рождены под воздействием зарубежных норм права. Российская специфика, скорее всего, касалась ярко выраженного политического, административного влияния как на контролирующие, надзорные органы, так и непосредственно на авторов, издателей, распространителей печатной продукции, иных субъектов авторского права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нерсесян А.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и борьба с нарушением прав интеллектуальной собственности // История государства и права. 2006. № 6. С. 13–15.
2. Николаев В.Е. Авторское право и цензура в России во второй половине XIX — начале XX вв. // История книги и цензуры: международная научная конференция, посвященная памяти А.В. Блюма / под науч. ред. М.В. Зеленова. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2013. С. 113–123.
3. Раскин Д.И. Авторское право в контексте цензурного законодательства России XIX — начала XX в. // Цензура в России: история и современность. СПб., 2006. Вып. 3. С. 99–105.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. 3. СПб., 1830. № 1979.
5. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 3. СПб., 1830. № 1980.
6. Устав о цензуре и печати с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правит. Сената и административными распоряжениями (со ст. В.П. Ширкова). СПб., 1900.
7. Оганян В.А. Историко-правовые основы регулирования авторских прав России в сравнении с опытом зарубежных стран // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 1. С. 239–242.
8. История российского гражданского законодательства X — начала XX в.: хрестоматия / авт.-сост.: И.В. Минникес, И.А. Минникес. М.: Юрлитинформ, 2019. 198 с.
9. Свод уставов о цензуре 1857 г. // Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1857. С. 229–292.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с.

REFERENCES

1. Nersesyan A.S. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh i bor'ba s narusheniem prav intellektual'noj sobstvennosti // Istoriya gosudarstva i prava. 2006. No 6. S. 13–15.

2. *Nikolaev V.E.* Avtorskoe pravo i cenzura v Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. // Istoriya knigi i cenzury: mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya pamyati A.V. Blyuma / nauch. red. M.V. Zelenov. SPb.: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A.S. Pushkina, 2013. S. 113–123.
3. *Raskin D.I.* Avtorskoe pravo v kontekste cenzurnogo zakonodatel'stva Rossii XIX — nachala XX v. // Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. SPb., 2006. Vyp. 3. S. 99–105.
4. Poln. sobr. zakonov Ros. imperii (dalee — PSZ RI). Sobr. 2. T. 3. SPb., 1830. № 1979.
5. PSZ RI. Sobr. 2. T. 3. SPb., 1830. № 1980.
6. Ustav o cenzure i pečati s pozdnejshimi uzakonenyami, zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami Pravit. Senata i administrativnymi rasporyazheniyami / sost. V.P. Shirkov. SPb., 1900.
7. *Oganyan V.A.* Istoriko-pravovye osnovy regulirovaniya avtorskih prav Rossii v sravnenii s opytom zarubezhnyh stran // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 25. No 1. S. 239–242.
8. Istoriya rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva X — nachalo XX v.: hrestomatiya / avt.-sost.: I.V. Minnikes, I.A. Minnikes. M.: Yurlitinform, 2019. 198 s.
9. Svod ustavov o cenzure 1857 g. // Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 14. — Spb., 1857. S. 229-292.
10. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh. — SPb.: Tip. 2 otd-niya sobstv. e. i. v. kancelyarii, 1845. [4], IV, 898, XVII s.

Научная статья

УДК 347.21, 347.775

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14227>

Original article

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АДДИТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ НЕОБХОДИМОСТИ УДАЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙ- СТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КОМПАНИИ

TO THE QUESTION OF PROTECTION OF TRADE SECRETS AT ADDITIVE MANUFACTURING ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF THE REQUIREMENT FOR REMOTE INTERACTION OF THE COMPANY'S DEPARTMENTS

Владислав Валерьевич СОМОНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
информационных технологий, механики и оптики,
Санкт-Петербург, Россия,
vlad@itc.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4962-9411>

Ксения Романовна КОЛОМОЙЦЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет
информационных технологий, механики и оптики,
Санкт-Петербург, Россия,
Ksenchik97@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1894-2632>

Владимир Сергеевич КОЛОМОЙЦЕВ

Санкт-Петербургский университет аэрокосмического
приборостроения, Санкт-Петербург, Россия,
Dekoros@guar.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7282-033X>

Информация об авторе

В.В. Сомонов — магистрант факультета технологиче-
ского менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского
государственного университета информационных
технологий, механики и оптики

К.Р. Коломойцева — магистрант факультета технологи-
ческого менеджмента и инноваций Санкт-Петербур-
гского государственного университета информационных
технологий, механики и оптики

В.С. Коломойцев — кандидат технических наук, до-
цент кафедры безопасности информационных систем

- Санкт-Петербургского университета аэрокосмического
- приборостроения
-
- **Аннотация.** Новая коронавирусная инфекция оказала
- сильное влияние на мировую экономику, что приве-
- ло к некоторым изменениям при работе с объектами
- интеллектуальной собственности. При данных обстоя-
- тельствах приходится быстро адаптироваться к новому
- режиму работы всему миру, в том числе и компаниям,
- работающим в сфере аддитивного производства,
- в которых постоянно появляются новые объекты интел-
- лектуальной собственности. Изменились привычные
- способы работы не только государственных ведомств,
- занимающихся интеллектуальной собственностью, но
- и частных компаний, использующих ее в своей рабо-
- те. Работа в удаленном режиме влечет за собой ряд
- особенностей, несоблюдение которых может привести
- к нежелательным последствиям для компаний. Для
- новых условий осуществления деятельности необходи-
- мы новые способы охраны объектов интеллектуальной
- собственности.
- Работа посвящена изучению проблемы охраны ком-
- мерческой тайны в условиях экономического кризиса,
- вызванного новой коронавирусной инфекцией. Сфор-
- мулированы группы методов по защите конфиденциаль-
- ной информации, составляющей коммерческую тайну:
- методы, обеспечивающие работу с документами; орга-
- низационные методы; информационно-аналитические
- методы. Показаны основные причины и каналы утечки
- конфиденциальной информации. Основными причина-
- ми утечки информации являются непривилегированные

сотрудники, а основным каналом — использование для передачи информации, содержащей коммерческую тайну, программ для общения в интернете (мессенджеров) или незащищенных каналов передачи информации о параметрах технологии 3D-печати и оборудовании для нее.

Рассмотрены особенности защиты коммерческой тайны при удаленном режиме работы. Разработаны меры предотвращения распространения конфиденциальной информации, позволяющие минимизировать вероятность наступления нежелательных последствий и предотвратить финансовые потери компаний. Предложены способы защиты коммерческой тайны в условиях организации удаленного доступа к ресурсам компании: обеспечение высокого уровня защищенности персональных данных сотрудников; присутствие в компании специалиста по информационной безопасности; безопасная выделенная линия связи в интернете.

Ключевые слова: аддитивное производство, коммерческая тайна, конфиденциальная информация, несанкционированный доступ, интеллектуальная собственность, защита информации, удаленный доступ, утечка информации, персональные данные

Для цитирования: Сомонов В.В., Коломойцева К.В., Коломойцев В.С. К вопросу об охране коммерческой тайны на предприятиях аддитивного производства в условиях необходимости удаленного взаимодействия подразделений компании // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 118–126;

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14227>

Vladislav V. SOMONOV

Saint Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics, St. Petersburg, Russia,
vlad@itc.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4962-9411>

Ksenia R. KOLOMOYTSEVA

Saint Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics, St. Petersburg, Russia,
Ksenchik97@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1894-2632>

Vladimir S. KOLOMOITCEV

State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg, Russia,

dekoros@guap.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7282-033X>

Information about the author

- V.V. Somonov — student of the Faculty of Technological Management and Innovation of Saint Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics
- K.R. Kolomoitseva — student of the Faculty of Technological Management and Innovation of Saint Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics
- V.S. Kolomoitcev — PhD in engineering, Associate Professor of the Department No 51. Information Systems Security, State University of Aerospace Instrumentation

Abstract. The new coronavirus infection has a strong impact on the global economy. This led to some changes when working with intellectual property. Under these circumstances, the whole world has to adapt quickly to the new mode of operation, including companies working in the field of additive manufacturing. The new intellectual property objects are constantly appearing in these companies. It is changed the ways not only government agencies dealing with intellectual property work, but also private companies that use it in their work. Failure to comply with a number of features may lead to undesirable consequences for companies when working remotely. For new conditions for the implementation of activities, new ways of protecting intellectual property objects are required.

The paper is devoted to the study of the problem of protecting trade secrets in the context of the economic crisis caused by a new coronavirus infection. The groups of methods for the protection of confidential information constituting a trade secret are formulated: methods that ensure the work with documents; organizational methods; information and analytical methods. The main reasons and ways of confidential information leakage are shown. Unprivileged employees are the main causes of information leakage and the main path of information leakage is the use of programs for communication on the Internet (instant messengers) or unprotected channels for transmitting information about the parameters of 3D printing technology and equipment for it to transmit information containing trade secrets. The features of protection of trade secrets during remote operation are considered. The ways to prevent the dissemination of confidential information are developed. They will minimize the probability of undesirable consequences and prevent financial losses for companies. Methods of protecting trade secrets in the context of organizing remote access to company resources are proposed: ensure a high level of protection of personal data of employees; presence of an information security specialist in the company; secure dedicated communication line in the Internet.

Keywords: additive manufacturing; trade secret; confidential information; unauthorized access; intellectual property; protection of information; remote access; information leak; personal data

For citation: Somonov V.V., Kolomoitseva K.V., Kolomoitsev V.S. On the issue of the problem of protecting trade secrets at additive manufacturing enterprises in the context of the need for remote interaction of company divisions // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 118–126; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14227>

- Современное общество находится на стадии четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0), что способствует активному накоплению больших данных и внедрению интеллектуальных производственных систем и передовых информационных технологий. Одним из видов таких технологий по заявлению авторов работы [10] является аддитивное производство. Успешная обработка и анализ этих данных при таком виде производства [12] предоставляют новые возможности для компаний. С.Л. Добрынин и В.Л. Бурковский [3] отметили тот факт, что традиционно в подобных компаниях производственные данные собираются от оборудования, установленного в цехах, затем они транслируются благодаря технологии интернета вещей до хранилищ информации. Все это повышает эффективность производства. При этом обеспечивается массовая индивидуализация за счет использования нетрадиционных методов производства [9].
- С другой стороны, имеющаяся у компаний в этой сфере важная и потенциально коммерчески выгодная информация должна охраняться соответствующим образом. Коммерческая тайна, согласно Федеральному закону от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 09.03.2021), — это режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду [8].
- Актуальность настоящего исследования связана со стремительными изменениями, происходящими во всем мире, вызванными новой коронавирусной инфекцией. Организация работы удаленно влечет за собой необходимость усиления охраны коммерческой тайны и создания новых критериев ее существования. Вопросы обеспечения сохранности конфиденциальной информации исследовались и до наступления экономического кризиса такими авторами, как Н.Д. Попов, В.В. Колесник, Д.В. Головкина, Е.К. Волчинская, Д.С. Машенко и др. [1, 2, 5, 6]. Сегодня же из-за недавности событий данная тема недостаточно хорошо научно разработана, что еще раз подтверждает ее актуальность.

Таким образом, необходима разработка (или усовершенствование существующих) эффективных мер и методов предотвращения или снижения вероятности распространения конфиденциальной информации, содержащей коммерческую тайну, на предприятиях, работающих в сфере аддитивного производства.

Информация, составляющая коммерческую тайну, может быть представлена сведениями различного характера: производственного, технического, экономического, организационного и других [2]. Традиционно в компаниях из сферы аддитивного производства каждый менеджер помимо владения своими персональными данными имеет доступ к информации, составляющей секрет производства или являющейся потенциально коммерчески выгодной. Она относится как к его собственному иерархическому уровню, так и ко всем нижестоящим уровням. Не каждый менеджер компании заинтересован в том, чтобы доплачивать своим подчиненным за обеспечение поддержания режима коммерческой тайны [14]. Это приводит к необходимости выстраивания и внедрения специальной системы для защиты коммерческой тайны.

Методы защиты коммерческой тайны можно разбить на три группы:

- методы, обеспечивающие работу с документами. Они включают в себя правила распространения документов, содержащих конфиденциальную информацию;
- организационные методы, которые включают в себя три способа защиты коммерческой тайны: установление корпоративных правил коммерческой конфиденциальности; определение порядка взаимодействия сотрудников; организационно-структурную изоляцию, позволяющую обеспечить доступ к коммерческой тайне только сотрудникам, работающим с ней;
- информационно-аналитические методы, которые представляют собой способы, позволяющие

предотвратить утечку информации по причине принадлежности ее к коммерческой тайне [6].

В России в 2020 г. число утечек информации, составляющей коммерческую тайну, выросло на 5,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [7]. Доля утечек по вине сотрудников вдвое выше, чем в мире, — более 72%. Свыше 79% утечек произошло в результате внутренних нарушений — из них по вине непривилегированных сотрудников 72,1% и 5% по вине руководителя [7].

Приведенные статистические данные показывают, что необходимо разработать набор методов, правил и мер, позволяющих повысить безопасность при работе с информацией, содержащей коммерческую тайну. Так, следует ознакомить каждого сотрудника организации с правилами и режимом работы с конфиденциальной информацией, в том числе с режимом коммерческой тайны [11]. В период удаленной работы доступ к коммерческой тайне по ошибке может получить сотрудник, не допущенный к ней по существующим правилам разграничения доступа. В результате, не зная особенностей работы с подобной информацией, такой сотрудник может по ошибке (по незнанию) или целенаправленно осуществить ее разглашение, в том числе и на официальных мероприятиях.

Как во всем мире, так и в России более 80% случаев утечки конфиденциальной информации связаны с раскрытием персональных данных. Высокая доля утечек коммерческой тайны связана с критически важным значением этого типа информации для многих компаний [7]. На рис. 1 представлено распределение утечек по типам данных [7].

В аддитивном производстве под конфиденциальной информацией, составляющей коммерческую тайну или охраняющейся в режиме ноу-хау, обычно понимают параметры режима 3D-печати и постобработки изделий, настройки или особенности оборудования, необходимого для реализации процессов, а также требования к подготовке либо анализу химического или

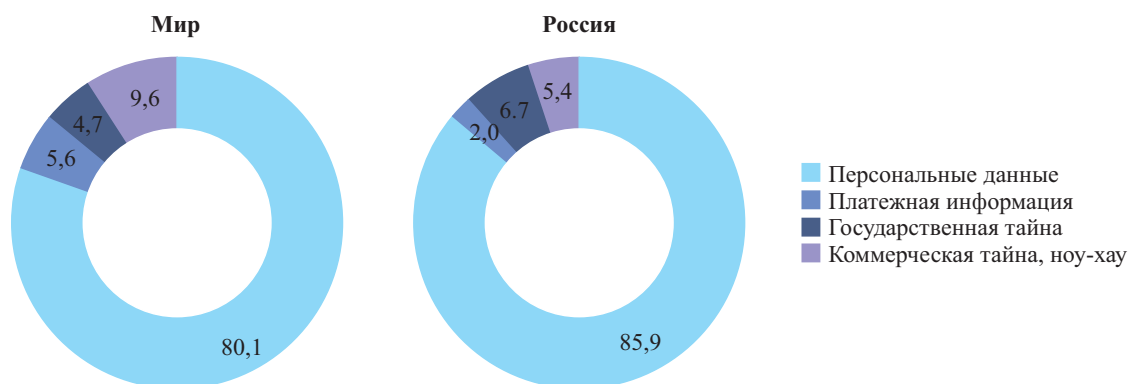

Рисунок 1. Распределение утечек по типам данных в России и в мире, январь — сентябрь 2020 г.

структурного состава материалов для изготовления изделий таким методом.

Из рис. 1 видно, что утечки информации в этой области в последнее время увеличились вместе с ростом популярности аддитивных технологий и составляют существенную долю. Это заставляет компании серьезно задумываться о сохранении секрета своих разработок и защите их от конкурентов. Они также могут патентовать разработки, но в дальнейшем возникает проблема прекращения правовой охраны и перехода в общественное достояние. Такое развитие событий компаниям крайне невыгодно, поэтому они часто патентуют свои разработки без указания точных значений параметров режима процесса 3D-печати изделий из конкретных материалов, а остальное охраняют в режиме ноу-хау.

Зачастую несанкционированный доступ к коммерческой тайне можно получить и благодаря персональным данным сотрудников, имея доступ к их аккаунтам или иным образом [1, 4]. Используя эти данные, можно через аккаунт сотрудника выяснить техническую и другую информацию на его уровне доступа. В связи с этим для защиты коммерческой тайны в период работы организации удаленно важно обеспечивать сохранность персональных данных своих сотрудников и предотвращать несанкционированный доступ к ним.

Основным каналом утечки конфиденциальной информации выступает интернет. На рис. 2 представлено распределение утечек по каналам передачи информации [7].

Из представленных данных следует, что необходимо предпринять серьезные усилия по повышению информационной защищенности коммерческой тайны, используемой компаниями из области аддитивного производства в сети и облачных хранилищах. Ведь она может представлять собой данные поставщиков

материалов для 3D-печати, рабочие 3D-модели для построения изделий, информацию по процессу построения, о настройках оборудования, о защитной атмосфере в ходе реализации процесса построения изделия, о режимах постобработки и выдержки изделий, а также о результатах испытаний после получения готового изделия и другую важную информацию, представляющую интерес для конкурентов.

Традиционно в сфере аддитивного производства новые данные, представляющие коммерческую ценность и требующие охраны, получают в рамках выполнения НИР или НИОКР. Для того чтобы в дальнейшем найти им выгодное применение и чтобы они не утекли к конкурентам, необходимо пройти несколько стадий до введения на предприятии режима коммерческой тайны, позволяющего сохранять данные в секрете до момента передачи по лицензии или продажи заинтересованному покупателю. Создаваемые в рамках НИР 3D-модель и чертежи будущей выращиваемой заготовки должны регистрироваться в базе данных организации. А при разработке в рамках НИОКР-комплексов вся конструкторская и технологическая документация должна засекречиваться до момента принятия руководством решения о режиме правовой охраны. После этого должна разрабатываться техническая документация, содержащая важные данные о процессе выращивания заготовки на конкретном комплексе.

На следующем этапе разработчики уведомляют патентно-лицензионную службу или специалистов по интеллектуальной собственности в организации о разработке документов, содержащих данные, представляющие коммерческую ценность, а те, в свою очередь, регистрируют это в журнале учета уведомлений и подписывают с ними соглашение о неразглашении. Затем сотрудники патентно-лицензионной службы доносят эту информацию до руководства, которое

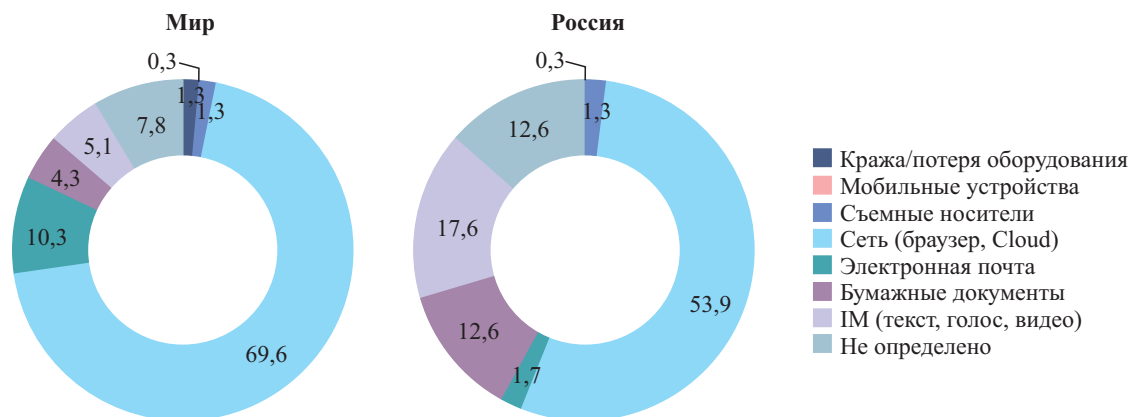

Рисунок 2. Распределение утечек по каналам передачи информации в России и в мире, январь — сентябрь 2020 г.

с учетом стратегии развития организации и политики по управлению интеллектуальной собственностью принимает решение о том, какие из представленных данных необходимо охранять в режиме коммерческой тайны, а какие стоит патентовать. После выбора конкретных данных и режима охраны вводится режим коммерческой тайны. Он оформляется в виде приказа по организации, формируется перечень лиц, имеющих доступ к секретной информации, и определяется способ ее хранения, в том числе и на электронных носителях.

Далее на протяжении всего цикла получения дохода от охраняемых коммерческой тайной сведений необходимо осуществлять управление рисками:

1. Осуществлять меры по предотвращению утечек конфиденциальных сведений и иных нарушений установленного режима коммерческой тайны или конфиденциальности.

Каждый шестой случай компрометации конфиденциальных данных в России происходит через программы для общения в интернете (мессенджеры) [7]. В России, как и во всем мире, активно их используют для быстрой передачи недавно полученных результатов разработок, например результатов экспериментов по отработке каких-либо стратегий построения изделий. В связи с этим компании, работающей удаленно и использующей в качестве канала связи интернет, сложно избежать утечки информации.

Для того чтобы режим коммерческой тайны стабильно функционировал, необходимо осуществлять периодический контроль со стороны назначенного ответственного лица соблюдения всех установленных условий конфиденциальности лицами, имеющими доступ к охраняемым сведениям. Также компаниям следует периодически проверять те меры, которые были предприняты для сохранности выбранных сведений. Это поможет контролировать, насколько эффективно и своевременно они применяются, и, если требуется, корректировать их.

Поэтому руководителям компаний, работающих в области 3D-печати, важно обеспокоиться внедрением способа взаимодействия и связи с сотрудниками для передачи конфиденциальной информации о технологии, оборудовании для 3D-печати, о поставщиках материалов и др. В качестве такого сервиса может выступить собственный сервер компании или выделенная безопасная линия связи, реализованная, например, посредством VPN-технологии [13].

При построении системы безопасной охраны в цифровом пространстве создаваемых коммерчески выгодных данных следует руководствоваться следующими рекомендациями:

- она должна иметь простую архитектуру, состоять из простых компонентов, иметь минимально воз-

можное число каналов и протоколов межсетевого взаимодействия. В системе должны присутствовать только те элементы, которые нужны ей для работы;

- рабочий процесс компании должны внедрять только предварительно протестированные программные решения, у которых известны все их преимущества и недостатки;
- в случае необходимости в них могут вноситься минимальные доработки силами сотрудников компании или привлеченных исполнителей, но без разглашения информации о тонкостях архитектуры программного решения и принципов его действия;
- компаниям следует применять только лицензированное ПО, по возможности оно должно быть внесено в государственный реестр программ для ЭВМ и баз данных; это позволит в дальнейшем понимать, к кому предъявлять претензии в случае некорректной работы;
- при создании системы стоит применять только аутентичные компоненты как долговечные и более надежные, что позволит всей системе не выходить неожиданно из строя. Должна учитываться совместимость всех компонентов;
- необходимо иметь возможность управлять как создаваемой системой целиком, так и отдельными программами или компонентами, пользуясь для этого минимальным количеством обращений к сторонней технической поддержке;
- в момент выявления факта утечки информации, обладающей коммерческой ценностью, компания должна предпринять попытку ее локализации. После этого необходимо определить источник, откуда она передается посторонним лицам, а также выяснить, куда она передается.

В компании должно быть организовано протоколирование и документирование любых действий сотрудников, работающих с охраняемой информацией, хранящейся в виде файлов, а также протоколирование и документирование случаев несанкционированного доступа к данным. Защита охраняемых данных должна быть многоуровневой. Каждый потенциальный канал утечки должен охраняться на нескольких уровнях. Это затруднит потенциальному похитителю доступ к охраняемым сведениям компании.

Для решения таких задач в штате компании, занимающейся аддитивным производством, должны быть сотрудники, имеющие определенные компетенции, позволяющие им предпринять все необходимые меры. Наличие в компании специалиста по информационной безопасности также позволяет повысить степень обоснованности принимаемых решений при проек-

тировании системы защиты информации, обеспечивающей защиту коммерческой тайны информации, обрабатываемой в информационной системе компании [4], с тем чтобы заранее определять слабые места в существующей системе и попытаться их усилить или устранить при обновлении структуры системы. Качественно спроектированная и построенная система защиты информации снижает риск возможной ее утечки и в результате, повышает эффективность работы компании. Таким образом, возникает необходимость расширить кадровый состав и нанять специалиста (или нескольких специалистов) по информационной безопасности либо, в случае невозможности принятия данного решения, воспользоваться помощью компаний, специализирующихся в области оказания услуг по построению защищенных инфокоммуникационных систем.

Хорошим решением также может стать приглашение сертифицированных в области информационной безопасности аудиторских компаний для получения объективной оценки состояния информационной защищенности компании и выработки индивидуальных решений по построению эффективной как с точки зрения безопасности, так и с точки зрения производительности системы с учетом всех бизнес-процессов в компании.

Для повышения сохранности сведений необходимо уменьшить доступ к конфиденциальным сведениям.

Компания должна создать свою локальную сеть, в которую будут выводиться по защищенным каналам для хранения охраняемые данные. При организации доступа к таким данным должны использоваться технические средства ограничения обмена данными с внешней средой (устройства для криптографической защиты, осуществляющие шифрование данных на рабочих станциях, комплексах для выращивания и серверах компании, передаваемых по каналам связи; различные средства антивирусной защиты; SIEM-системы и DLP-системы, обеспечивающие закрытие всех потенциальных каналов утечки информации и перехват исходящего трафика; сетевые фильтры, файрволы, устройства для контроля доступа к серверам; физическая защита средств коммутации с использованием специальных замков или блокировок). Помимо технических средств должны быть внедрены организационные меры (ограничения на использование сторонних носителей информации, на подключение сторонних устройств к терминалам доступа в локальную сеть, введение ограничений по внесению в места обеспечения доступа к локальной сети средств воспроизведения информации — смартфонов, камер и т.д.).

Компаниям, работающим в сфере аддитивного производства, необходимо осуществлять поступа-

тельную модернизацию системы контроля конфиденциальности сведений по мере увеличения их объема, увеличения количества лиц, которые имеют доступ к сведениям и пользуются ими, усложнения производства. Это связано с тем, что у таких компаний в силу специфики передачи данных через каналы связи и из-за постоянного развития средств и алгоритмов для ее изъятия в цифровом пространстве должны быть адекватные средства противодействия возможным атакам со стороны конкурентов.

При создании параллельно сразу нескольких разных объектов для выращивания или при масштабном серийном производстве необходимо выполнять классификацию и дифференциацию создаваемых данных (охраняемых сведений) относительно каждого получаемого в результате работ сотрудников технического решения или способа осуществления их профессиональной деятельности. Они должны распределяться по различным местам хранения в системе (на сервере) или носителям. В определенных случаях даже можно установить различный режим доступа к конкретным частям данных для конкретных сотрудников компании. Это позволит предупредить одномоментную потерю конфиденциальности для всего массива сведений, усложнить конкурентам получение всей секретной информации через один источник утечки.

В качестве примера разделения такой информации можно привести следующий вариант. Сведения о процессе выращивания изделия в целом можно представить как сумму сведений на различных этапах производства, например сведения об этапе подготовки рабочего инструмента на этапе 1 +...+ сведения о постобработке выращенного изделия на этапе N.

Доступ к определенным сведениям, находящимся в том числе в памяти оборудования для аддитивного производства и на сервере для передачи и хранения уже созданных моделей, управляющих программ, результатов испытаний, должны иметь только конкретные лица (персонал), которым использование этих данных необходимо для осуществления соответствующих трудовых функций.

В процессе массового использования цифрового формата создания данных, которые представляют коммерческую ценность и должны охраняться в режиме коммерческой тайны, компаниям из сферы аддитивного производства просто необходимо внедрить у себя автоматизированную систему управления результатами интеллектуальной деятельности (РИД). Она поможет ускорить процесс учета создаваемой ценной информации, которую руководство решает сохранить в тайне. Это будет способствовать повышению эффективности управления системой для предотвращения утечек и снижению потерь создаваемых

технических решений из-за упрощения учета и управления возникающими в процессе деятельности компаний РИД. Наличие в этой автоматизированной системе реестра всех значимых событий, касающихся РИД, позволит в случае необходимости подтвердить свои права на созданные данные.

2. *Требуется осуществлять мониторинг правовой чистоты полученной информации, которая охраняется коммерческой тайной.*

Выбранный руководством компании массив сведений, который охраняется в режиме коммерческой тайны, ввиду специфики аддитивного производства и создания управляющих программ или моделей для выращивания может впоследствии пополняться новыми сведениями. В результате происходит трансформация охраняемой информации и ее юридического статуса. После добавления новых данных это уже обновленный массив, новое техническое решение, которое требует введения режима коммерческой тайны. Поэтому необходимо осуществлять систематический контроль того, не нарушает ли использование сформированного массива сведений исключительных прав какого-либо третьего лица. Если добавленные данные не являются итогом творчества сотрудников компании, которые не создали данные в результате выполнения задания работодателя в рабочее время, в рамках своей должностной инструкции и на мощностях компании, а взяли их из интернета или у сторонних лиц, то необходимо получить право использования этой информации в коммерческих целях у ее правообладателя путем заключения соответствующего договора.

Для высокоэффективной работы с коммерческой тайной компании в лице ее руководства необходимо уделять большое внимание следующему:

- решению вопроса о необходимости найма дополнительных сотрудников, в обязанности которых будут входить поддержание безопасной работы инфокоммуникационной системы компании, работающей в сфере аддитивного производства, и в случае необходимости ее модернизация;
- ознакомлению каждого сотрудника организации с правилами и режимом работы с конфиденциальной информацией;
- для предотвращения распространения конфиденциальной информации необходимо усилить защиту персональных данных сотрудников, что снизит вероятность несанкционированного доступа в систему от лица скомпрометированных сотрудников;
- исследованию и внедрению методов безопасного взаимодействия и связи с сотрудниками компании, а также передаче важных данных о процессах, материалах и оборудовании в области 3D-пе-

чати; такими методами могут быть выделенные серверы или выделенная безопасная линия связи.

Результаты, полученные в настоящем исследовании, позволяют повысить информационную защищенность компаний из сферы аддитивного производства и информационных систем, использующихся в них при обработке сведений, составляющих коммерческую тайну. Это, в свою очередь, дает возможность снизить риск финансовых потерь компаний. Направлениями дальнейших исследований могут стать рассмотрение и исследование специфических методов защиты информации и выработка способов сокращения расходов на защиту коммерческой тайны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волчинская Е.К. Место персональных данных в системе информации ограниченного доступа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 193–207.
2. Головкина Д.В. Обеспечение информационной безопасности установлением режима коммерческой тайны // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 12–16.
3. Добрынин С.Л., Бурковский В.Л. Проблематика управления аддитивным производством на основе технологий промышленного интернета вещей // Вестник Воронежского государственного технического университета. Т. 17. № 2. 2021, С. 7–13.
4. Коломойцев В.С., Богатырев В.А. Эффективность поэтапного применения средств защиты с пересечением областей обнаружения угроз // Программные продукты и системы. 2018. Т. 32. № 3. С. 557–564.
5. Мащенко Д.С. Концептуальные вопросы организации информационно-экономической безопасности // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2004. № 2, С. 21–25.
6. Попов Н.Д. Способы защиты коммерческой тайны юридическими лицами // Правовая система России: история и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции (23 декабря 2017 г., Екатеринбург). Уфа: Омега Сайнс, 2017. С. 190–193.
7. Утечки информации ограниченного доступа: отчет за девять месяцев 2020 г. [Электронный ресурс] // Экспертно-аналитический центр InfoWatch. 2020. 26 с.
8. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ // Российская газета — Федеральный выпуск № 0(3543). 05.08.2004.
9. Despeisse M., Ford S. The Role of Additive Manufacturing in Improving Resource Efficiency and Sustainability // Centre for Technology Management working paper series, 2015. No 3, 9 s.

10. *Dilberoglva U. M., Gharehpapagh B., Yaman U., Dolen M.* The role of additive manufacturing in the era of Industry 4.0 // *Procedia Manufacturing*. 2017. Vol. 11, S. 545–554.
11. *Kasdan Michael J., Smith Kevin M.* Daniels Benjamin Trade Secrets: What You Need to Know // *The national law review* — Wiggin and Dana LLP, 2019. Volume IX, № 346.
12. *Moshiria M., Charles A., Elkaseer Ah. e.a.* An Industry 4.0 framework for tooling production using metal additive manufacturing-based first-time-right smart manufacturing system // *Procedia CIRP* 93 (2020). S. 32–37.
13. *Nesteruk Ph., Kharchenko A., Nesteruk G.* Information safety in electronic business: adaptive model of systems safety of information technologies // *Proc. of Int. Conf. "Information technology in business"* (St. Petersburg, October 8–10, 2003). St. Petersburg, 2003. S. 124–128.
14. *Zabojnik J.* A theory of trade secrets in firms // *International economic review*. Vol. 43, Issue 3, 2002. S. 831–855.
7. Utechki informacii ogranichenogo dostupa: otchet za 9 mesyacev 2020 g. [Elektronnyj resurs] // Ekspertno-analiticheskij centr InfoWatch. 2020. 26 s.
8. Federal'nyj zakon "O kommercheskoj tajne" ot 29.07.2004 No 98-FZ // *Rossijskaya gazeta* — Federal'nyj vypusk No 0(3543). 05.08.2004.
9. *Despeisse M., Ford S.* The Role of Additive Manufacturing in Improving Resource Efficiency and Sustainability // *Centre for Technology Management working paper serie*. 2015. No 3. 9 s.
10. *Dilberoglva U.M., Gharehpapagh B., Yaman U., Dolen M.* The role of additive manufacturing in the era of Industry 4.0 // *Procedia Manufacturing*, 2017. No 11. S. 545–554.
11. *Kasdan Michael J., Smith Kevin M.* Daniels Benjamin Trade Secrets: What You Need to Know // *The national law review* — Wiggin and Dana LLP, 2019. Vol. IX, № 346.
12. *Moshiria M., Charles A., Elkaseer Ah. e.a.* An Industry 4.0 framework for tooling production using metal additive manufacturing-based first-time-right smart manufacturing system // *Procedia CIRP* 93 (2020). S. 32–37.
13. *Nesteruk Ph., Kharchenko A., Nesteruk G.* Information safety in electronic business: adaptive model of systems safety of information technologies // *Proc. of Int. Conf. "Information technology in business"* (St. Petersburg, October 8–10, 2003). St. Petersburg, 2003. P. 124–128.
14. *Zabojnik J.* A theory of trade secrets in firms // *International economic review*. Vol. 43, Issue 3, 2002. S. 831–855.

REFERENCES

1. *Volchinskaya E.K.* Mesto personal'nyh dannyh v sisteme informacii ogranichenogo dostupa / *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*. 2014. No 4. S. 193–207.
2. *Golovkina D.V.* Obespechenie informacionnoj bezopasnosti ustanovleniem rezhima kommercheskoj tajny // *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta*. No 1 (82). 2019. S. 12–16.
3. *Dobrynin S.L., Burkovskij V.L.* Problematika upravleniya additivnym proizvodstvom na osnove tekhnologii promyshlennogo interneta veshchej // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. T. 17. № 2. 2021, S. 7–13.
4. *Kolomoitsev V.S., Bogatyrev V.A.* Effektivnost' poetapnogo primeneniya sredstv zashchity s peresecheniem oblastej obnaruzheniya ugroz // *Programmnye produkty i sistemy*. 2018. T. 32. No 3. S. 557–564.
5. *Mashchenko D.S.* Konceptual'nye voprosy organizacii informacionno-ekonomicheskoy bezopasnosti // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta*. 2004. No 2. S. 21–25.
6. *Popov N.D.* Sposoby zashchity kommercheskoj tajny yuridicheskimi licami // *Pravovaya sistema Rossii: istoriya i sovremennost': sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno — prakticheskoy konferencii (23 dekabrya 2017 g, Ekaterinburg)*. Ufa: Omega Sajns. 2017. S. 190–193.

unesco

Chair

**UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights**

The history of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dates back to June 1998, when the Director General of UNESCO and the President of the Griboedov' Institute of International Law and Economics (IILE) signed an Agreement on the establishment of the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights. Over the last years the UNESCO Chair has become the regional center of international cooperation on the issues of Intellectual Property Rights and Information Law in the Commonwealth of Independent States (CIS). It has assisted in the establishment of similar UNESCO Chairs in Belarus, Georgia and Moldova.

On March 20, 2009 the UNESCO Chair changed the host university. At present the UNESCO Chair is an International research and educational center at the Higher School of Economics (HSE University).

The UNESCO Chair conducts its work in cooperation with the RF Commission on UNESCO issues, with Sector of Culture and Sector of Communication and Information of the UNESCO Secretariat as well as with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education.

The activity of the Chair has a comprehensive character and covers Copyright and Neighboring Rights, as well as Information Law, including Mass Media Law, Cyberspace Law, Artificial Intelligence etc.

The Chairholder is the Honorable Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Mikhail A. Fedotov. He has many years of teaching experience in different Law Schools. In the 1990s he has served as a Minister of Press and Information of the RF, a Director General of the Russian Agency of Intellectual Property under the RF President, and he was the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO, with the diplomatic rank of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary. He is one of the authors of the Russian Media Law 1990-1991 and one of the creators of the Copyright Law 1993 along with some other federal acts. Since 2010 to 2019 he served as an Advisor to the President of RF and chairman of the Presidential Council for the Civil Society Development and Human Rights.

Today the UNESCO Chair is a large scientific team uniting leading experts working in different universities and research institutions, federal legislative and executive bodies, law firms, copyright societies, in different regions and even in different countries (including members from Belarus and Ukraine, the United States, Germany and other countries). They share common interest in the field of Intellectual Property Rights, Information Law, Media Law etc. Due to joint research activities of the UNESCO Chair members in 1998–2020 it has gained the position of a leading expert center in the Russian Federation.

The main spheres of the UNESCO Chair's activities in the abovementioned areas are as follows:

- conducting basic scientific researches and publishing their results in the scientific journal (quarterly) *Works of the Intellectual Property*, as well as on the Chair's website www.unescochair.ru;
- hosting conferences, seminars, presentations and other activities aimed to disseminate knowledge and technology;
- promoting the development of skills for scientific activities for educators, students and postgraduates of HSE, training graduate students on intellectual property right issues, and information law;
- popularization of contemporary approaches to the creation, protection and use of intellectual property, development of information society and drafting of the law regulating the Internet and traditional media;
- rendering assistance to profile committees and the commissions of chambers of the Russian Parliament, to the RF Audit Chamber, as well as RF Constitutional and Supreme Courts, RF Public Chamber and other state bodies in the development of statutory acts and formation of the law-enforcement practice;
- providing scientific consultation to different organizations and individuals, whose activity deals with the creation, use and protection of intellectual and information products;
- creating original educational programs on the basis of the special teaching program prepared by UNESCO;
- cooperation with UNESCO, WIPO and other UN agencies as well as with the OSCE and the Council of Europe within the Chair's sphere of activities;
- establishing links with universities and scientific organizations in Russia and overseas, engaged in teaching and research;
- promotion of regional and international inter-university cooperation in the development of teaching and research;
- the analysis and systematization of existing legislation, enforcement practice and research results;
- other activities within the UNITWIN/UNESCO Chairs Program.

Contact information on the Chair

Address for correspondence and visiting:

109028, Moscow, Bolshoy Trehsvyatitelskiy lane, 3;

room 436; tel./fax: +7(495)772-9590 # 23017;

www.hse.ru/unesco/; www.unescochair.ru;

e-mail: mfedotov@hse.ru; rbudnik@hse.ru; nyakimovskaya@hse.ru